

75

Сибирское отделение АН СССР
Институт истории, филологии и философии

ИНФИНИТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА
(Сборник научных трудов)

Новосибирск
1979

Редколлегия:

д.ф.н. Е. И. Убрятова, д.ф.н. М. И. Черемисина (ответственный редактор), к.п.н. Л. М. Горелова, Л. А. Шамина.

Л. М. Горелова

ФУНКЦИИ ЭВЕНКИЙСКИХ ПРИЧАСТИЙ
И ИХ ОТНОШЕНИЯ К ДЕЕПРИЧАСТИЯМ

В эвенкийском языке существует два класса глагольных форм, которые выступают в "инфинитивной" функции, — причастия и деепричастия. Как те, так и другие функционируют в качестве зависимого предиката, т.е. предиката, возглавляющего зависимую часть полипредикативной конструкции, и в этом смысле противопоставлены "окончательным", "конечным", "финитным" формам. В качестве зависимого предиката причастие выражает факт и характер зависимости своим причастным показателем совместно с показателем падежа; деепричастие же выражает эту зависимость своим категориальным формантом. Правда, если для деепричастий функция зависимого предиката является единственной¹, то причастие характеризуется и некоторыми другими функциями, которые будут рассмотрены ниже.

Два различных класса глагольных форм — причастия и деепричастия — пересекаются не только в сфере синтаксического функционирования, но и обнаруживают связь в происхождении своих категориальных формантов: факт причастного происхождения деепричастий так или иначе отмечался исследователями различных языков. Общеизвестно, например, что русские деепричастия — это "застывшие падежно-родовые формы кратких причастий, утративших парадигму склонения"². А. П. Рифтин в статье "О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке", ссылаясь на различные источники, приводит факты причастного происхождения деепричас-

¹ Пока мы не рассматриваем случаи адвербиализации одиночных деепричастий.

² Черемисина М. И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем. — В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 5.

тий в различных агглютинативных и инкорпорирующих языках: тунгусских, японском, чукотском, нивхском, кнагирском³. Правда, А. П. Рифтин чаще всего говорит о факте образования деепричастия на базе падежных форм отглагольного имени, но анализ этих форм показывает, что это такой класс глагольных форм, который выполняет те же синтаксические функции, что и причастия в тунгусо-маньчжурских (в частности, в эвенкийском) языках.

Применительно к тунгусо-маньчжурским языкам мысль о причастном происхождении также не является новой. Так, О. А. Константинова пишет, что в эвенкийском языке "притяжательные деепричастия по происхождению в большинстве своем являются падежными формами причастий или производных имен. Форманты этих деепричастий (за немногим исключением) легко поддаются этимологизированию, распадаясь на элементы, которые сопоставимы с аффиксами соответствующих причастий или имен и с аффиксами тех или иных падежей"⁴.

В эвенском языке в качестве разновременного деепричастия функционирует причастная форма на -ри в дательном падеже с возвратными (субъектными) аффиксами ед. и мн. ч.⁵

В нанайском языке В. А. Аврорин отмечает так называемое предварительное деепричастие, которое "образовалось из словосочетания, включающего в себя личное причастие настоящего-будущего времени в творительном падеже лично-притяжательной или возвратно-притяжательной формы от соответствующей глагольной основы и наречие гэсэ 'вместе'"...⁶. Далее В. А. Аврорин пишет, что

³ Р и ф т и н А. П. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке. - В. кн.: Советское языковедение, т. 3, Л., 1937, с. 64-

⁴ К о н с т а н т и н о в а О. А. Эвенкийский язык. М.-Л., 1964, с. 207.

⁵ Ц и н ц и у с В. И. и Р и ш е с Л. Д. Русско-эвенкий словарь. М., 1952, с. 746; Ц и н ц и у с В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, ч. I, Л., 1947, с. 208.

⁶ А в р о р и н В. А. Грамматика нанайского языка. М.-Л., ч. I, 1961, с. 164.

слово гэсэ часто опускается, и "тогда форма предварительного деепричастия становится материально равной форме соответствующего причастия в творительном падеже"⁷.

Большинство тунгусо-маньчжуроведов возможной базой для образования деепричастных форм считает падежные формы причастий, но, например, О. П. Суник, не отрицая возможности перехода некоторых причастий в разряд деепричастий, категорически отрицает такую возможность для спрагаемых склоняемых причастных форм. Правда, такая точка зрения вытекает из особого понимания О. П. Суником категории причастия в тунгусо-маньчжурских языках⁸.

В результате анализа деепричастных формантов в эвенкийском языке, проведенного в ходе подготовки этой статьи, мы имеем основания утверждать следующее:

1. Базой для образования эвенкийских деепричастий явились причастия, но не производные имена.

2. Причастное происхождение имеют, видимо, не только притяжательные (сложные) деепричастия, но и простые. Но происхождение простых деепричастий сильно затемнено, и они с большим трудом поддаются этимологизированию. Это происходит потому, что многие из простых деепричастий возникли гораздо раньше, притяжательных.

3. По происхождению эвенкийские деепричастия делятся на две группы: одни из них восходят к падежным причастным формам, другие же - к причастным формам, не оформленным показателем падежа.

4. В том случае, если деепричастие образовано на базе причастно-падежных форм, функционирующих в современном языке, возникает необходимость определения критериев различения причастий и деепричастий в позиции зависимого предиката, как форм, относимых к различным категориальным классам.

Обоснованию этих утверждений, а также постановке и обсуждению связанных с ними вопросов и будет посвящена данная статья.

⁷ А в р о р и н В. А. Грамматика нанайского языка, с. 165.

⁸ С у н и к О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.-Л., 1962, с. 295-296.

Поскольку в этой статье пойдет речь о причастном происхождении деепричастий, прежде чем переходить к конкретному материалу, целесообразно дать характеристику тому классу форм, который мы считаем причастиями. Это нужно, во-первых, потому, что термин "причастие" употребляется в тунгусо-маньчжуристике в особом смысле по сравнению с тем, как он употребляется в европейстике (в частности, в русистике). Во-вторых, и сами исследователи тунгусо-маньчжурских языков вкладывают в этот термин не всегда одинаковый смысл.

Как нам представляется, здесь не имеет смысла приводить и обсуждать все точки зрения, существующие в тунгусо-маньчжуристике на категорию причастия в эвенкийском языке (и шире - в тунгусо-маньчжурских). Каждая из них отражена в уже вышедших изданиях, так или иначе затрагивающих эту тему; кроме того, существуют работы, которые по мере возможности и в соответствии со своими целями, сводят эти точки зрения воедино⁹.

В своем понимании причастий мы основываемся на идеях Г. М. Василевич, получивших дальнейшее развитие в работах Л. М. Бродской.

Термин Г. М. Василевич "глагольно-именные формы" соответствует тому объему форм, которые в этой статье объединяются термином "причастие". Глагольно-именными формами Г. М. Василевич называла такой класс глагольных форм, который имеет "изменение по падежам - абсолютное склонение, изменение по падежам и лицам - притяжательное склонение и изменение по лицам - спряжение"¹⁰.

⁹ С у н и к О. П. Указ. соч.; Б р о д с к а я Л. М. К вопросу о дифференциации именных глагольных форм в эвенкийском языке. - В кн.: Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972; Г о р е л о в а Л. М. Категория вида в эвенкийском языке. Новосибирск, 1979, с. 8-12.

¹⁰ В а с и л е в и ч Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940, с. 63.

Затем Л. М. Бродская показала возможность разделения этого класса на три подкласса в зависимости от морфологических характеристик каждого: 1) безличные склоняемые формы - причастия; 2) личные (спрягаемые) несклоняемые формы - глагол; 3) спрягаемые и склоняемые формы - глагольно-именные формы II.

В данной работе в силу традиции мы оставляем за этим классом слов термин "причастие". Это не значит, что мы полностью согласны с этим термином, скорее наоборот, но просто пока мы проблеме термина не обсуждаем. Сейчас для нас важнее выявить существенные характеристики обсуждаемого класса глагольных форм.

Приведенные выше морфологические характеристики причастий показывают, что с морфологической точки зрения этот класс слов определяется наличием двух дифференциальных признаков: 1) склоняемостью и 2) спрягаемостью.

Поскольку определить некоторый дифференциальный признак для какого-либо множества - это по-существу означает разбиение данного множества на два подмножества, одно из которых этим признаком обладает, а другое - нет, то заданием двух дифференциальных признаков "склоняемость" и "спрягаемость" все множество "причастия" разбивается на четыре подмножества (подкласса):

- 1) склоняемые неспрягаемые формы;
- 2) склоняемые спрягаемые формы;
- 3) несклоняемые спрягаемые формы;
- 4) несклоняемые неспрягаемые формы.

С синтаксической точки зрения склоняемые неспрягаемые формы (I) выполняют атрибутивную функцию:

Эййкээн дюр одломбчиданол бригадал итивупчал. 'Сейчас подготовлены две бригады, которые должны начать рыбачить (букв. - две должныствующие-начать-работать бригады)' (3); спрягаемые склоняемые формы (2) выполняют функцию зависимого предиката:

Би оалмй миунй гиркйв амакан эмаденэвен. 'Я узнал, что мой друг может скоро прийти' (3);

II Б р о д с к а я Л. М. Указ. соч., с. 21.

несклоняемые спрягаемые формы (3) выполняют функцию главного предиката:

Бу ороввор уйдэжэвун. 'Мы привяжем своих оленей' (3);
и, наконец, несклоняемые неспрягаемые формы (4) выполняют:
а) функцию знаменательного компонента аналитической конструкции:

Таргачинма хавава си одяда бисинни. 'Такую работу ты можешь сделать' (1)

и б) функцию главного предиката в 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени:

Нунап мёнин гулэвэй хавалдича. 'Он сам сможет построить для себя дом' (2).

Последний случай можно было бы считать частным случаем функции знаменательного компонента аналитической конструкции, поскольку на 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени указывает не отсутствие в этой форме личного показателя, а отсутствие глагола-связки (форма на -си 3 л. ед. и мн. ч. от глагола би-). В остальных лицах и временах неспрягаемые несклоняемые причастные формы в качестве главного предиката употребляются только в составе аналитической конструкции.

Существенно отметить следующую закономерность: если для некоторого причастия отмечено употребление его несклоняемой неспрягаемой формы в 3 л. ед. и мн. ч. в качестве главного предиката, то эта причастная форма участвует в образовании аналитической конструкции.

Существует мнение, что в современном эвенкийском языке (А. Ф. Бойцова, О. А. Константинова, Е. П. Лебедева, Л. М. Бродская) несклоняемые спрягаемые формы, стабильно употребляясь в функции главного предиката, перешли в разряд *verbum finitum*. Здесь возникает следующий вопрос: почему несклоняемые спрягаемые формы одних причастий считаются перешедшими в разряд собственно глагола (формы на -ча, -зава, -жи, -нат), а другие — таковыми не считаются? Например, никто никогда не называл несклоняемые спрягаемые формы на -кта, -дя, -на, -дяк

в функции главного предиката формами собственно глагола.

На множестве склоняемых (как спрягаемых, так и неспрягаемых) причастий можно ввести дальнейшее разбиение. Формы, принадлежащие этому множеству, в своей парадигме склонения включают форму именительного падежа (падежно-неоформленная форма) и формы косвенных падежей (падежно-оформленные формы).

Учитывая тот факт, что склоняемые формы разбиваются на падежно-оформленные и падежно-неоформленные, можно получить таблицу, включающую склоняемые спрягаемые и склоняемые неспрягаемые формы с точки зрения их оформленности падежными аффиксами.

	падежно-оформленные формы	падежно-неоформленные
спрягаемые формы	+	+
неспрягаемые формы	+	+

В функции зависимого предиката выступают:

1) в придаточных подлежащих и определительных спрягаемые падежно-неоформленные причастные формы:

Нунап улгучэниён горола савувча. 'То, что он рассказывал, было давно известно' (3);

Нунартия бидеритни гулэсэг, бира дэрэндүч бисин.
'Деревня, в которой они живут, находится на истоке реки' (3);

2) в придаточных дополнительных и обстоятельственных спрягаемые падежно-оформленные причастные формы:

Бу дёндадярэв муна гүннёвёс. 'Мы помним то, что ты нам говорил' (2);

Дылача тыкиллидүн нунап аичан. 'Когда солнце начало садиться, он причалил к берегу' (3).

В атрибутивной функции выступают:

1) неспрягаемые формы, падежно-оформленные в соответствии с падежом определяемого существительного:

Гиркин тоготчорива бэйцэвэ пактырэнэн 'Его товарищ выстрелил в лежащего зверя' (1);

2) а в именительном падеже – неспрягаемые формы, не оформленные падежным аффиксом:

Пактыравунма тэсидери бэеткэн эричэн гириивн. 'Чистый ружье мальчик позвал своего товарища' (1).

Неспрягаемые склоняемые причастные формы в именительном падеже (не оформленные показателем падежа) материально совпадают

1) с причастиями, выполняющими функцию знаменательного компонента аналитической конструкции:

Бэйтэдэңэ мата гулэсэгдулэви нулгирэн. 'Сосед, который будет охотиться, откопал в свою деревню' (1);

сравните:

Тыгдэдеңэ-дэ бирэкин, зонтикви экэл гара. 'Хотя и будет дождь, зонтик не бери' (4)

(несклоняемая неспрягаемая причастная форма тыгдэдеңэ входит в аналитическую конструкцию тыгдэдеңэ-дэ бирэкин как знаменательный компонент);

2) с причастными формами в функции главного предиката в 3 л. ед. и мн. ч.:

Тала бидеппил илэл бусэлэчипкыл кэвтырэдулйэр. 'Живущие там люди подпоясываются под мышками' (2);

сравните:

Тугэ тала кэтэ илэл энэктэвкыл. 'Зимой туда приезжает много людей' (1).

Тем не менее, не смотря на материальное совпадение, эти формы различны по своей сущности: причастные формы в атрибутивной функции, являясь склоняемыми, входят как формы именительного падежа в парадигму атрибутивного склонения (и как формы именительного падежа не имеют материального падежного оформителя). Причастные же формы в функции знаменательного компонента аналитической конструкции, а также в функции главного предиката в 3 л. ед. и мн. ч. являются в принципе неспрягаемыми и несклоняемыми, и они не входят в парадигму атрибутивного склонения.

Далее, спрягаемые склоняемые формы в именительном падеже в функции зависимого предиката материально совпадают со спрягаемыми формами – глаголом:

Тала нунан татчанан со ая. 'То, что он может там учиться – очень хорошо' (3);

сравните:

Миний акым дйлави мучудянан. 'Мой брат домой вернется' (2).

Тем не менее, несмотря на материальное совпадение, эти формы глубоко различны по своей сущности: первая, как форма именительного падежа входит в парадигму атрибутивного склонения; вторая же в принципе несклоняемая.

Необходимо сказать, что склоняемые неспрягаемые и склоняемые спрягаемые причастные формы различаются не только тем, что одни спрягаются, а другие – нет. Они различаются еще и типом склонения. Склоняемые неспрягаемые формы, характеризуясь атрибутивной функцией, развивают аппарат склонения с целью грамматического согласования с определяемым существительным. Система атрибутивного склонения включает все падежи, которые характерны для склонения существительных, с теми же конкретными значениями.

Падежи склоняемых спрягаемых причастных форм, функционирующих в роли зависимого предиката, характеризуются особой категориальной семантикой, которая заключается в том, чтобы выражать синтаксическую зависимость иного порядка: подчинение зависимого предиката конечному предикату ¹².

Именно в связи с функцией выражения факта синтаксического подчинения зависимого предиката главному и определения характера этой зависимости падежи склоняемых спрягаемых причастных форм образуют специфический морфологический аппарат, который

¹² У б р я т о в а Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. П. Сложное предложение. Книга первая. Новосибирск, 1976. с. 136 и др.

Е. И. Убрютова назвала предикативным причастным склонением ¹³. Понятие предикативного причастного склонения было разработано Е. И. Убрютовой на материале якутского языка, а затем применено к материалу бурятского языка и развито дальше в статье Е. К. Скрибни и М. И. Черемисиной "Опыт формального описания причастно-последовых конструкций бурятского языка". В этих исследованиях показано, что система падежей причастного предикативного склонения существенно отличается от системы атрибутивного склонения и в количественном плане: первое включает меньшее количество падежей.

Что касается предикативного причастного склонения в эвенкийском языке, то здесь возникает множество вопросов, которые мы пока можем лишь поставить: различаются ли в эвенкийском языке падежи предикативного склонения своими конкретными значениями по сравнению с одноименными падежами в атрибутивном склонении; каков набор падежей для каждого отдельного причастия в функции зависимого предиката; как совпадают эти наборы для всех причастий.

Тем не менее, уже предварительное исследование причастно-предикативного склонения в эвенкийском языке показывает, что, хотя каждое причастие имеет, видимо, свой, характерный для данного причастия, набор падежей, общий набор падежей для всех причастий в количественном отношении гораздо меньше, чем количество падежей, входящих в атрибутивное склонение.

На основании предварительного исследования этой проблемы мы составили таблицу, которая показывает сочетаемость причастных форм в функции зависимого сказуемого с падежными формами (см. таблицу II).

Как видно из этой таблицы, винительный падеж употребляется со всеми причастиями, представленными в таблице, кроме причастия на -кта, но форма винительного падежа этого причастия перешла в разряд деепричастий. Из остальных падежей, входящих

Предикативное причастное склонение

Таблица II

Падежи	Имени- тель- ный	Вини- тель- ный	Винитель- ный неоп- ределен- ный	Ка- тель- ный	Мест- ный	про- дол- ный	на- пра- тель- ный	напра- витель- но-мест- ный	напра- витель- но-про- дол- ный	отло- витель- ный	тво- ри- тель- ный	ис- ход- ный
Причастия												
-(д)ри	+	+		+	+	+					+	
-на	+	+		+		+	+			+		
-ча		+		+						+		
-ни		+								+		
-ува	+	+		+		+						
-мачи		+			+							
-эчи 1+ра		+										
-ни		+										
-кта		+		+						+		

ПРИМЕЧАНИЕ: знак + означает, что соответствующее причастие употребляется в функции зависимого предиката с соответствующим падежным показателем.

¹³ Убрютова Е. И. Там же.

в атрибутивное склонение, в предикативном склонении отмечены дательный (встречен с пятью причастиями), продолжный (с четырьмя причастиями), отложительный (с тремя), именительный (с тремя), творительный (с одним причастием) падежи. Для предикативного причастного склонения не характерны, видимо, падежи с узким значением, такие, как винительный неопределенный, направительно-местный, направительно-продолжный, исходный.

Спрягаемые склоняемые и спрягаемые несклоняемые формы, употребляясь в различных функциях, различаются еще и по типу спряжения.

Спрягаемые несклоняемые причастные формы, употребляясь только в функции главного предиката, обладают категорией независимого финитного спряжения, которое в плане содержания выражает категорию абсолютного грамматического лица, и оформляются только личными показателями.

Как показано в цитируемой уже статье Е. К. Скрибник и М. И. Черемисиной для языков алтайского типа система изменения зависимых предикатов по лицам, т.е. "зависимое" спряжение "характеризуется ярким своеобразием грамматического содержания и отражающими эту специфику особенностями устройства парадигмы по сравнению с независимым, личным спряжением по лицам" ¹⁴. Зависимое спряжение по концепции авторов этой статьи выражает грамматическую категорию относительного лица, которая служит для того, чтобы выражать "наличие или отсутствие тождества между субъектами зависимого или главного действия (события). Субъектные показатели (ед. и мн. ч.), входящие в парадигму зависимого спряжения, отождествляют субъект зависимого действия с главным, а личные показатели выражают отсутствие тождества между субъектами".

Понятно, что спрягаемые склоняемые причастные формы в эвенкийском языке, функционируя в качестве зависимого предиката, обладают категорией зависимого спряжения и оформляются как субъектными (возвратными), так и личными показателями.

¹⁴ Скрибник Е. К., Черемисина М. И. Указ. соч.

Перечисленные выше морфологические и синтаксические критерии, на основе которых выделяется особый класс глагольных форм — причастия —, были рассмотрены нами на множестве выделяемых большинством тунгусоведов причастий. В результате этого анализа была составлена таблица, представляющая систему функций эвенкийского причастия. (См. таблицу III). В таблице не приводятся лишь те причастия, которые представлены слишком малочисленным материалом. С другой стороны, можно предположить, что какое-то количество причастий будет выявлено в результате дальнейшего изучения эвенкийского языка, описания еще неисследованных и мало исследованных говоров.

В то же время таблица носит несколько абстрактный характер, поскольку она представляет систему возможностей, характерных для всего языка в целом, понимаемого не только как один основной (подкаменно-тунгусский) говор, но и как система говоров. Иными словами, вполне возможна ситуация, когда в каком-либо одном говоре функционируют не все отмеченные в таблице формы определенного причастия (соответственно, это причастие несет на себе не все функции, характерные для всего класса причастий в целом, а только некоторые из них. В других же говорах фиксируются те формы (и соответственно, функции) этого причастия, которые не были отмечены в первом. Примером может служить причастие на -уки. В подкаменно-тунгусском говоре форма на -уки употребляется только как форма изъявительного наклонения прошедшего времени:

Долбониткин нунартун мундулэ эмеденкин. 'Каждый вечер они приходили к нам' (I).

В некоторых других говорах эта форма употребляется в функции зависимого предиката:

Бу сачавун нунан колхозникилнун горохиово угучеметчанкин-ээн. 'Мы знали, что он очень долго разговаривал с колхозниками' (I).

Как уже говорилось, система функций всех причастий, взятых в совокупности, включает в себя четыре функции: атрибутивную, зависимого предиката, главного предиката, знаменательного компонента аналитической конструкции. Но каждое причастие характе-

Таблица III

Причастные формы Их функции	-яща (возможного действия)						-ча (законченное)					
	несклоняемые			склоняемые			несклоняемые			склоняемые		
	неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.	
		субъектные	личные		субъектные	личные		субъектные	личные		субъектные	личные
атрибутивная				+						+		
зависимого предиката					+	+					+	+
главного предиката	+		⊕				+		⊕			
знаменательного члена аналитиче- ской конструкции	+						+					
переход в деепричастия											-чала -чали	

- Обозначения: + — форма с соответствующей синтаксической функцией существует;
- +? — теоретически форма должна существовать, но пример нами не встречен;
- ⊕ — форма существует, но в современном языке перешла в состав финитных.

Таблица III (продолжение)

-ри (-зари) длящегося действия						-мачин (долженствовательное)					
несклоняемое			склоняемое			несклоняемое			склоняемое		
неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.	
	субъектные	личные		субъектные	личные		субъектные	личные		субъектные	личные
			+						+		
				+	+					+	+
		⊕				+					
+						+					

теризуется своим собственным набором функций (и соответственно, форм), элементы которого варьируются однако на основе общей системы функций.

В зависимости от функций (и количества образуемых форм), выполняемых определенным причастием, мы разделили все множество причастий (нами было рассмотрено 16 причастий) на несколько типов.

Тип I. К этому типу относятся причастия возможного действия на -яща и законченного действия на -ча. Эти причастия характеризуются всеми четырьмя возможными функциями и пятью типами форм: непрягаемые склоняемые, спрягаемые склоняемые (оформленные личными и субъектными показателями), несклоняемые спрягаемые (будущее время изъявительного наклонения) и непрягаемые несклоняемые.

Таблица III (продолжение)

-эчин Т+ра (отрицательное причастие)						-нат (долженствовательное)					
несклоняемое			склоняемое			несклоняемое			склоняемое		
неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.	
	субъектные	личные		субъектные	личные		субъектные	личные		субъектные	личные
			+								
				+	+					+	+
+								⊕			
+						+					

Тип II. Этот тип представлен причастием длящегося действия на -(дя)ри, которое тоже имеет четыре функции и пять типов форм.

Тип II отличается от типа I тем, что неспрягаемая несклоняемая форма не может функционировать без связки в качестве главного предиката.

Тип III. Этот тип объединяет так называемые причастия на -мачи и причастие отрицательное на -эчин Т+ра. Они имеют четыре функции, но характеризуются отсутствием спрягаемых несклоняемых форм, которые функционируют в качестве главного предиката.

Тип IV. К этому типу относится причастие долженствовательное на -нат, которое характеризуется тремя функциями: зависимого предиката, главного предиката и знаменательного компонента аналити-

Таблица III (продолжение)

-чки (обычное)						-вки (обычное)					
несклоняемое			склоняемое			несклоняемое			склоняемое		
неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.	
	субъектные	личные		субъектные	личные		субъектные	личные		субъектные	личные
									+		
				+	+						
+		⊕		-		+					
?						+					

ческой конструкции и четырьмя формами: несклоняемые неспрягаемые, несклоняемые спрягаемые, склоняемые спрягаемые; оформленные личными и субъектными показателями. Ближе к этому причастию причастие обычное на -чки, которое также образует четыре типа форм - несклоняемые неспрягаемые, несклоняемые спрягаемые, склоняемые спрягаемые (в личном и субъектном оформлении), но характеризуется меньшим количеством функций: зависимого и главного предиката. Возможно, что несклоняемая неспрягаемая форма этого причастия может функционировать на знаменательный компонент аналитических конструкций, но нам таких примеров не встретилось.

Тип V. К этому типу можно отнести причастие обычное на -вки и ближайшее на -лтаи. Они обладают тремя функциями: атрибутивной, главного предиката в 3 л. ед. и мн. ч. и знаменательного компонента аналитической конструкции, но всего двумя типами

Таблица III (продолжение)

-дьяк					-вья (безлично-долженствовательное)				
несклоняемое			склоняемое		несклоняемое			склоняемое	
неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.	неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.
	субъектные	личные				субъектные	личные		
				+				+	+
	+				+				
дьяк									

В ходе подготовки этой статьи были рассмотрены почти все деепричастия в эвенкийском языке с точки зрения их происхождения и оказалось, что в большинстве своем они восходят (а по-существу, ими являются): I) к несклоняемым неспрягаемым формам причастия или же II) к склоняемым спрягаемым причастным формам*.

I. К первой группе относятся простые деепричастия на -на, -дя, -дьяк.

* Мы не можем утверждать этого только по отношению к двум простым деепричастиям (на -мнен и на -мнан), поскольку их происхождение до сих пор остается неясным; преждевременным является утверждение этого факта и по отношению к двум сложным деепричастиям: ограничительному на -нма и параллельному на -наси. Тем не менее, нельзя пока со всей строгостью и отрицать эту мысль.

Таблица III (окончание)

-на (законченное II)					-ма				
несклоняемое			склоняемое		несклоняемое			склоняемое	
неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.	неспрягаемые	спряг.		неспрягаемые	спряг.
	субъектные	личные				субъектные	личные		
			+						
				+					

Связь между несклоняемой неспрягаемой формой результативного причастия на -на и деепричастием одновременным на -на неоднократно отличалось исследователями ¹⁵.

Причастие на -дя в функции главного и зависимого предикатов было отмечено Г. М. Василевич в ербогаченском диалекте:

нэз'э-дү-хун нэгднйкун мб бичэн. 'Там, где мы убили, было большое дерево'; илбэделты 'мы гоним' ¹⁶.

¹⁵ Василевич Г. М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка, с. 110.

¹⁶ Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, с. 190.

В дипломной работе А. Г. Перцевой, посвященной описанию говора п. Чиринда и выполненной в 1971 г. в Новосибирском государственном университете, отмечается употребление этой формы от вторичных глагольных основ на -на (значение движения с целью совершения какого-либо действия) и от глагольных основ, образованных от существительных посредством аффикса -ла. Эта форма оценивается А. Г. Перцевой как деепричастная, имеющая общий субъект с субъектом главного предиката.

Причастие на -дяк было отмечено Г. М. Василевич в смысловом диалекте в функции зависимого предиката:

улгүрүйдан н'үрүйдүчү аңа 'акпи' 'всем рассказал о том, что видел волосатого' 17.

Это же причастие отмечено А. Г. Перцевой в говоре п. Чиринда в функции главного предиката:

Аминмас вадякитын баетыл 'Отца твоего убили людоеды'.

С другой стороны, Г. М. Василевич отмечает форму на -дяк в функции простого деепричастия со значением одновременности:

Нулгидекил, уринэ 'Прикочевав, они остановились стойбищем' 18.

Интересно отметить тот факт, что соответствующие этим деепричастиям несклоняемые неспрягаемые формы в классе причастий не функционируют, во всяком случае все рассмотренные нами источники не дали ни одного примера, где бы несклоняемая неспрягаемая форма встретила в соответствующей причастной функции.

П. Ко второй группе деепричастий относятся как простые, так и сложные деепричастия. Причем, когда мы говорим о переходе падежных причастных форм в класс деепричастий, то имеем в виду несколько типов этого процесса.

17 Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка, с. 77.

18 Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, М., 1958, с. 756.

Тип I. В современном языке деепричастный формант не осознается как составной, т.е. состоящий из показателя причастия и аффикса косвенного падежа; обнаруженные при реконструкции падежные и причастные показатели уже не функционируют в современном языке, или же функционируют в ограниченном употреблении.

К таким, например, формантам относится показатель простого условно-временного деепричастия на -мй. Е. П. Лебедева в устной беседе высказала мысль, что базой для образования этого деепричастия явилось древнее причастие на -ма в родительном падеже. Нужно сказать, что в современных тунгусо-маньчжурских языках - кроме маньчжурского - родительный падеж (показатель i) утерян, тем не менее он восстанавливается многими исследователями. Процесс образования форманта -мй можно представить следующим образом: -мй < -*май < -*ма + и.

Что касается показателя -ма/-мэ/-мо, то он вычленяется в эвенкийских прилагательных (мб-ма 'деревянный', гикума-ма 'пеший', дблчэ-мэ 'слушающий', 'слышный').

Г. М. Василевич отмечала причастие на -ма в подкаменно-тунгусском диалекте 19.

Мы обнаружили причастие на -ма в материалах, полученных нами в 1976 г. от З. Н. Пикуновой, говорящей на чемдальском говоре подкаменно-тунгусского диалекта.

Правда, пока примеров с причастием на -ма немного, но сейчас нам важен сам факт существования данного причастия.

Приведем эти примеры:

Би хутэдуи деньчилва эжэм бурэ, нузан тарилва век сокоритма биңнэрэн 'Я своей дочке денег не даю, (потому что) она их часто теряет'.

В данном примере причастие на -ма в безличной форме, образованное от глагольной основы сокорит- (сокорит- > сокор- 'терять' + -т - аспертологический показатель продолженности действия) является знаменательным компонентом аналитической конструкции сокоритма биңнэрэн, где второй компонент - форма на -ра от глагола би- 'быть', 'существовать'. Функция знаменательного компо-

19 Василевич Г. М. Очерки диалектов..., с. 191.

нента аналитической конструкции, где компонент может быть как финитной, так и инфинитной формой от глагола би-, - это характерная функция эвенкийского причастия.

Минувшему веку союмо бигнэрен, тар дэрин нуан агдыва нэлэте 'Мой младший брат часто плачет, (потому что) он гро- ма боится'.

Один из предикатов этого полипредикативного предложения выражен аналитической конструкцией, знаменательный компонент которой представляет собой причастие на -ма от глагола сою- 'плакать' (эта аналитическая конструкция приведена выше). Второй предикат выражен несклоняемой неспрягаемой формой причастия на -ма от глагольной основы нэлэ- 'бояться' + -т - аспектологический показатель продолженности действия). Это тоже характерно для эвенкийского причастия: в 3 л. ед. и мн. ч. в функции предиката эвенкийское причастие может употребляться без вспомогательного глагола би-. На данном этапе нам трудно определить модально-временные и аспектологические характеристики этого причастия; определение их требует, конечно, большего фактического материала.

Необходимо сказать, что существуют и другие версии происхождения деепричастного показателя -и- ведь подобное деепричастие есть во всех языках тунгусо-маньчжурской группы; в чжурчженском в форме на -mai(-mei/-man), в маньчжурском - в форме на/-ма, а в остальных - в форме на -ми²⁰. Тем не менее, причастно-падежное происхождение формы на -ми нам кажется наиболее вероятным, что подтверждается причастно-падежным происхождением многих притяжательных деепричастий, которое в современном языке лежит на поверхности и весьма прозрачно.

По типу форманта деепричастия на -ми близко, вероятно, деепричастие разновременное на -кса.

²⁰ Эти версии подробно обсуждаются в книге С у н и к а О. П. "Глагол в тунгусо-маньчжурских языках", с. 267-280.

Существует суждение, что показатель разновременного деепричастия на -кса/-кса/-коо также является составным: -кса < *-кса < *-ка-са < *-кай/*-сай (*-чай)²¹.

В связи с этим интересно привести суждение И. И. Захарова, который считал, что так называемое многократное деепричастие в маньчжурском языке (показатель -хай/-хэй/-хой ~ -кай/-кэй/-кой) восходит к причастию прошедшему в родительном падеже²².

Ко II типу мы относим деепричастные форманты, которые в современном языке осознаются как составные, т.е. в них свободно вычленились показатели причастия и падежа, но оба эти показателя, или же один из них в современном языке как живые, продуктивные форманты не функционируют; они восстанавливаются для более древнего состояния языка. Этот тип представлен только сложными (притяжательными) деепричастиями.

К таким, например, показателям относится аффикс личного условно-временного деепричастия на -рак ~ -дак ~ -сик, который разложим на элементы -ра и -к: -рак < *-ра + к; -дак < *-да + к; -сик < *-си + к. Элементы -ра, -да, -си можно оценить как форманты древнего причастия. Аффикс -к, как пишет О. А. Константинова, "в современном языке обнаруживается как остаточный падежный элемент в формах ряда локативных падежей, например: в аффиксе отложительного падежа -дук, состоящем из ду + к (где -ду - аффикс дательного падежа) или в исчезнувшем из современной падежной системы аффикс -лак - показатель второго отложительного падежа, сохранившемся в некоторых омертвевших формах наречий и состоящем из ла + к (где -ла - аффикс местного падежа)"²³.

К этому же типу деепричастных формантов относится показатель деепричастия последующего -дала. Он также легко расчленяется на составляющие: -дала < -да + ла. Но если аффикс -ла, являясь показателем местного падежа, функционирует в современном языке, то аффикс -да, являясь показателем древнего причастия, выявляется

²¹ С у н и к О. П. Указ. соч., с. 291.

²² За х а р о в И. И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, с. 193.

²³ К о н с т а н т и н о в а О. А. Указ. соч., с. 223.

в современном языке лишь в нескольких случаях с определенной группой глаголов ²⁴.

Возможно, что к этому же типу можно отнести и показатель так называемого деепричастия назначительного на -вуна. Аффиксы, из которых этот формант состоит, сопоставимы с показателем -вун образующим имена существительные от глагольных основ, и показателем винительного (неопределенного) падежа -а/-э/-о. Вполне можно предположить существование некоторого причастия на -вун, в современном языке утраченного, но, может быть, сохранившегося в каком-либо из говоров. Такое предположение мы делаем на основании того факта, что существует определенная связь между причастием многократного действия на -нқи и аффиксом -нқи, образующим существительные от глагольных основ со значением орудий действий, предметов домашнего обихода; между причастием на -кта и показателем -кта, образующем отглагольные существительные со значением результата действия; между причастием на -дяк и показателем -дяк, образующем отглагольные существительные со значением места, где производилось действие; между показателем причастия на -дя и показателем -дя, образующем существительные со значением действующего лица, которое характеризуется названным в глагольной основе действием. Следовательно, вполне можно ожидать, что отглагольному существительному на -вун когда-то соответствовало причастие на -вун.

Ш. И, наконец, третий тип деепричастных формантов характеризуется следующим образом. Формант легко членится на составляющие, один из которых является показателем причастия, а другой - показателем падежа, причем и тот, и другой функционируют в современном языке. Деепричастия этого типа образуются путем вычленения какой-либо одной (либо двух) падежно-причастных форм из системы предикативного склонения соответствующего причастия вследствие закрепления за этими формами определенного значения, не равнозначного сумме значений причастия и падежа.

После перехода этих причастно-падежных форм в разряд деепричастий, они уже не функционируют больше как члены причастной предикативной парадигмы склонения. Понятно, что деепричастия этого типа - сложные (притяжательные).

²⁴ Константинова О. А. Указ. соч., с. 214.

Этот тип деепричастных показателей хорошо иллюстрируют формы так называемого деепричастия предшествующего на -чалā и уступительного деепричастия на -чамī, недавно зафиксированного Л. М. Бродской в восточных говорах эвенкийского языка ²⁵.

Оба эти деепричастия образованы на базе причастия законченного на -ча и аффиксов местного (-ла) и продолжного (-ла) падежей. Рассмотренные нами материалы показали, что причастие на -ча в функции зависимого предиката присоединяет показатели винительного, дательного и отложительного падежей, причем семантика этих склоняемых спрягаемых форм складывается из семантики самого причастия и падежного показателя.

Вероятно, к этому типу можно отнести показатель отрицательного деепричастия на -дѐли. О. А. Константинова сопоставляет первый элемент этого показателя с видо-временным показателем -дѐ, а второй - с показателем продолжного падежа -мѐ ²⁶.

Нам представляется более вероятным другое объяснение образования этого форманта: первый элемент сопоставим с показателем причастия, второй - с показателем продолжного падежа.

К этому типу относятся и деепричастия со значением непосредственного предшествования на -ктава и -ктади(и), образованные на базе причастия на -кта в винительном и творительном падежах.

Г. М. Василевич оценивает показатель -кта как "суффикс глагольно-именной формы, обозначающей действие, производившееся многократно" ²⁷.

О. А. Константинова отмечает две причастные функции у формы на -кта: атрибутивную и главного предиката: Чунурисикта джава-ран 'Перекувырнувшегося поймал'; Дѐнта чунурисикта 'Вдвоем перекувырнулись' ²⁸.

²⁵ Бродская Л. М. Об употреблении относительных слов в сложноподчиненном предложении в эвенкийском языке. - "Известия СО АН СССР", серия общественных наук, вып. III, № II, Наука, 1979.

²⁶ Константинова О. А. Указ. соч., с. 220.

²⁷ Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 764.

²⁸ Константинова О. А. Указ. соч., с. 219.

Форма винительного падежа этого причастия, употребляясь в функции зависимого предиката, перешла в разряд сложных деепричастий с семантикой, не выводимой из значения причастия и значения винительного падежа. О. А. Константинова отмечает также другое деепричастие, восходящее к творительному падежу соответствующего причастия, деепричастие на -ктоди(н). Она утверждает, что деепричастные формы на -китана и -китади(н) взаимозаменяемы²⁹. А. Г. Перцева отмечает, что в говоре п. Чирингда употребляется форма творительного падежа 3 л. ед. ч. причастия на -кта от особой группы глаголов, которые обозначают наступление какого-либо времени года:

Дювантадин аминнун буден 'Когда наступило лето, наш отец умер';

Болоктодин энинун нулгининэв оорордивар 'Когда наступила осень, мы с матерью откочевали на своих оленях'³⁰.

На наш взгляд, эту форму правомерней отнести в разряд деепричастий, поскольку ее значение не равно сумме значений причастия и падежа (О. А. Константинова, как уже говорилось, отнесла форму -китади(н) к деепричастиям).

Форма на -кта в качестве причастия в функциях зависимого предиката в дательном падеже отмечена Г. М. Василевич:

Хурунтэдун мѣнин нуруче 'Когда он (другой) ушел, он сам ушел';

Тадук пактырасэн нэхэлхитэдун 'Потом выстрелил, когда испугался'³¹.

Зависимые предикаты, выраженные этими формами, имеют также значение предшествования.

Именно рассмотрение деепричастий этого типа (в современном языке функционирует и причастие, и падеж, на базе которого образовано данное деепричастие) приводит к мысли о том, что существуют случаи, когда трудно отграничить деепричастную форму от

причастной (таблица III наглядно демонстрирует это обстоятельство). Здесь мы подошли к большой проблеме, которую в данной статье хотели бы лишь поставить: каковы критерии различения причастий и деепричастий, выступающих в функциях зависимого предиката, если деепричастный показатель материально совпадает со спрягаемой косвенно-падежной причастной формой.

Эта проблема актуальна не только для эвенкийского языка (и шире - тунгусо-маньчжурских), но и для многих других, в которых причастные и деепричастные формы функционируют в качестве зависимого предиката.

С точки зрения решения этой проблемы определенное значение имеет таблица III, представляющая систему функций эвенкийских причастий и показывающая источники образования деепричастных форм в эвенкийском языке. Таблица имеет и типологическое значение, - поскольку позволяет с единых позиций осмыслить те классы глагольных форм, которые в грамматиках различных языков имеют различные названия - причастия, глагольно-именные формы, имена действия и др. -, но обнаруживают, видимо, общую природу.

Источники:

1. О. А. Константинова, Е. П. Лабеева. Эвенкийский язык. Учебник для педучилищ, Л., 1953.
2. О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.-Л., 1964.
3. В. Д. Колесникова. Синтаксис эвенкийского языка. М.-Л., 1966.
4. Материалы, полученные автором в 1976 г. методом анкетирования от эвенков, владеющих различными говорами эвенкийского языка.

²⁹ Константинова О. А. Указ. соч., с. 219.

³⁰ Примеры А. Г. Перцевой.

³¹ Василевич Г. М. Очерки диалектов..., с. 190.

ПРИЧАСТНЫЕ И ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОСТАВЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предложения с причастными и деепричастными конструкциями находят разное, иногда противоположное освещение в исследованиях по тунгусо-маньчжурским и шире — алтайским языкам. Причина этого как в сложности самого исследуемого явления, так и в неупорядоченности используемой терминологии. Последнее обстоятельство является досадным препятствием на пути к объективному освещению предложений с зависимыми глагольными конструкциями, поскольку оно отвлекает внимание от принципиальных вопросов, лежащих в основе проблемы. Удельный вес терминологических разногласий чрезвычайно велик, хотя они не всегда признаются терминологическими, что еще больше запутывает дело. Если, например, один ученый признает предложения с зависимыми глагольными конструкциями сложноподчиненными, а другой не признает на том основании, что эти конструкции не употребляются как независимые предложения и связываются с главным без помощи союзов, то очевидно, что эти ученые не могут прийти к общему мнению, поскольку употребляют термин "сложноподчиненное предложение" в разных значениях. Между тем, обе точки зрения, будучи приведены к общему знаменателю, позволяющему сопоставлять их по существу, могут обнаружить близкое и даже тождественное понимание исследуемого объекта. Таким образом, установление общепринятого термина или системы терминов для обозначения полипредикативных структур, свойственных разным языкам, представляет собой первоочередную задачу. Ее решение хотя и не предвещает исхода традиционного спора о статусе предложений с зависимыми причастными и деепричастными конструкциями, способствует выявлению действительно принципиальных спорных вопросов.

Настоящая статья посвящена преимущественно терминологическому и, следовательно, классификационному аспекту проблемы. В ней предпринимается попытка аргументировать включение предложений с зависимыми глагольными конструкциями в разряд сложноподчиненных.

Понятие сложноподчиненного предложения, зафиксированное соответствующим термином, сложившись в европейском языкознании, первоначально отражало только определенный структурно-семантический тип полипредикативных конструкций, свойственный европейским языкам. По мере того, как в сферу лингвистического исследования вовлекались языки иного строя, естественно встал вопрос о пригодности данного термина для обозначения свойственных этим языкам полиглагольных конструкций, следовательно — о возможности так или иначе идентифицировать эти конструкции с европейским сложноподчиненным предложением.

В первых грамматических очерках эвенкийского языка, где вопросам синтаксиса не уделялось специального внимания, предложения с зависимыми (причастными и деепричастными) конструкциями именовались сложноподчиненными или без всякого обоснования, или на основе поверхностного функционального признака¹.

Авторы других работ исходят из узкого, строго формального понимания сложноподчиненного предложения, соответствующего европейскому образцу. Понятно, что сопоставление исследуемых предложений с этим образцом обнаруживает у них специфические признаки, не позволяющие признать их сложноподчиненными. Так, В. Д. Колесникова отмечает, что "предложения с оборотами" не являются сложноподчиненными, поскольку 1) сказуемое "оборота" не может быть сказуемым самостоятельного предложения, 2) связь "оборота" со словом, к которому он относится, осуществляется посредством аффикса, а не с помощью союза или союзного слова,

¹ Горцевская В. А. Характеристика говора баргузинских эвенков. Учпедгиз, М.-Л., 1936; Василевич Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Учпедгиз, Л., 1940, с. 152-166.

3) "оборот" лишен интонации относительной законченности, свойственной придаточному².

Не признавая "предложения с оборотами" сложноподчиненными, исследователи по-разному это мотивируют, обнаруживая глубокие различия в понимании зависимой синтаксической единицы.

Согласно одной точке зрения, причастные и деепричастные конструкции являются членами простого предложения, поскольку они лишены предикативности³. Вопрос о предикативном или непредикативном характере подчиненных глагольных структур, действительно, является центральным и определяющим в комплексе проблем сложноподчиненного предложения, в отличие от других выдвигаемых критериев, регламентирующих тот или иной способ его формальной организации. Эти формальные критерии могут рассматриваться как столь же важные и существенные лишь в том случае, если будет доказано, что образованные в соответствии с ними структуры являются единственным способом выражения предикативных отношений.

Не предлагая пока ответа на этот принципиальный вопрос: о наличии предикативности в причастной и деепричастной конструкциях, — чтобы не отходить от намеченного аспекта, рассмотрим другую точку зрения. По мнению В. Д. Колесниковой, "предложения с оборотами", хотя и не могут быть причислены к сложноподчиненным по изложенным выше соображениям, вместе с тем не являются и простыми, поскольку "оборот" обладает предикативностью. Согласно этой точке зрения, данные предложения занимают особое место в синтаксической системе: между простыми и сложными⁴.

² Колесникова В. Д. Синтаксис эвенкийского языка. Наука, М.-Л., 1966, с. 195.

³ Суник О. П. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Учпедгиз, 1974; Лебедева Е. П. Предложения с причастными и деепричастными оборотами в эвенкийском и маньчжурском языках. Научная сессия ЛГУ 1951-1952 гг., Тезисы докладов по секции Факультета народов Севера, 1952, с. 26-28.

⁴ Колесникова В. Д. Указ. соч., с. 195-196.

Изложенная концепция имеет сильную и слабую стороны. Сильная состоит в выявлении синтаксических признаков, объективно присущих "обороту"; наличие предикативности при отсутствии *verbum finitum* и союзов. Слабая сторона обнаруживается при установлении места "предложений с оборотами" в синтаксической системе. Причина — в недифференцированном подходе к критериям, положенным в основу выделения сложноподчиненного предложения. Не принимается во внимание тот факт, что эти критерии находятся на разных уровнях грамматической абстракции: одни (предикативный характер компонентов, подчинительная связь между ними) затрагивают самую сущность понятия сложноподчиненного предложения, его глубинную семантику, другие (форма зависимого сказуемого, наличие союзов) — лишь один из возможных способов его структурно-семантической организации. Правда, В. Д. Колесникова отмечает у "предложений с оборотами" "стремление к развитию в сложное предложение", однако никакого отражения в предлагаемой классификации эта мысль не находит.

Признание предикативного характера "оборота" (подчинительный характер его отношений с главным очевиден) неизбежно должно привести исследователя к выводу о том, что "предложения с оборотами" и "сложноподчиненные предложения" представляют собой подтипы единого структурно-семантического класса. В свою очередь эта классификация должна быть зафиксирована в соответствующей системе терминов. Едва ли следует доказывать необходимость, особенно для проведения сравнительно-типологических исследований, иерархически организованной системы терминов, обозначающих разные типы единого класса полипредикативных структур, связанных подчинительными отношениями. Решение этой "терминологической проблемы" может быть осуществлено двумя способами.

Во-первых, за термином "сложноподчиненное предложение" сохраняется его исконное узкое значение. Другой узкий термин, например, "предложения с оборотами", обозначает предложения с предикативными конструкциями, образованными инфинитивными формами глагола. Тогда необходимо введение третьего термина для обозначения объединяющего, широкого понятия, выделяемого на основе минимума инвариантных признаков.

Во-вторых, термин "сложноподчиненное предложение" может обозначать самоё это широкое понятие. Тогда для наименования его структурно-семантических разновидностей могут быть введены узкие термины, или что гораздо удобнее, — детерминирующие определения, например, используемые иногда 1) сложноподчиненные предложения аналитического типа и 2) сложноподчиненное предложение синтетического типа.

Разумеется, важность логически упорядоченной системы терминов проявляется прежде всего на общелингвистическом уровне. В исследованиях по конкретным языкам, где есть только один тип интересующих нас предложений, использовать все термины просто не представится случай. Тем не менее принадлежность данного типа к широкому классу должна быть отражена и в этих исследованиях. Поэтому наиболее удобным является употребление термина "сложноподчиненное предложение" для обозначения не только всего класса полипредикативных структур с подчинительной связью, но и любой его разновидности, представленной в конкретном языке. Таким образом, широкое, общелингвистическое значение термина, являющееся, как было показано выше, вторичным, произведенным от его первоначального узкого значения (европейский тип), применяясь как исходное к конкретным языкам разных систем, в том числе к алтайским, в свою очередь сужается, конкретизируясь за счет введения дополнительных дифференциальных признаков, свойственных полипредикативным конструкциям этих языков.

Во многих работах по синтаксису предложения с причастными и деепричастными структурами, действительно, именуются сложноподчиненными. Важно подчеркнуть, что в каждом таком исследовании имплицитно присутствует и широкое понятие сложноподчиненного предложения. Иначе создалась бы парадоксальная ситуация. Можно было бы предположить, что исследователь, обозначающий термином "сложноподчиненное предложение" полипредикативные структуры, например, эвенкийского языка, должен оспаривать правомерность употребления этого термина для полипредикативных структур аналитического типа. Из сказанного следует, что упреки в недооценке специфики "предложений с оборотами", в навязывании им привычной для исследователя структурно-семантической схемы, которые часто делаются в связи с их обозначением

сложноподчиненными, лишены оснований, поскольку, употребляя данный термин, исследователь исходит не из узкого, ориентированного на европейский образец, а из широкого понимания сложноподчиненного предложения.

Широкое, общелингвистическое понятие сложноподчиненного предложения должно выделяться на основе следующего минимума существенных признаков. Оно 1) представляет единую в семантическом, структурном и интонационном отношении синтаксическую единицу (поэтому оно является предложением), 2) состоит из двух компонентов, обладающих предикативностью (поэтому оно является сложным предложением), 3) характеризуется синтаксической зависимостью одного предикативного компонента от другого (поэтому оно является сложноподчиненным предложением).

Способ выражения предикативности, а также средства формального выражения подчинительных отношений при выделении общего понятия сложноподчиненного предложения регламентироваться не должны.

Разумеется, рассуждения о том, называть или не называть какое-либо предложение сложноподчиненным, имеют смысл только в том случае, если признается наличие у него всех отмеченных признаков. То, что эвенкийским предложениям с причастными и деепричастными конструкциями присущи 1 и 3 признаки, определяющие их структурную и семантическую цельность, доказывать не приходится: они лежат на поверхности и проявляются сильнее, чем у сложноподчиненных предложений аналитического типа. Наибольшую сложность представляет выявление 2 признака, определяющего противоположную, центробежную тенденцию, проявляющуюся в структурно-семантической автономии составляющих компонентов. Признание или непризнание предикативного характера зависимой глагольной конструкции является, как отмечалось, наиболее принципиальным вопросом, от решения которого зависит и решение всей проблемы. Сложность этого вопроса вполне понятна: предикативность есть наиболее глубинное, непосредственно не выраженное грамматическое значение синтаксической единицы, наличие которого сигнализируется другими категориями: модальностью, временем, лицом, — имеющими определенные формальные показатели. Оче-

видно, что по характеру предикативных отношений придаточное существенно отличается от самостоятельного предложения. Будучи трансформом независимой предикативной единицы, оно претерпевает глубокие семантические изменения, связанные с переориентацией его содержания, утратой целевой установки и пр. Предикативность придаточного есть, таким образом, закономерное видоизменение независимой предикативности, и поэтому совершенно естественно, что она может находить для своего выражения особые формы. Причастные и деепричастные структуры и представляют собой эти особые формы, специализирующиеся на выражении зависимой предикативности⁵.

Выражение актуализационных грамматических категорий придаточного, а также установление его структурно-семантической зависимости от главного, осуществляется в эвенкийском языке синтетически, формой зависимого сказуемого-причастия или деепричастия. Обратим внимание на различие этих категорий и, следовательно, предикативных отношений в причастных и деепричастных конструкциях.

В первых выражение модальности, времени и лица (внутренняя, конструктивная функция) и установление связи с главным (внешняя, релятивная функция) осуществляются отчужденно друг от друга. Например:

Хулаки хеңан дабдынадукин тыкулдан. 'Лиса рассердилась из-за того, что налим победил' -

суффиксы *-на* и *-н* причастия *дабдынадукин* выражают модально-временное (*-на*) и личное (*-н*) значения, формирующие предикативность придаточного, и тем самым способствуют его относительной семантической автономии. Суффикс же отложительного падежа *-дук* указывает на наличие между придаточным и главным причинно-следственных отношений, то есть реализует свое значение вне придаточного. Благодаря дифференцированному выражению внутренней и внешней функций, придаточное со сказуемым-причастием обладает самостоятельными, хотя обычно и относительными, то есть ориентированными на главное предложение, актуализационными категориями.

⁵ Подробнее об этом см. в нашей статье "Специфика проявления предикативных отношений в придаточном", опубликованной в этом сборнике.

ориентированными на главное предложение, актуализационными категориями.

Придаточные со сказуемым, выраженным деепричастием, обладают только одной относительно самостоятельной категорией - лица. Модальное и временное значения деепричастия проявляются вне придаточного, в установлении семантических отношений между ним и главным предложением. Например, в предложении Тар Будэкин Бээл нулгихинэ 'Когда он умер, люди отпочевали' - функция деепричастного суффикса *-дэн* (будэкин 'когда умер') состоит в выражении не относительного времени, а отношения по времени между придаточным и главным, т.е. в темпоральной детерминации главного. Однако, обладая абсолютным временным значением, главное предложение не слишком нуждается в такой детерминации. Придаточное же, опираясь на абсолютное значение главного и благодаря выраженному формой деепричастия временному отношению, приобретает собственное темпоральное значение. Наличие у деепричастия пусть даже не самостоятельного, отраженного, временного значения позволяет признать образованную им структуру придаточным, а включающее эту структуру предложение - сложноподчиненным.

Все же нельзя согласиться с существующим мнением о том, что "предложения с деепричастными оборотами стоят ближе к сложным, чем предложения с причастными оборотами", равно как и с аргументирующим эту точку зрения положением, что "деепричастиям свойственна большая глагольность, по сравнению с причастиями, и, следовательно, выражаемая ими предикативность является более яркой"⁶. Верно, что мерой самостоятельности подчиненной конструкции является степень проявления у нее предикативного значения. Однако предикативность зависимой причастной конструкции выражена полнее благодаря наличию самостоятельных, а не отраженных категорий модальности и времени.

Необходимым условием проявления предикативности и, следовательно, важнейшим признаком придаточного является замкнутость его структуры. Предикативные отношения существуют толь-

⁶ Колесникова В. Д. Указ. соч., с. 199.

ко между подлежащим и сказуемым одного уровня, образующими замкнутую двучленную структуру, связанную взаимоподчинением (координацией). В эвенкийском языке построение такой структуры осуществляется посредством личного оформления причастия или деепричастия. Показатель лица сигнализирует, таким образом, наличие предикативности внутри глагольной конструкции и, следовательно, является критерием, позволяющим рассматривать ее как придаточное предложение. Например, в предложении:

Бэеткэн амакави гуннаээн омчочо. 'Мальчик забыл о том, что сказал дедушка' -

представлена замкнутая предикативная конструкция амакави гуннаэ-и 'дедушка сказал', члены которой связаны оформляющим сказуемое суффиксом 3 л. ед. ч. -и. Может сложиться впечатление, что замкнутость, то есть структурная автономность данной предикативной единицы обеспечивается наличием собственного подлежащего (амакави 'дедушка'). Это не совсем так. Требование особого субъекта, часто выдвигаемое в качестве критерия придаточного, для эвенкийского языка "не работает". Наличие общего с главным субъекта не исключает предикативного характера зависимой глагольной структуры в том случае, если ее сказуемое оформлено возвратным суффиксом лица, указывающим на этот субъект. Например:

Бэе долболтоно бэиннэ ванэлэви мучуран 'Мужчина вернулся туда, где вечером добыл оленя'.

Здесь причастие ванэлэви оформлено возвратным суффиксом -ви, указывающим на тождество субъектов. Благодаря указанию на субъект, двучленный, замкнутый характер образуемой причастной конструкции сохраняется, несмотря на невозможность подстановки собственного подлежащего. Это предложение является сложноподчиненным.

Напротив, конструкции, образованные безличными деепричастиями с суффиксами -мн, -иса, -на (деепричастные обороты), являются открытыми, тяготеющими к подлежащему предложения. Отношения между подлежащим и деепричастием, то есть между подлежащим и сказуемым разного уровня, не являются предикативными в полном смысле слова. Они могут быть охарактеризованы как подпредика-

тивные, а включающие их предложения - как осложненные. Разумеется, проблематика осложненных и сложноподчиненных предложений имеет много общего, особенно в функциональном аспекте. Последовательно придерживаясь провозглашенного выше принципа широких, обобщающих понятий, нельзя не видеть объединяющего их признака - наличия подчиненной глагольной конструкции. В то же время наше понимание предикативности и связанное с ним понимание сложноподчиненного предложения исключает возможность их идентификации в рамках сложноподчиненного предложения.

Сложнее обстоит дело с безличными деепричастиями, сочетающимися с самостоятельным субъектом. Такие предложения, вообще эвенкийскому языку не свойственные, изредка встречаются, судя по опубликованным текстам, в диалектах якутского региона.

Примеры:

1. Икээ, экун-кат ачин (ИФЭ). 'Вошла - никого нет (букв.: она войдя, Никого нет)'.

2. Де, бэе, туксадяна, умун котондэ дэло бихин (ИФЭ). 'Добегаёт он до большой каменной глыбы (букв.: Человек, бежавши, один большой камень есть)'.

3. Тар нрэнкэсэл, нэнэкэсэл, дегдэ бидерэн, дегдэкун (ИФЭ). 'Ехали, ехали, смотрят - огромный пожар (букв.: Они, идя, большой пожар есть)'.

4. Угиди ариктадяна, турэлин долдыдэра (ИФЭ). 'Паря в воздухе, он произнес (букв.: Он), вверху паря, слова его слышатся)'.

5. Тар амардукин тыкуликоа кондорин сэксэн коюнан, игим сэксэн эхалан истан (ФЭЯ). 'После этого он так рассердился, что его черная кровь ступилась, сердитая кровь ударила в глаза (букв.: После этого (он), рассердившись,...)' ⁷.

⁷ Используемые сокращения: ИФЭ - Исторический фольклор эвенков. Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич. Наука, М.-Л., 1966; ФЭЯ - Романова А. В. и Мыреева А. Н. Фольклор эвенков Якутии. Наука, Л., 1971.

На первый взгляд, все эти предложения являются сложноподчиненными, поскольку включенные в них деепричастные конструкции имеют свой субъект (в большинстве случаев опущенный), хотя и не отраженный морфологической формой предиката. Однако более внимательное ознакомление изменяет это поверхностное впечатление. 1, 2, 3 предложения обнаруживают определенный структурно-семантический дефект. Очевидно, что между зависимой деепричастной конструкцией и основной частью предложения нет не только тех семантических отношений, которые обычно выражаются данными деепричастиями (отношения времени, образа действия, условия, уступки), но и вообще нет смысловой связи. Здесь ясно ощущается эллипсис конструкта, обозначающего восприятие. Ср. Иксэ (ичэрэн): эхун - кат ачин. 'Войдя, (она) видит: никого нет'. Подстановка опущенного члена ставит данные предложения в один ряд с другими осложненными предложениями, характеризующимися моносубъектностью главной и зависимой частей.

Иной случай представлен в 4 и 5 предложениях. Здесь наличие разных субъектов мотивируется спецификой денотата: зависимое подлежащее, опущенное и выясняемое в контексте, обозначает человека, а главное - его свойство, часть тела и пр. Связь субъектов настолько органична, что едва ли вообще можно говорить о двух реальных субъектах.

Очевидно, что допустимое в восточных диалектах наличие при деепричастиях на -ми, -ксы, -на особого "псевдосубъекта" не свидетельствует о предикатном характере образуемых этими деепричастиями конструкций. Признак структурной замкнутости придается зависимой глагольной конструкции не наличием собственного подлежащего, а личным оформлением сказуемого даже в том случае, если оно указывает на тождество субъектов (возвратный суффикс).

Нельзя тем не менее преувеличивать значение категории лица в ущерб категориям модальности и времени. Без них категория лица образует замкнутую, но не предикативную, а атрибутивную структуру. В эвенкийском языке, где личное оформление омонимично притяжательному, это проявляется особенно наглядно. От того, обладает ли синтаксическая единица категориями модальности и времени, зависит, в частности, реализует ли показатель лица свое значение как личный или притяжательный.

Ср.: 1. нуңан икэнин 'его песня' и 2. нуңан икэннэн 'то, что он спел...'

Итак, предложения с зависимыми причастными и деепричастными конструкциями являются сложноподчиненными, поскольку эти конструкции обладают предикативностью.

Причастные конструкции имеют самостоятельные категории модальности и времени и поэтому характеризуются более сильной предикативностью, чем деепричастные.

Критерием, позволяющим отнести зависимую глагольную конструкцию к придаточным, является личное оформление ее главного члена, в том числе и возвратными суффиксами. Синтаксические единицы, образуемые безличными деепричастиями и причастиями, придаточными не являются.

**ПАДЕЖНЫЕ АФФИКСЫ ПРИЧАСТИЙ
КАК ПОКАЗАТЕЛИ СВЯЗИ В ПОЛИПРЕДИКАТИВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
(на материале современного бурятского языка)**

Для бурятского полипредикативного синтаксиса характерна та общеалтайская закономерность, о которой пишет Е. И. Убрятова, имея в виду якутский язык: "...все синтаксические конструкции, простые и сложные, в том числе и предикативные сочетания... соединяются с другими словами, сочетаниями слов и предложениями теми же способами, какими связываются отдельные слова в простом предложении"¹. Один из этих способов - падежное оформление причастий, возглавляющих зависимую предикативную конструкцию.

В главной части такого полипредикативного построения подлежащее принимает форму прямого падежа (именительный или неопределенный), сказуемое оформляется как финитное, лицо сказуемого выражается лично-предикативными показателями (в 3 л. - Ø). В зависимой предикативной единице (ПЕ) имя, называющее субъект действия, - субъектный член, аналог подлежащего главной части - за редкими исключениями ставится в родительном падеже. Предикат в форме одного из причастий оформляется показателями лица - аффиксами личного (в случае разносубъектности) или субъектного, возвратного (в случае моносубъектности) притяжения. Падежный аффикс, оформляющий причастие как главный и линейно конечный член зависимой ПЕ, относится ко всей ПЕ в целом. Ни по структуре, ни по семантике падежный аффикс зависимой ПЕ не принадлежит. В ряде случаев он обусловлен структурой и семантикой

¹ У б р я т о в а Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. П. Сложное предложение. Книга первая. Новосибирск, 1976, с. 7.

главной части, управлением главного предиката, и передает конкретный характер зависимости. Модели этого типа являются хорошим примером синтетического построения полипредикативных предложений, где зависимость последовательно выражается, во-первых, генитивной формой субъектного члена, во-вторых, притяжательно-личным оформлением, в-третьих, специальной "зависимой" (косвенно-падежной) формой предиката - показатель типа зависимости с морфологической точки зрения является составной частью зависимого предиката. Например:

Платонч, арад зон-ой (Р.п.) наргэжэ бай-н-не-нэ обёорно бээзш, а? (Б., 1978, № 4, с. 25). 'Платонч, народ приободрился-что-он не замечаешь ли ты, а?'

Предикат зависимой части - причастие прошедшего времени на -нан в форме винительного падежа (-н-не), которого требует конечное сказуемое обёорхо 'замечать'. Субъектный член стоит в форме родительного падежа; с ним согласуется показатель личного притяжения -нэ (3 л.) при причастии.

Если в русском языке причастие склоняется как прилагательное - изменяется по падежам в целях согласования - то в бурятском языке причастное склонение по своему типу гораздо ближе к склонению существительного. В функции определения и прилагательные, и причастия в бурятском языке примыкают, падежное оформление - они получают тогда, когда, возглавляя зависимую предикативную конструкцию ("оборот"), вводят ее в позицию дополнения или обстоятельства.

Тот факт, что причастия принимают падежные показатели и занимают "именные" позиции в предложении, дает основание для трактовки их как "имен действия", а отсюда - не только в переводах на русский они часто передаются отглагольными существительными типа "возвращение", "выполнение" и т.п., но иногда чрезмерно сближаются ними и в теоретических комментариях. Видя в них "имена", им часто отказывают в статусе предикативной единицы. Между тем, рассматриваемые формы сохраняют многие важные глагольные категории, которых лишены отглагольные существительные. Прежде всего это категория времени, а также категория лица, которая у зависимых предикатов выражается притяжательными показателями. (В сфере полипредикации обе эти категории неизбежно пре-

терпевают изменения, в частности, лицо становится относительным², частично также и время, но этот вопрос еще требует дальнейшего тщательного изучения).

Мы принимаем следующее рабочее определение причастия: это такая глагольная форма, которая позволяет поставить предикативную единицу в позицию "именного" члена предложения. В случае сильного управления такие позиции маркируются падежным аффиксом.

Основной функцией причастия, как видно из этого определения, мы считаем именно функцию зависимого предиката, а не конечного сказуемого. Мы исходим при этом из следующих соображений.

Существует распространенная точка зрения, что большинство финитных – собственно-глагольных форм (за исключением, может быть, повелительного наклонения) – причастного происхождения; это согласуется с более широким представлением о генезисе частей речи из когда-то нерасчлененного имени-предиката³. Большинство бурятских причастий до сих пор сохраняет способность употребляться в функциях и зависимого, и конечного сказуемого⁴. Однако коль скоро уже сложилась система, в которой финитные формы противопоставлены инфинитным, конечные глагольные формы – срединным, под ее давлением характер употребления причастия меняется. Например, причастие на долгий гласный в бурятском языке, особенно в западном диалекте⁵, уже представляет со-

² Б р о д о н а я Л. М. К вопросу о дифференциации именных глагольных форм в эвенкийском языке. – В кн.: Вопросы языка и фольклора народов Севера. Якутск, 1972, с. 29.

³ М е щ а н и н о в И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978, с. 16; С а н ж е е в Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с. 123, 130 и др.

⁴ Грамматика бурятского языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1962. раздел "Причастия", с. 266–278.

⁵ Б е р т а г а е в Т. А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М. 1964, с. 274.

бой фактически самую распространенную форму прошедшего времени индикатива, в срединных позициях почти не употребляющуюся. Для других причастий "естественным" является именно срединное употребление, вследствие чего в позиции конечного сказуемого они либо требуют специальных показателей финитности (связки и т.п.), либо, по контрасту с "нормальным" употреблением, приобретают сильную модальность – например, бурятское будущее время с причастием на -ха, ср. модализацию русского инфинитива-сказуемого "она бежать".

Под таким углом зрения причастное склонение должно не приравниваться, а, напротив, противопоставляться склонению существительных. Так, в якутском языке, как показала Е. И. Убрятова, оно существенно отличается от склонения существительных и неполным составом падежной парадигмы, и особой семантикой падежей. Е. И. Убрятова предлагает термин "предикативное причастное склонение", подчеркивая этим тот факт, что причастие принимает падежный аффикс только в функции предиката зависимой ПЕ⁶.

Однако в бурятском языке причастия, не субстантивизируясь, могут, видимо, принимать все аффиксы падежей; в таком же употреблении встречены и другие специфические предикаты – имена обладания с показателями -тай (положительная форма) и -гүй (отрицательная форма). Предикативное склонение остается здесь достаточно живым, причем сами падежи в случаях сильного управления явно сохраняют содержательную общность с падежами имен. Иначе говоря, парадигма остается единой, хотя синтаксическая роль и внутренняя организация единиц, принимающих падежные показатели, существенно различаются. Такую специфику их употребления мы, вслед за И. И. Мещаниновым и другими лингвистами⁷, связываем с тем, что сама категория падежа в алтайских языках скорее синтаксична, нежели морфологична в обычном для европеистики смысле. Аффиксы падежей оформляют здесь слово не как часть речи, а как

⁶ У б р я т о в а Е. И. Указ. соч., с. 136–137.

⁷ М е щ а н и н о в И. И. Указ. соч., с. 21; Ж и р м у н - с к и й В. М. Развитие категории частей речи в тюркских языках в сравнении с индоевропейскими языками. – В кн.: Общее и германское языкознание. Л., 1976, с. 189.

член предложения. Об этом свидетельствует и сочетаемость их с разными частями речи, и возможность группового оформления, когда в цепочке однородных членов падежный аффикс принимает только последний из них, и, конечно, падежное оформление ПЕ.

В теоретической грамматике японского языка, сходного по строю с алтайскими языками, такой взгляд на категорию падежа принят давно, что позволяет избежать многих противоречий в описании. Там даже выдвигалась мысль, что падежные показатели представляют собой не аффиксы, а служебные слова – маркеры синтаксических позиций, не входящие в состав знаменательного слова. Однако эта крайность была преодолена: теперь доказано, что показатель падежа является не только "грамматическим сопроводителем", но и составной частью слова; надо только учитывать, что "японское фонетическое слово является членом предложения, т.е., по сути, совпадает с синтаксическим словом"⁸. Это верно и в отношении бурятского слова. Категории падежа в бурятском языке предстает как система агглютинативных суффиксов, маркирующих член предложения, будь то слово, словосочетание или предикативная единица, и несущих чисто синтаксическую семантику разного рода дополнений и обстоятельств (если речь идет об оформленных – косвенных – падежах, а не о неформальном именительном).

Из шести косвенных бурятских падежей (родительный, дательный, винительный, орудный, исходный, совместный) практически все встретились в составе причастно-падежных конструкций, по большей части с ведущими, наиболее часто употребляемыми причастиями на -ха и -нан (причастия будущего и прошедшего времени). Для дальнейшего анализа этих конструкций необходимо еще уточнить понятие "управление".

Выбор падежного аффикса может быть обусловлен разными причинами. Прежде всего это собственно управление – когда падежный показатель "оформляет одностороннюю связь слова с тем, от которого оно семантически зависит внутри самого предложения и его основных членений"⁹. Есть еще случаи, которые Е. И. Убрятова

⁸ Сиромятников Н. А. Развитие новояпонского языка. М., 1978, с. 96–103.

⁹ Мещанинов И. И. Указ. соч., с. 103.

назвала "конструктивным управлением" – формы, "используемые в определенных синтаксических конструкциях"¹⁰, т.е. такие, выбор которых предопределен всей конструкцией в целом. В третьих случаях падежный аффикс "оформляет самостоятельно стоящие в предложении слова, т.е. такие, которые по своему значению в предложении находятся в непосредственной зависимости от его смысловой стороны, а не от других слов предложения"¹¹; эти отношения И. И. Мещанинов назвал сепаратизацией. В русистике этому термину соответствует понятие "слабое управление" (в отличие от "сильного"); многие предложно-падежные формы существительных в предложении могут квалифицироваться и как слабоуправляемое дополнение, и как обстоятельство (ср. термин "именное примыкание"¹²). Особую роль таких форм в предложении подчеркивает также термин "обстоятельный детерминант"¹³.

Употребление последнего типа в дальнейшем мы будем условно называть "не-управление", поскольку подходящего термина пока не обнаружилось. И. И. Мещанинов, рассматривая подобные случаи с позиций синтаксиса простого предложения, внутренней формой термина "сепаратизация" подчеркивал их большую семантическую свободу по сравнению с управляемыми падежами; для нас же, с позиций полипредикативного синтаксиса, важен как раз тот факт, что этим способом выражается формальная связь между ПЕ, характер этой связи. Поэтому термин "сепаратизация" нас не устраивает. Термин же "слабое управление" подразумевает зависимость падежной формы от глагола-сказуемого, что не всегда верно.

Таким образом, для нас важно, что выбор падежной формы зависимого причастного предиката может либо определяться требованиями (валентностями) доминирующего слова в составе главной части (обычно это глагол), либо быть относительно свободным, вариативным, и определяться установкой говорящего на выражение соотношенности основного события с каким-либо другим – в

¹⁰ Убрятова Е. И. Указ. соч., с. 135.

¹¹ Мещанинов И. И. Указ. соч., с. 103.

¹² Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970, с. 516.

¹³ Там же, с. 624–625.

пространстве или во времени, причем на временное значение могут наслаиваться дополнительные оттенки – причина, следствие, уступка и пр. Под этим углом зрения из набора бурятских падежей резко выделяются родительный и винительный, всегда управляемые. Родительный падеж – приименной, выступает чаще всего в конструкциях с послелогом именного происхождения. Винительный падеж чаще всего выражает изъяснительные отношения, употребляется при переходных глаголах, относящихся к семантическим группам говорения, мыслительной деятельности, восприятия. У него максимально широкая сочетаемость (с ним встречено подавляющее большинство бурятских причастий), конструкции с ним очень частотны. Родительный падеж, напротив, при именах – не послелогам встречается довольно редко. Примеры с родительным падежом:

Зай, нухэд, эндэ байжа бай-һан-ай-мнай хэ рэг орой-доош үгэ (Мунг., с. 24). 'Ну, друзья, здесь нахождения-нашего дела совершенно нет' ('нам незачем здесь находиться').

В грамматическом переводе употреблено отглагольное существительное, но бурятская форма – глагольная, предикативная: причастие на -һан в родительном падеже (-ай) с личным притяжением, выражающим лицо зависимого предиката (-мнай, I мн.). Зависимая ПЕ относится к подлежащему главной части хэрэг 'дело'.

Энэ-нь бээ арай барижа яба-һан-ай-нь тэмдэг Һэн (Хамаев, с. 7). 'Это был признак (того, что) еле сдерживался-он'.

Здесь причастие на -һан в родительном падеже с личным притяжением 3 л. -нь относится к присвязочной части именного сказуемого тэмдэг 'признак'. Кроме того, причастие оформляется родительным падежом в целом ряде конструкций – при послелогах именного происхождения, например, -х-ын или -һан-ай орондо 'вместо того чтобы', -х-ын тула 'ради того чтобы', -һан-ай удаа 'после того как и т.п. Примеры на винительный падеж:

Уһан сэрэгшэ боло-һ-не-мни та мэдэнэт (УБЯ, с. 41). 'Вы знаете, что я был моряком'.

Здесь причастие на -һан с личным притяжением I ед. (-мни) принимает показатель винительного падежа (һ-не) потому, что вся ПЕ выполняет функцию прямого дополнения, управляемого глаголом мыслительной деятельности (мэдэхэ 'знать').

Балдамаа һамган-ай-нь (р.п.) хугшэн эхэтэйн тааража шад-аагүй-е-нь, үхибүүднень багтаахагүй бай-һ-не-нь, гансал өөрлөгөө түрэнэн басага хөһөзшье үлүүгээр бодо-дс-не-нь мэдэдэг (Б., 1976, № 6, с. 12). 'Жена-его Балдама со старушкой-матерью-его сойтись не могла-что-она, детей-его не терпела-что-она, только свою родную дочь ото всех отличая любила-что-она, знала'.

Здесь винительный падеж оформляет три разных причастия: отрицательное на -аагүй (отрицательная форма причастия на долгий гласный, в отличие от положительной сохранявшая причастное употребление), прошедшего времени на -һан (һ-на), многократное на -даг. Предложение разносубъектное; подлежащее в главной части опущено, субъектный член зависимой части стоит в форме родительного падежа (һамган-ай). С ним согласуется лично-притяжательное оформление причастий – -нь, 3 л.

Бадм-ын (р.п.) дуу дуула-х-ме шагнабад (ГБЯ-П, с. 128). 'Слушали (как) пел Бадма'. Винительным падежом оформлено причастие на -ха.

...дахин хахад жэл яжаш хүмээхэ аргагүй-гөө мэдэ-хэдэв... (Б., 1976, № 3, с. 11). 'еще полгода ждать (ему самому) никак невозможно (-что) когда по-нял...'

Здесь в дополнительной позиции при глаголе мэдэхэ 'знать' употреблено неглагольное модальное слово аргагүй 'невозможно', являющееся модальным компонентом сказуемого зависимой ПЕ. Оно оформлено аффиксом субъектного притяжения -гөө, указывающим, что действие зависимой части исполняется субъектом главной. По общей закономерности показатель винительного падежа (-не) перед аффиксом субъектного притяжения выпадает во избежание склонения долгих гласных (возможно и другое объяснение). Ср.

также минии хэлэ-гш-ие 'то, что я сказал' с однократным причастием на -гша, Дулгарма-гай энэ хөөр-өөш-ие 'то, что это рассказывала Дулгарма' с так называемым "постоянным" причастием на -ааша и др.

Прочие же 4 косвенных обстоятельственных падежа могут встречаться и при управлении, и при не-управлении. Например, совместный падеж с показателем -тай: управляемый - (первый пример) и "независимый" - (второй пример):

Зай, Цыбен Будожанович, Баргажан нутаг хүрээ өрө-хөн-тэй-тай дашарамдуулан, танин халуунаар амаршалай! (Мунг., с. 53). 'Итак, Цыбен Будожанович, по случаю того что вы заехали в родной Баргузин, вас горячо приветствуем!'

Здесь причастие на -хан в лично-притяжательном оформлении 2 л. мн. ч. -тай. Совместного падежа (-тай) от него требует слово дашарамдуулан 'по случаю' (деепричастие от глагола дашарамдуулаха 'приурочивать').

Тэрэн хамаршан хэбэртэй үдхэн хара нидхээ үргэж, тэгшхэн сагаан шүднүүдээ харуулаад, ёнын тэдхэс михэржэ, бодохи хүжүүнээр гараа харабай-ха-тай-гаа: - Занхар! - гэж гүбэрбэ (Б., 1978, № 5, с. 78). 'Он, со скучающим видом подняв высокие черные брови, показав ровные белые губы, для виду улыбнулся, неуклюже протянул руку /одновременно/: - Занхар! - пробормотал'.

Здесь причастие на -ха с субъектным притяжением -гаа (один исполнитель разных действий) стоит в совместном падеже на -тай и обозначает одновременность действий, названных конечным сказуемым (гүбэрбэ 'пробормотал') и сказуемым зависимой ПЕ.

Надо отметить, что в таком употреблении форма совместного падежа обычно уточняется послелогами - зэргэ, сасуу, адли 'как только... сразу'. Вообще же как средство связи ПЕ совместный падеж употребляется довольно редко (без послелогов - единичные случаи).

Исходный падеж - показатель -һаа.

Этим падежом управляют глаголы типа айха 'бояться', арсаха 'избегать, уклоняться', эхилхэ 'начинать', хорохо 'спасаться' и др.:

Нэгэ зарим **логто-хо-һоо** а й ж а , үнгаруу ехээр адхадаг-ше (Б., 1976, № 1, с. 58). 'Некоторые, боясь того что опьянеют, излишне выливали-даже' (по-бурятски - 'боясь от того...').

Хэншэ **омоодо-хо-һоо** арсаха гүй (Б., 1978, № 2, с. 16). 'Никто не откажется от того чтобы пойти'.

Жамбал үбгэн энэ үедэ тураһэн ганса хубуун-эйн-гөө (р.п.) хүлдэ **оро-хо-һоо** э х и л э з д , дайнда мордохон саг хуратэр үни удаан һанан һанан, сэдхэлээ уяруулан хэбтэбэ (Б., 1976, № 1, с. 53). 'Старик Жамбал в это время (родной единственный сын-свой первые шаги сделал)-от-этого на чи-на я , до того времени, как на войну ушел, долго вспоминая, умиляясь лежал'.

Во всех этих примерах исходным падежом оформлено причастие на -ха; первые две фразы моносубъектны, третья разносубъектна и субъектный член ее зависимой ПЕ оформлен родительным падежом. Примером конструктивного управления исходным падежом может быть конструкция сравнения типа 'А лучше чем Б', где этот падеж оформляет часть Б (то, с чем сравнивают) - 'лучше от чего':

Элуур энхэ **йба-ха-һаа** найхан юмэн алтан дэлхэй дээрэ үгн ха юм (Б., 1976, № 1, с. 57). 'Чем здоровым быть, лучшего на матушке земле ведь ничего нет' /'от(того что) здоровым быть'/.

Шубуун дэн олдоогүй, харанхы **бай-гша-һаа** зула носоохо до дээрэ байха бэшэ гү? (Б., 1976, № 1, с. 26). 'Стеариновых свечей не нашлось, чем в темноте сидеть, лампаду зажечь не лучше ли будет?'

Здесь исходный падеж оформляет причастие будущего времени на -ха и однократное на -гша.

В сочетании с причастиями прошедшего времени - на -һан и -аагүй (отрицательное) - исходный падеж употребляется независимо ("не-управление"), вся конструкция в целом приобретает значение причинности:

Даарахан бари-хан-хаа үглөөдэринь халууржа эхилбэ (Б., 1978, № 4, с. 136). 'Оттого что простыл, назаутра начался жар'.

Бээ нэгэтэш гамн-аагүй-хөө-нь иигээл даа (Б., 1978, № 4, с. 135). 'Себя один раз-даже не пожалел-поскольку-он так вышел'.

Орудный падеж (показатель -аар).

Пока у нас имеется только один пример на управление с глаголом амаршалха 'поздравлять':

Зай, нүхэр Попов Золто Хубитуевич, нжурай үнэмшэлгэ аба-н-аар-шни а м а р ш а л ж а... (Б., 1978, № 2, с. II). 'Ну, товарищ Попов Золто Хубитуевич, поздравляю о тем, что ты получил удостоверение личности...' (букв.: 'получил-тем-что-ты').

Примеры на свободное его употребление (а причастиями на -нан-гша, -ааша):

Эсэгингээ олзотой ерэнье Альбар нохой-н (р.п.) түрүүн ерэ-н-ээр мэдээд (Б., 1978, № 2, с. 10). '...узнал, что отец с добычей приехал, по тому что собака Альбар прибежала вперёд', (букв. 'прибежала-тем что').

Энэ хэлэ-гш-ээр-нь тэдэ хэбэртэй болобод (Б., 1978, № 2, с. 10). 'Судя по этим его словам, должно быть, это они', (букв.: 'это сказал-тем что-он...').

Оба примера разносубъектные, в первом есть субъективный член, оформленный родительным падежом (нохой-н 'собака', во втором особый субъект зависимого действия указывает показатель личного притяжания (-нь, 3 л.).

Ср. также хэлэ-н-ээр-ни дүүргээ 'по моему указанию он исполнил' ('по тому как сказал-я'), Хухлицкийн бод-оом-оор 'как думал Хухлицкий', 'по мнению Хухлицкого' и т.п.

Нужно отметить, что бывшие формы орудного падежа от причастия на -нан (-наар) и -ха (-хаар) уже превратились в деепричастия - соответственно "продолжительное" и целевое:

Манадые хара-наар тэрэмнай гүйжэ мэдэбэ (Цыд., с. 145). 'Увидев нас, он убежал со всех ног'.

Басаганай уйдахагүйн тула сугтаа үдэр бури байхаар нэгэ нүхэрээ хани болгон үлөөхэ болобо (ГБЯ-П, с. 148). 'Чтобы девочка не скучала, вместе каждый день быть-чтобы, одного из друзей в качестве товарища надо было оставлять'.

Совет Сомзда хододоо алба хэ-хээр бэлэмби! (Шойд., с. 42). 'Советскому Союзу всегда служить-чтобы готов-я!'

Ср. также пример с отрицательной формой ха-гүй-гөөр 'чтобы не':

...амиды амитан-ай (р.п.) оло-хо-гүй-гөөр булахаая мэдэ-нэ гүй? (ГБЯ-П, с. 146). 'Знаешь ли-ты, что нужно зарить, таи чтобы ни одна живая душа не нашла?'

Дательный падеж (показатель -да).

Этим падежом управляют слова типа: баярлаха 'радоваться', баяр хүргэхэ 'благодарить', хүлисэхэ 'извиняться', халаглаха 'жалеть' и т.п., например:

Урлал айлдха-нан-да-тнай башиба (Мунг., с. 55). 'За то, что пригласили-вы, спасибо'.

Бэлэг асар-нан-да-шни ехэ баярые хүргэнэб (Б., 1976, № I, с. 58). 'За то, что подарок привез-ты большую благодарности приношу'.

Хүбүүн, шамайе мэндэшэл-ээгүй-дэ-мни хүлисэ (Б., 1976, № I, с. 57). 'Парень, извини, (что) с тобой не поздоровался-я'.

В этих примерах постановка показателя дательно-местного падежа (-да) зависит от глагола-сказуемого, перед которым стоят причастия прошедшего времени на -нан и -аагүй. Во всех примерах зависимый предикат оформлен личным притяжением: -тнай (2 мн.), -шни (2 ед.), -мни (1 ед.).

В свободном употреблении причастно-падежные конструкции с дательно-местным падежом передают значение соотношенности во времени - ср. др.-русск. "дательный самостоятельный". Конкретный характер этой соотношенности зависит от причастия. Фактически эти сочетания уже идиоматизировались, воспринимаются слитно, как единое целое, так что некоторые исследователи считают

возможным рассматривать их как формы, переходные к деепричастиям ¹⁵. Сочетание с причастием будущего времени (-ха-да) дает значение одновременности, с причастием прошедшего времени (-нан-да) - значение причины.

Ямаахан хүгшэн ная нэрижэ, үдэр болонон бай-хада-нь, гэн-тэ үндэгэд гэжэ бодон алдаад, Должодой сайгаа гал дээрэ та-бижа бай-х-ие-нь хара-хад-аа, дахин нөөргөө хэбтэшнэ (Цид., с. 145). 'Старушка Ямахан проснулась, когда день начинался, и собиралась было встать, но когда увидела, что Должит ставит чайник на огонь, снова легла'.

В этом примере две формы на -хада; первая - с самостоятельным субъектом (үдэр 'день') и согласующимся с ним показателем личного притяжания 3 ед. -нь; действие второй относится к подлежащему конечного сказуемого, поэтому она оформлена субъектным притяжением -аа.

...Кожов сухалаа хүрв-һэнд-өө хаб хара болобо (Б., 1978, № 4). 'Кожов, из-за того что рассердился, весь почернел'.

Здесь форма на -һанда с показателем субъектного притяжания, поскольку конструкция моносубъектна.

Отрицательное причастие на -аагүй с дательным падежом дает также идиоматизированное значение 'пока не Б, А':

...халуун сай уугаагүй-д-өө банаагаа амардаггүй (Мунг., с. 14). 'Горячий чай не попьет пока, не успокоится'.

Зээнгэрээ ол-оогүй-д-өө гэртээ бусажа ерэхгүйб (Дорж., с. 33). 'Зэнгера-своего не найду-пока-сам, домой не вернусь'.

Оба примера моносубъектны, предикаты оформлены субъектным притяжением (-өө).

Показатель дательно-местного падежа может оформлять и другие предикаты - в том же значении:

Сүлөөтэй-д-өө Заятадаа ажалдань туһалдаг (Б., 1978, № 2, с. 8). 'Когда бывал свободен, Заяте в работе помогал'.

В качестве зависимого предиката здесь употреблено "имя обладания" - сүлөөтэй 'имеющий свободное время'. Оно оформлено субъектным притяжением - конструкция моносубъектна.

¹⁵ Бертагаев Т. А. Указ. соч., с. 241.

...еергее сагаалха аргагүй-д-өө яхаб? (Б., 1978, № 4, с. 139). '...себя обелить невозможно-когда, что делать?'

Здесь показатели падежа и субъектного притяжания присоединяются к модальному компоненту зависимого предиката аргагүй 'невозможно'.

Приведенный материал показывает, что одна и та же причастно-падежная форма может выступать в разных синтаксических позициях: дополнительной (сильноуправляемой) и обстоятельственных (не управляемых, но присоединяющихся свободно для более развернутой характеристики главного действия). В первом случае зависимая причастно-падежная конструкция является структурно необходимым компонентом предложения, без нее главная часть может восприниматься как незавершенная. Во втором случае связь более свободна, на первый план выходит выражение характера смысловой соотношенности между главным и зависимым действиями - временные, причинно-следственные отношения и т.п.

Тот факт, что причастие в дополнительной и обстоятельственной ("именных") позициях принимает падежное оформление, не свидетельствует об их субстантивации; против этого говорит сохранение категорий времени, лица, способность иметь при себе зависимые слова (в том числе название собственного субъекта) и др. Нам представляется, что здесь мы имеем дело с моделями полипредикативных предложений (передающих тип смысловой зависимости между двумя ПЕ) развившимися на базе синтаксической семантики дополнительной и обстоятельственной позиций, маркируемых падежными показателями, в составе простого предложения ¹⁶.

¹⁶ Ср. Р и ф т и н А. О двух путях развития сложного предложения в академическом языке. - В кн.: Советское языкознание, Л., 1937, с. 66.

- Б. - журнал "Байгал", выпуски за 1976-1978 гг.
ГВЯ-П - Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
Дорж. - Доржиев Ц. Эрэ хүн уйладаггүй. Улаан-Удэ, 1973.
Мунг. - Мунгонов Б. Хара халхин. Улаан-Удэ, 1971.
Хамаев - Хамаев Ц. Д. Үүрээр ерөнхөн үер. Улаан-Удэ, 1975.
Шойд. - Шойдонов Б. Дархан соло. Улаан-Удэ, 1971.
УБЯ - Дондуков У. Ж., Пахотова Е. Г. Учебник бурятского языка. Улаан-Удэ, 1962.
Цыд. - Цыдынов Ц. Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улаан-Удэ, 1972.

О ПАРНОСТИ МОНОСУБЪЕКТНЫХ И РАЗНОСУБЪЕКТНЫХ ЯКУТСКИХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Якутские темпоральные полипредикативные конструкции минимальной структуры по средствам выражения синтаксической связи частей бывают аналитическими и синтетическими. В конструкциях первого типа зависимость выражается союзами, частицами и другими аналитическими показателями, в синтетических - специфическими формами сказуемого зависимой части. Это такие формы, которые не способны функционировать в качестве конечного предиката¹.
Например:

Аһаан баран, оһуоһаҕа барда. 'После того как покушал, он ушел в школу'.

Зависимый предикат - аналитическая деепричастная конструкция: деепричастие на -ан + функционально-служебное деепричастие баран - которая в данном виде не способна оформлять конечное сказуемое.

По данным нашей выборки, включающей 4 000 примеров, синтетических темпоральных конструкций, различающихся формами своих зависимых предикатов, в якутском языке оказалось 64². Это множество синтаксических форм мы подразделяем на два подмножества: одно составляют формы, которые реализуются как в моносубъектных, так и разносубъектных фразах, другое - формы, реализующиеся либо только в моносубъектных, либо только в разносубъектных фразах³.

¹ Убратова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 2. Сложное предложение. Новосибирск, 1976, с. 39.

² По данным Е. И. Убратовой существует еще несколько моделей, которые нам не встретились.

³ Эти понятия были предложены М. И. Черемисиной в курсе лекций о сложном предложении, прочитанном в НГУ в 1977-1979 гг.

Якутские полипредикативные построения в аспекте моносубъектности-разносубъектности еще не изучались. На этот счет имеется лишь замечание Л. Н. Харитонова: Исследуя аналитико-аспектуальную форму: деепричастие на -ан + аффикс орудного падежа + бар-, он заметил, что, если предшествующее (зависимое) событие относится к тому же лицу, что и главное, то первое может быть выражено деепричастием на -аат⁴, т.е. деепричастие на -аат здесь формирует моносубъектную конструкцию.

В этой статье рассматриваются конструкции, которые либо моносубъектны, либо разносубъектны. Грамматический субъект нами понимается как реальный или идеальный исполнитель действия или носитель признака, выраженного предикатом. Характер грамматического субъекта (его определенность/неопределенность, обобщенность/необобщенность и т.д.) с этой точки зрения не существен: существенно лишь тождество или различие грамматических субъектов.

Перед изложением материала кратко остановимся на основных понятиях, используемых в нашей работе.

Каждую структурную схему (модель) темпоральный полипредикативной конструкции (синтетического типа) мы представляем записью той инфинитивной формы, которая выступает в позиции ее зависимого предиката. Это оправдывается двойственностью синтаксических функций сказуемого зависимой части в синтетических конструкциях: это - предикат в составе зависимой части, но вместе с тем это и "средство связи", посредством определенных компонентов своей грамматической формы соотносящее зависимую часть с главной, выражающее определенный характер зависимости. Этот член синтетической полипредикативной конструкции мы называем предикативно-соотносительным членом (далее ПСЧ). Модели ПСЧ, а значит и модели самих полипредикативных конструкций, будем записывать посредством следующих символов:

T - основа слова, T_v - глагольная основа;

⁴ Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л., 1960, с. 61.

T_vар, T_vыт - причастия настоящего-будущего и преждепрошедшего времени; T_vбатах - причастие преждепрошедшего времени отрицательного аспекта.

T_vтах + // на - форма условно-временного наклонения (иначе ее называют второй формой условного наклонения),

T_vан, T_vаат, T_vа, T_vаары - деепричастия на -ан, -аат, -а, -аары. T_vан баран - аналитическая деепричастная конструкция с функционально-служебным деепричастием баран.

T_vны - отглагольное имя существительное.

д, в - формы дательного и винительного падежей. ТА/А - формы стяженного местного падежа отглагольного имени на -ы 3 лица ед. (-ТА) и мн. (-А) числа.

Послелогии представляются непосредственно, например, китта или диэри.

Символ // обозначает позицию показателя притяжания или показателя лично-притяжательного характера падежей; (P) - символ позиции показателя сказуемости. Соответственно: T_vмах + д диэри - структурная схема полипредикативной конструкции, ПСЧ которой - причастие будущего времени в сочетании с послелогом "диэри", который требует от причастия дательного падежа лично-притяжательного склонения.

Исследуемая группа конструкций, по нашим данным, включает 13 моделей. Из них 9 моделей всегда выражают определенное временное отношение (модели дифференцированного темпорального значения), 4 модели характеризуются неопределенными синтаксическими отношениями (модели недифференцированного темпорального значения)⁵. Здесь мы представим их семантическими модификациями.

Приведем все эти модели и модификации недифференцированных моделей с указанием их семантики:

⁵ Недифференцированность темпорального значения мы отличаем от многозначности (полисемии модели). Последний термин используем тогда, когда одно из значений является темпоральным, другое - нет (например, причинным или целевым).

1. Модели дифференцированного значения:

Одновременности: $T_{\text{в}}\text{аары}$, $T_{\text{в}}\text{ны}$ + // $T\text{А/А}$;
Общего следования: $T_{\text{в}}\text{ан баран}$, $T_{\text{в}}\text{быт}$ + // кэннэ , $T_{\text{в}}\text{батах}$ + // д ;
Близкого следования: $T_{\text{в}}\text{аат}$, $T_{\text{в}}\text{ар}$ + // в кытта ;
Подчеркнуто близкого следования: $T_{\text{в}}\text{аат}$, да , $T_{\text{в}}\text{аат}$ + // в кытта .

2. Модели недифференцированного темпорального значения:

Модификации $T_{\text{в}}\text{тах}$ + // на , $T_{\text{в}}\text{ан}$, $T_{\text{в}}\text{быт}$ + // д , $T_{\text{в}}\text{ар}$ + // бын-
 $\text{ыгар с семантикой "одновременность"}$;
Модификации $T_{\text{в}}\text{тах}$ + // на , $T_{\text{в}}\text{ан}$ с семантикой "предшествование";
Модификации $T_{\text{в}}\text{быт}$ + // д , $T_{\text{в}}\text{ар}$ + // $\text{бын-ыгар с семантикой "сле-}$
 дование" .

Анализ показал, что в этой подсистеме моделей можно выделить 5 блоков, каждый из которых состоит из 2 моделей, передающих один синтаксический смысл и взаимно противопоставленных в аспекте "моносубъектность (далее мо)-разносубъектность (далее рс)". Это, во-первых блок общего следования: $T_{\text{в}}\text{ан баран(мо)}$, $T_{\text{в}}\text{быт}$ + // кэннэ(рс) ; во-вторых, блок близкого следования: $T_{\text{в}}\text{аат(мо)}$, $T_{\text{в}}\text{ар}$ + // в кытта(рс) ; в-третьих, блок подчеркнуто близкого следования: $T_{\text{в}}\text{аат да(мо)}$, $T_{\text{в}}\text{аат}$ + // в кытта(рс) .

Такие же парные отношения обнаруживаются и между семантическими модификациями моделей недифференцированного значения: одновременность в случае разносубъектности передается моделью $T_{\text{в}}\text{тах}$ + // на , в случае моносубъектности - $T_{\text{в}}\text{ан}$; предшествование, соответственно, в случае разносубъектности - моделью $T_{\text{в}}\text{тах}$ + // на , в случае моносубъектности - $T_{\text{в}}\text{ан}$.

Рассмотрим детальнее эти парные отношения темпоральных моделей.

1. Пара $T_{\text{в}}\text{ан баран}$ - $T_{\text{в}}\text{быт}$ + // кэннэ .

Модель $T_{\text{в}}\text{ан баран}$ - моносубъектная, $T_{\text{в}}\text{быт}$ + // кэннэ - разносубъектная. Примеры:

$T_{\text{в}}\text{ан баран}$:

...түүлээх хомуйан киирэн баран киһилии олорор санаалаах-
пын (ИГ ХК 201). '...после того как вернусь, собрав пушнину,
я намерен жить по-человечески.'

$T_{\text{в}}\text{быт}$ + // кэннэ :

...кыыс кестүбэт буолтун кэннэ кини олорон табах тарта
(ИИ К 13). '...после того как девушки стало не видно, он
сел и закурил'.

В выборке из 300 фраз этой модели нам встретился только один пример, где модель $T_{\text{в}}\text{быт}$ + // кэннэ реализовалась в моносубъектной фразе. Приведем ее:

Первичный тэрилтэҕэ ылыллыбыт кэннэ, полка партийнай тэрилтэтигэр бигэргэтиллиэхтээх эбиппин (ИКДБ 60). 'После того как я был принят в первичную организацию, оказывается, я должен был утвердиться в партийной организации полка'.

Здесь грамматическое значение I лица выражено и в главной части (аффикс оказуемости -пин), и зависимой (аффикс притяжания -ым). Эту фразу легко перестроить по модели $T_{\text{в}}\text{ан баран}$:

Первичный тэрилтэҕэ ылыллан баран, полка партийнай тэрилтэтигэр бигэргэтиллиэхтээх эбиппин (перевод тот же).

Разносубъектные фразы модели $T_{\text{в}}\text{быт}$ + // кэннэ подобной перестройки не допускают. Ср.:

Өксүүннүйэ өлбүтүн кэннэ Халпытыан Бадаайап кэргэннэмэ-
тэҕэ (ЛП ТС 32-33). 'После того как умерла Акинья, Капитон Бадаев не женился'

и

Өксүүннүйэ өлөн баран, Халпытыан Бадаайап кэргэннэмэтэҕэ фразы, построенная по модели $T_{\text{в}}\text{ан баран}$, грамматически неправильна.

С якутской формой $T_{\text{в}}\text{быт}$ + // кэннэ в других тюркских языках функционально сопоставимы формы $T_{\text{в}}\text{ан}$ + послелоги типа соң , кейин . Но как показывают иллюстративные материалы в специальной лингвистической литературе и результаты опроса информантов, эти тюркские формы, в отличие от якутской, могут участвовать и в моносубъектных построениях. Например, уйгур.:

Xotun alqandin kejin Musa sehe-din ketti. 'После того как женился, Муса уехал из города' ⁶.

казах. Мен үйге келген соң, кабақ қарауға отырдым. 'После того как (я) пришел домой, я сел учить уроки'.

⁶ Б о р о в к о в А. К. Грамматика уйгурского языка. М., 1935, с. 140.

хакас.:

Мин ибээр килген соонда уруктар үргенгем. 'После того как (я) пришел домой, я учил уроки'.

тувин.:

Номжуп доозупкан соонда, киниге чорупкан. 'После того как (он) кончил читать, он пошел в кино'.

(Примеры получены от носителей данных языков).

2. Пара $T_{\text{ваат}} - T_{\text{вар}} + //$ в кытта. Этот блок выражает значение близкого (быстрого) следования события главной части за событием зависимой части. По данным нашей выборки, первая модель моносубъектная, последняя - разносубъектная. Примеры:

$T_{\text{ваат}}$:

Балтым чаһытын керөөт, хоһугар тилигир гынан хаалар (ХС 76 I 43). 'Моя сестра, посмотрев на часы, сразу забегает в свою комнату'.

$T_{\text{вар}} + //$ в кытта:

Муостаны туоруурбутун кытта аргыспыт Аччык истиэп саңаланна дизн биллэрдэ (ХС 76 7 78). 'Как только мы переехали мост, наш спутник объявил, что началась Голодная Стень'.

Однако, как и рассмотренная выше разносубъектная модель $T_{\text{быт}} + //$ кэннэ, модель $T_{\text{вар}} + //$ в кытта, хотя и редко, может реализоваться в моносубъектных фразах, получая при этом личное оформление. В нашей выборке встречена фраза названной модели с общим сквозным субъектом для обеих частей. Приведем ее:

Аны кыратык барбахтын түһэллэрин кытары, дулдалаах нардаңа кырынаас суолугар түбэстилэр (ВП К 28). 'Затем как только прошли-они некоторое расстояние, среди кустарников кочевой местности они наткнулись на след горностая'.

Ее легко перестроить по модели $T_{\text{ваат}}$:

Аны кыратык барбахтын түһээт дулдалаах нардаңа кырынаас суолугар түбэстилэр. Букв.: 'Пройдя некоторое расстояние, они сразу наткнулись среди кустарников кочевой местности на след горностая'.

О правомерности такой перестройки свидетельствует и тот факт, что в произведении, откуда взята рассмотренная фраза, на страни-

це 58 находим почти аналогичную фразу, построенную по модели $T_{\text{ваат}}$. Ср.:

Хоммут сирдэриттэн чаас нэричин бараат, хайһынар суолугар түбэстилэр (ВП К 58). Букв.: 'Пройдя с того места, где они ночевали, около часа, сразу наткнулись на лыжню'.

Разносубъектные фразы модели $T_{\text{вар}} + //$ в кытта перестройки по модели $T_{\text{ваат}}$ не допускают. Например:

Иңирыллыбатах налдыттар тахсан баралларын кытары Ньюкууһум саатын туппутунан киирэн кэллэ (ХС 76 7 50). 'Как только ушли незваные гости, мой Никус вошел в рубьем в руках'; фраза "Иңирыллыбатах налдыттар тахсан бараат, Ньюкууһум саатын туппутунан киирэн кэллэ" грамматически неправильна.

Модель $T_{\text{ваат}}$ иногда встречается с собственным подлежащим в зависимой части, но по существу она остается моносубъектной. Это бывает, если подлежащее главной части называет нечто, мыслимое как органическая часть субъекта зависимой части (он -его руки, ноги; сердце и т.п.) или, если субъект зависимой части является элементом составного субъекта главной части (она и она же с кем-то). Субъекты, не связанные подобными отношениями, во фразах этой модели, видимо, исключаются. Примеры:

а) Ньаабал ити тыллары истээт, илиитэ-атада салдалас буолла (ХС 76 9 5). 'Как только Нябал услышал эти слова, у него задрожали руки и ноги'.

б) Массына кузабар дьагдьайбыт этим, сылаас дьизэ киирэн, ороммор сытаат, сүрээдим өрүкүйбүтэ, хотуом кэлбитэ (ХС 76 9 65). 'Я на кузове машины, оказывается, озноб, вошел в теплый дом, и как только лег в постель, меня тошнило (букв.: у-меня сердце трепетало), появилась рвота'.

в) - Ынт, мэнэйдээмэ! - Татьянаас, Артемы халбарыччы аныаат, кыһынаан аһа турдулар (ВП К 91). 'Пропусти, не мешай! - Татьяна оттолкнула Артема в сторону, и сразу с девушкой (подругой) пошли дальше'.

Здесь грамматический субъект главной части - два лица: Татьяна и девушка; слово кыһа 'девушка' стоит в совместном падеже: кыһынаан 'с девушкой'; конечное сказуемое во множественном числе.

3. Пара $T_{\text{ваат да(мс)}} - T_{\text{ваат}} + //$ в кытта(рс). Эти конструкции по смыслу близки к только что рассмотренным, но значение быстрого следования выражают более акцентированно. Дело в том, что в рассматриваемых сейчас моделях значение близости событий во времени эксплицируется дважды: деепричастием на -аат и последолом, деепричастием и частицей. Примеры:

$T_{\text{ваат да:}}$

Уолаттарбыт миигин уһугуннараат да, тэбиммиттэра (Кым, № 189, 1977). 'Наши парни, как только разбудили меня, сразу же побежали (в библиотеку).'

$T_{\text{ваат}} + //$ в кытта:

Аһаан бүтээппитин кытта Махосым Омусһап бинизхэ барыбытыгар дьиз халһанын сада ойууну бэлэхтиир (ПА ОТО 45). 'Как только мы закончили кушать, сразу же Максим Аммосов нам всем дарит рисунок величиной с дверь дома'.

Е. И. Убрятова в деепричастии на -аат отмечает возможность как безличного, так и личного (лично-притяжательного) оформления. По ее наблюдениям, лично-притяжательную форму деепричастия на -аат принимает только тогда, когда оно связано с последолом кытта (кытары), требующим от него винительного падежа лично-притяжательного склонения⁷. К этому наблюдению Е. И. Убрятовой мы здесь добавили лишь то, что касается аспекта моносубъектности-разносубъектности формы на -аат в структуре полипредикативных конструкций. Анализ собранного нами фактического материала показал, что деепричастие на -аат в составе последоложной модели закономерно реализуется в разносубъектных фразах. Конструкции с беспоследоложным деепричастием на -аат встре-

⁷ У б р я т о в а Е. И. Согласование в якутском языке. - В кн.: Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962, с. 143; О н а ж е. Краткий грамматический очерк якутского языка. - В кн.: Якутско-русский словарь. М., 1972, с. 585; О н а ж е. Исследования по синтаксису якутского языка, с. 255.

чается в моносубъектном оформлении. При этом, как показал анализ фактического материала, в разносубъектных конструкциях $T_{\text{ваат}} + //$ в кытта с грамматическим субъектом зависимой части в 3 лице ед. и мн. числа последолог факультативно может опускаться, но форма винительного падежа в подобных случаях сохраняется. Например:

Наарталар кыыл таба улту тэпсибит издэлитэр тимис гынааттары, Ыһынньахай тохтоото (ХС 76 9 40). 'Только нарти скрылись в неглубокую ложину, растоптанную дикими оленями, Нини-хай остановился'.

Помимо моносубъектных фраз модели $T_{\text{ваат}}$ мы иногда встречаем и такие моносубъектные же фразы с ПСЧ, выраженным формой $T_{\text{ваатин}}$ - при грамматическом субъекте во всех лицах ед. числа. Примеры:

а) Боруогу атыллаан киирээтин, адыас итис таһынар хараһада баар буола түспүтүм (Тург., 46). 'Едва перешагнув порог, я очутился в страшной темноте'.

б) Кэлээтин буулдьа тыанын суохтаатын дуо? (ХС 76 5 5). 'Ты только вернулся (с поля боя), и (уже) соскучился по свистам пуль?'

в) Огдоочуһа сайаһас сааһатын истээтин эмээхсин үнүхтээн туран кэллэ (ИГ ХК 313-314). 'Как только услышала (она) добрый голос Авдотьи, старуха сразу же начала с трудом подниматься и встала'.

Здесь формант -ын, по всей видимости, можно возвести к аффиксу архаичного инструментального падежа, который в современном языке встречается в виде аффикса наращенного при словах обстоятельного типа (ср. сайын 'лето, летом'; образовано от сай 'лето' путем присоединения к нему аффикса инструментального падежа -ын).

В других тюркских языках, например в башкирском, татарском, значение быстрого следования может выражаться деепричастием на -гас, усиленным частицей -та/-тэ. Но в отличие от якутского деепричастия на -аат, ПСЧ на -гас участвует как в моносубъектных, так и разносубъектных фразах.

Примеры 8:

башк. (рс): һуҙ ошо тәнгәлгә килеп еткәс тә, ул йомшон айтә һалды. 'Как только речь дошла до этого, он сразу изложил свою просьбу'.

татар. (мо): Каюм, чай эчеп тамак ялгап беткәч тә, китапханача чыкты. 'Каюм, как только попил чай и закусил, вышел в библиотеку'.

4. Пара T_v тах + // на- T_v ан. Она имеет две модификации: с семантикой "одновременность" и с семантикой "предшествование". Модификации T_v тах + // на⁹ с семантикой "одновременность" и "предшествование" – разнособъектные, модификации T_v ан с семантикой "одновременность" и "предшествование" – монособъектные. Примеры. T_v тах + // на ("одновременность"):

Хараппи... хомус төрдүн сиккэйгәр түһс сыттаңна суор төһс тоңсуян кәспит эбит (ХС 75 В 29-30). 'Глаз ее (кобылы)... когда она лежала провалившись в незамерший лед под копытами, оказывается, проклевал ворон'.

T_v ан + (Р) ("одновременность"):

Ханна да баарбы билбәккә түләс-балас утуя сытамын, Налы бәгәнәз киһә эрдә туруоруом диэбитин санаатым (ИН ИБ 182). 'Когда я спал глубоким сном, даже не чувствуя, где я нахожусь, вспомнил о том, что вчера вечером Налы сказал, что меня он поднимет рано'.

T_v тах + // на ("предшествование"):

Сүрхәтәни садаланаары арай турдаңна, уолдамнытым быһыллар сыһа (ХС 76 9 14). 'Перед самым крещением, нельзя грубить!'

⁸ Ю л д а ш е в А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977, с. 75-76.

⁹ Модель T_v тах + // на характеризуется также модификацией, выражающей "следование", но она не связана с противопоставлением в аспекте монособъектности-разнособъектности.

T_v ан ("предшествование"):

Чәйдәэн бүтәэри олорон, сибилитин туорабыт күргәләрин сис маһа тоһуттан саныһылһан турарын көрдүләр (ФБ А 44). 'Перед тем как закончили пить чай, они увидели, что жердь мостика, по которому они переправились совсем недавно, переломилась и свисала вниз'.

В модификациях T_v тах + // на, T_v ан с семантикой, которую мы определяем как "предшествование", усматривается не только "предшествование", но и "одновременность". Дело в том, что в зависимой части этих модификаций выражается событие в его протяженности и приближении к завершению (совершению). Главное событие предшествует завершению этого события, но одновременно с его течением. Выбирая термин, мы учитываем большую коммуникативную значимость предшествования.

По нашим данным, модификации T_v тах + // на с семантикой "одновременность", хотя и очень редко (1 пример), допускает монособъектное оформление:

Быһсай хотонугар сырттахһна холоон хотун этиң (ЛП ТС 40). 'Когда ты находилась в хотоне Бышго (прозвище князя), ты была не такой уж важной госпожой'.

Данную фразу можно трансформировать по модели T_v ан:

Быһсай хотонугар сылдһан холоон хотун этиң (перевод тот же).

Разнособъектные модификации T_v тах + // на с семантикой "одновременность", как и выше рассмотренные разнособъектные модели, подобную синонимичную (деепричастную) трансформацию исключают: фраза или превращается в неправильную, или приобретает каузальный смысл. Ср.:

T_v тах + // на:

Татыһаас ләкәәңә сыттаңна көхсүгәр от кирибит (СД ДББЕДЬ 65). 'Когда Татьяна лежала на копне, ей на спину попало сено' (одновременность) и

T_v ан:

Татыһаас ләкәәңә сытан, көхсүгәр от кирибит. 'Так как Татьяна лежала на копне, ей на спину попало сено' (причинная связь).

По нашим наблюдениям, деепричастие на -ан является единственным из якутских деепричастий, которое в своем непосредственном виде - $T_{\text{ан}} + (P)$ ¹⁰ может конституировать разносубъектные конструкции - но только с каузальным смыслом. Например, $T_{\text{ан}} + (P)$:

Хоско Серафима Сергеевна ииран кэпсэтии ситимэ быстан хаалла (ХС 75 5 23). 'В комнату вошла Серафима Сергеевна и разговор оборвался' или 'Разговор оборвался, так как (по-скольку, потому что) в комнату вошла Серафима Сергеевна'. (показатель предикативности здесь нулевой - это 3 лицо).

Е. И. Убрятова в качестве темпоральных конструкций приводит и разносубъектные $T_{\text{ан}} + (P)$, но в то же время отмечает в них наличие каузального смысла, перевода их русскими конструкциями с союзом "так как" II. По нашему мнению, типовым значением подобных конструкций является именно причинное отношение.

Факультативно получает предикативное оформление моносубъектная темпоральная конструкция $T_{\text{ан}}$. В этом случае, как и в модели $T_{\text{ан}}$ баран + (P), зависимое событие лексически подчеркивается, синтаксическая зависимость приобретает яркую выраженность. Например:

Сарсыарда разведчиктар, биһиги дьэки туораан ийэннэр эстээххэ кэтиллэ түспүттэр (ГО 56). 'Утром, когда разведчики переходили на нашу сторону, они наткнулись на врага'.

В связи с анализом якутской формы на -ан в аспекте моносубъектности-разносубъектности в темпоральных конструкциях интересно отметить тюркское деепричастие на -ып, которое функционально сходно с этой якутской формой, но в разносубъектных построениях может выражать и темпоральное значение. Примеры:

¹⁰ М. И. Черемисина, опираясь на исследования якутоведов, в этой форме в разносубъектной функции отмечает обязательность предикативного оформления. См.: Черемисина М. И. Деепричастие как форма глагола в языках разных систем. - В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 22.

II Убрятова Е. И. Исследования..., с. 256.

каракалп.: Польшара қызыллар келип, бизиң аўыламызда халық милисиясы кайда болды. 'Когда в Польшу пришли красные, так у нас народная милиция появилась' ¹².

кумык.: Отпускам битип, охув Иыл башланды. 'Когда кончился (или как только закончился) мой отпуск, начался учебный год' ¹³.

Якутской форме $T_{\text{тах}} + //$ на в какой-то мере можно сопоставить тюркскую форму типа $T_{\text{тан}} + \text{да}$ (местный падеж). Однако форма $T_{\text{тан}} + \text{да}$ в тюркских языках многозначна и при выражении одновременности, в отличие от якутской формы, употребляется и в моносубъектных фразах. Примеры.

башк.: Балалар футбол уйнағанда тәрәзнә яраҫлар. 'Дети, когда играли в футбол, разбили окно'.

каз.: Біз тамақ, ішіп отырғанда, (біз) оларды еске алып отырды. 'Когда мы сидели + ели, (мы) вспоминали их'. (Примеры получены от носителей данных языков).

Кроме рассмотренных парных моделей имеются непарные. Это следующие 3 дифференцированные модели и 3 модификации двух недифференцированных моделей.

1. Модели: 1) "одновременности": $T_{\text{аары}}, T_{\text{ын}} + //$ ТА/А;

2) "общего следования": $T_{\text{батах}} + //$ д.

2. Модификации: 1) $T_{\text{ар}} + //$ быһыҥар, $T_{\text{быт}} + //$ д с семантикой "одновременность"; 2) $T_{\text{быт}} + //$ д с семантикой "следование".

Деепричастная модель $T_{\text{аары}}$ моносубъектная. Например:

Төннөөрү ылаһпыт буоллаҕа дии (ЭЭ ТА I 173). 'Возвращаясь, ведь возьмем же'.

$T_{\text{аары}}$ с темпоральным смыслом, по нашим наблюдениям, никогда не получает предикативного оформления.

¹² Умаров А. Сопоставительный синтаксис русского и каракалпакского языков. Нукус, 1973, с. 229.

¹³ Джанмазов Ю. Д. Деепричастия в современном кумыкском литературном языке (морфологическая характеристика). Автореф. канд. дисс., Баку, 1965, с. 17.

$T_{\text{дн}} + // TA/A$ - разносубъектная. Например:

Шараповтаах киһэ аһылгытарын аһаан бүтүүлэрэ Серкин уола кетэн түһэр (НЯ Т 3 59). 'В то время когда семья Шараповых заканчивала ужинать, в дом вошел сын Серкина'.

$T_{\text{д}} \text{батах} + // д$ - разносубъектная. Например:

Руслан киһиан тахсыбатагар саннын тоһуйан биэрбитэ (ХС 76 I 65). 'Когда Руслан не смог залезть (на кузов), он (Костя) ему подставил плечи'.

Модификация $T_{\text{ар}} + // \text{быһыгар}$ с семантикой "одновременность" разносубъектная. Например:

Арай тыал тохтуурун быһыгар, өлөөрү чиччигини сытар оһонньор иһиттэһинэ, күөл кытытын диэки ыт үрөн ыһааһыда (НН К 9). 'Враг в том промежуток времени, когда утих ветер, старику, лежащему в предсмертных судорогах, послышалось: в стороне берега озера залаяла собака'.

Модификация $T_{\text{быт}} + // д$ с семантикой "одновременность" и "следование" всегда разносубъектны. Например:

а) "одновременность": Ньукуу атыһыт мичээрдээбитигэр кыһыл кэмүс тиистэҕэ кылбачыстылар (МГ ХХ I 59). 'Когда купец Нику улыбнулся, у него засверкали золотые зубы'.

б) "следование": Роза түүтүн арыһан, бааһын көрөөрү гылым-тыгар ара, кетэ турда (ХС 76 7 27). '...только тогда, когда Роза хотела посмотреть рану, приоткрыв пух, она (птичка) улетела'.

Таким образом, мы рассмотрели подсистему якутских синтетических полипредикативных моделей, выражающих соотношенность двух событий во времени, противопоставленную остальным моделям синтетических темпоральных построений по признаку "не вариативность" в аспекте моносубъектность-разносубъектность. В этой подсистеме выявлены парные и непарные модели.

Анализ собранного нами фактического материала показывает, что в сфере темпоральных конструкций якутские деепричастия функционируют как ПСЧ моносубъектных моделей. В других тюркских языках,

например в казахском, татарском ¹⁴, деепричастные конструкции нередко реализуются в разносубъектных фразах.

Систему описанных моделей представим в виде следующей таблицы (с указанием их моносубъектности-разносубъектности; бинарные модели сгруппированы под одной цифрой).

Таблица

М о д е л и	с е м а н т и к а		
	одновремен.	предшествов.	следов. ие
1. $T_{\text{быт}} + // \text{кэннэ}$			рс
$T_{\text{ан}}$ баран			мс
2. $T_{\text{ар}} + // \text{в кытта}$			рс
$T_{\text{аат}}$			мс
3. $T_{\text{аат}} + // \text{в кытта}$			рс
$T_{\text{аат}}$ да			мс
4. $T_{\text{аары}}$	мс		
5. $T_{\text{дн}} + // TA/A$	рс		
6. $T_{\text{д}} \text{батах} + // д$			рс
недифференцированные			
7. $T_{\text{тах}} + // \text{на}$	рс	рс	(мс, рс)
$T_{\text{ан}}$	мс	мс	
8. $T_{\text{быт}} + // д$	рс		рс
9. $T_{\text{ар}} + // \text{быһыгар}$	рс		

¹⁴ Биалиева К. К. Деепричастные конструкции в русском и казахском языках. АИД. Алма-Ата, 1968, с. 17; Современный татарский литературный язык (Лексикология, фонетика, морфология), М., 1969, с. 253.

ВП К	- Василий Протодьяконов. Кэскил. Якутская, 1961.
ГО	- Герой -оолор, Якутская, 1970.
ИГ ХК	- Иван Гоголев. Хара Кыталык. Якутская, 1977.
ИКДБ	- Инники кирбии дьоно. Якутская, 1975.
ИН ИБ	- Исай Никифоров. Илин быддьаһы. Якутская, 1972.
Кым	- Кым (газета).
ЛП ТС	- Леонид Попов. Тоҕой Сэлэ. Якутская, 1976.
НН К	- Николай Неустроев. Кэпсээннэр. Якутская, 1975.
НЯ Т В	- Николай Якутская. Төлкө. 3-с кинигэ. Якутская, 1964.
ПА ОТО	- Петр Аввакумов. Окко түспүт оноһуум. Якутская, 1975.
ОД ДББДБ	- Софрон Данилов. Дьоллоох буолун, бар-дьонум! Якутская, 1972.
Тург.	- И. С. Тургенев. Ася. Якутская, 1970.
ФБ А	- Федор Бережнев. Аргыстар. Якутская, 1963.
ХС 76 I	- Хоугу Сулус (журнал). Якутская, 1976, № I.
ЭЭ ТА I	- Эрилик Эристиин. Талыллыбыт айымньылар. I том, Якутская, 1968.

РАСПРОСТРАНЕННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ

Распространенное определение представляет собой определение, выраженное причастием с зависимыми от него и поясняющими его словами. Распространенное определение ¹ (по терминологии других тюркологов развернутое определение ² или причастный оборот ³), как и всякое определение в шорском языке, как правило, находится перед определяемым словом. На русский язык оно часто переводится придаточным определительным предложением или причастным оборотом.

Описание распространенного определения (далее РО) в шорском языке предполагает его анализ по пяти базовым признакам: 1) семантике зависимого члена, 2) количеству членов в РО, 3) структуре зависимых членов, 4) значению определяемого по отношению к главному члену РО и 5) семантике главного члена.

¹ По терминологии Н. З. Гаджиевой распространенное определительное словосочетание с причастием в качестве зависимого определения, т.е. РО + определяемое. См. Г а д ж и е в а Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, М., 1973, с. 104.

² С а т Ш. Ч. Синтаксические функции причастий в тувинском языке. Кызыл, 1960, с. 54.

³ И с х а н о в Ф. Г., П а л ь м б а х А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. ИВЛ., М., 1961, с. 299; Т а д ь к и н В. Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971, с. 157; П о к р о в с к а я А. А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., 1978, с. 124.

Между компонентами РО существуют три типа отношений: объектные, обстоятельственные⁴ и отношения типа "исполнитель действия - действие". Основное различие между этими отношениями заключается в семантике подчиненного имени. Поэтому все многообразие сочетаний причастия с зависимыми от него именами по их семантике делим на три группы: 1) РО, выражающие объектные отношения, 2) РО, выражающие обстоятельственные отношения и 3) РО, выражающие отношения типа "исполнитель действия - действие". В основе этой классификации лежит семантико-синтаксический принцип, который был применен в тюркологии в трудах Н.К. Дмитриева⁵, М.З. Закиева⁶ и М.А. Черосова⁷.

⁴ Категорию обстояательства выделяют не все исследователи. Так, например, исследуя шорский язык, Н. П. Диренкова рассматривает обстоятельство в разделе "Дополнение - обстоятельственное слово" (см.: Д и р е н к о в а Н. П. Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941, с. 269). Мы же придерживаемся мнения Н. К. Дмитриева, который подчеркивает семантический критерий в разграничении данных функций (см. Д м и т р и е в Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 366).

О том, что причастие, как и глагол, может иметь свои дополнения и обстоятельства, см.: М е щ а н и н о в И. И. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, с. 132; К о н о н о в А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, с. 359; Д м и т р и е в Н. К. Детали простого предложения. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ш. Синтаксис. М., 1961, с. 24-25; Г а д ж и е в а Н. В. Указ. раб., с. 104; А н ж и г а н о в а О. П. Структурные типы сложных определительных словосочетаний в хакасском языке. - В кн.: Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1977, с. 112.

⁵ Д м и т р и е в Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948; е. г о ж е. Синтаксис балкарского языка. - В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962.

⁶ Современный татарский литературный язык. Синтаксис. М., 1971, с. 107-127.

⁷ Ч е р о с о в М. А. Основные типы синтаксических словосочетаний в якутском языке. Якутск, 1972, с. 15.

Смысловые отношения между компонентами РО могут быть представлены в виде таблиц со следующими условными сокращениями:

N	- имя	Vd	- деепричастие
Pr	- местоимение	Vv	- супин
A	- прилагательное	post.p.	- послелог
Adv	- наречие	np	- косвенный падеж
Vprt	- причастие	тире (-)	- стиль между компонентами

Примечание 1. Падежные аффиксы ставятся в собственной форме.

Примечание 2. Наряду с символом post.p. в случаях, когда послелог не вариативен, приводим его в собственной форме, подчеркивая одной чертой.

В таблицах приведены модели РО и указаны средства связи. Компоненты РО неустойчивы. Устойчива только структурная модель РО, которая в зависимости от смысла высказывания наполняется конкретным лексическим материалом. (см. табл. 1).

Таким образом, РО с объектными отношениями делятся на:

- а) РО, выражающие действие и его прямой объект;
- б) РО, выражающие действие и его косвенный объект.

РО с обстоятельственными отношениями, в свою очередь, делятся на РО, выражающие:

- а) способ совершения действия;
- б) отношения сравнения и уподобления;
- в) пространственные отношения (место и направление);
- г) временные отношения;
- д) целевые отношения. (См. табл. 2).

Классификация РО по семантико-синтаксическому принципу может быть дополнена классификацией по принципу внутренней структуры.

В составе РО причастия одновременно выполняют две синтаксические функции: функцию относительно зависимой части высказывания (выступает по отношению к другим членам РО как подчиняющий член) и функцию относительно главной части высказывания (выступает по отношению к следующему за ним словом подчиненным членом). Как указывает Е. А. Поцелуевский⁸, это объясняется тем, что лю-

⁸ Поцелуевский Е. А. Тюркский трехчлен. М., 1967, с. 50.

Таблица I

РО, выражающие объектные отношения

Частные смысловые отношения между компонентами	Модели словосочетаний			Примеры
Прямой объект	N	-	Vprt	куйак кескен (кыс палазы) 'кольчугу надевшая (девица)'
	N ны	-	Vprt	тегрини туглабыскан (пулуттар) 'небо затмившие (тучи)'
	Pr ны	-	Vprt	сени кавкан (кукуи) 'тебя клевавший (ворон)'
Косвенный объект	N га	-	Vprt	аба кулакка полушкан (алып) 'Аба Кулаку помогавший (богатырь)'
	Pr ге	-	Vprt	писке келченъ (күн) 'день, который к нам постоянно приходит'
	N данъ	-	Vprt	килинъненъ тиккен (пөрүк) 'из бархата сшитая (шапка)'
	N ба	-	Vprt	кыстарба ойнаган (Лойка) 'с девушками игравший (Лойко)'
	N post.p.	-	Vprt	пырас кежире чаткан (мост) 'через Мрас-су проложенный (мост)'
	N ип post.p.	-	Vprt	аг олдуңъ Устүне кескен (кеп) 'На Ак-ол'е надетая (одежда)'
	Post.p.*	-	Vprt	Устүне мүнченъ (алып) 'на нем едущий (богатырь)'

*. В шорском языке послелог и именного происхождения приобретают значение самостоятельных членов предложения в том случае, когда местоимение, к которому они относятся, опускается. См. также: У б р я т о в а Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. I. Простое предложение. М.-Л., 1950, с. 150.

Таблица 2

РО, выражающие обстоятельственные отношения

Частные смысловые отношения между компонентами	Модели словосочетаний			Примеры
Способ	Vd	-	Vprt	кызарып агар (кан) 'краснея текущая (кровь)'
	A	-	Vprt	кбк аарак кбрунчаткан (толкур) 'зеленоватыми кажущиеся (волны)'
	Adv	-	Vprt	артык чайалган (аба кулак) 'прекрасно сотворенный (Аба Кулак)'
Сравнение, уподобление	N чилеп	-	Vprt	от чилеп кбичиткан (карактар) 'как огонь горящие (глаза)'
	N шени	-	Vprt	по ай сабак шени чайалган (кыс) 'подобно Ай Сабак созданная (девица)'
Место	N да	-	Vprt	тайгада турган (нижи) 'в тайге родившийся (человек)'
	Pr да	-	Vprt	кайда чаткан (анъ) 'где живущий (зверь)'
	N post.p.	-	Vprt	сундук түбүндө чаткан (куйак) 'в сундуке лежавшая (кольчуга)'
	A	-	Vprt	мбзул парган (пудут) 'высоко плывущее (облако)'
	Adv	-	Vprt	анда одурчуткан (кыс палазы) 'там сидящая (девица)'

(окончание таблицы 2)

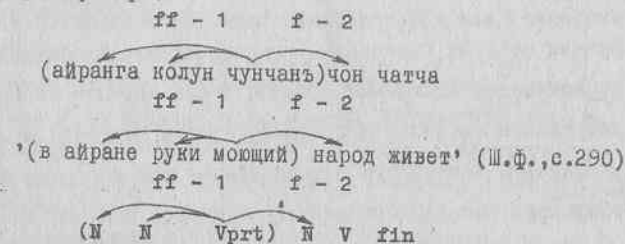
Направление	N га	-	Vprt	карга шбиес (ат) 'в снег не погружающийся (конь)'
	Pr га	-	Vprt	кайа-найара парган (кижи) 'неизвестно куда отправившийся (человек)'
	N данъ	-	Vprt	тегриденъ тушкен (теипери) 'с неба упавший (снег)'
	Pr данъ	-	Vprt	кайданъ келген (алып) 'откуда приехавший (богатырь)'
	N post.p.	-	Vprt	чер алтыннанъ шыкан (соган) 'из-под земли вышедшая (стрела)'
	N ип * post.py	-	Vprt	талайга тебе чаткан (чаны) 'к морю обращенная (сторона)'
	Adv	-	Vprt	ара парган (кижи) 'туда отправившийся (человек)'
Время	N да	-	Vprt	чапта куткен (мал) 'в жизни (т.е. за всю жизнь) - нажитый (скот)'
	N post.p.	-	Vprt	чаптанъ ала кбленген (книга) 'с детства полюбившаяся (книга)'
	A гы**	-	Vprt	кечеги туган (пала) 'вчера родившийся (ребенок)'
	Adv	-	Vprt	емди Бскен (ер паллары) 'теперь растущая (молодежь)'
Цель	N га	-	Vprt	калбага келген (кижи) 'за колбой пришедший (человек)'
	Vs	-	Vprt	ббк тартарга туган (чылан) 'ползать рожденный (уж)'

* Агы - прилагательное с аффиксом -гы.

** Падеж имени зависит от послелога.

бое подчинительное сочетание может быть частью более крупной синтаксической единицы - предложения и поэтому оно характеризуется не только наличием внутренних связей (между членами словосочетания), но и внешних, определяющих его основную функцию быть элементом предложения.

Названные выше функции отражают структурные особенности причастия, представляют синтаксический механизм связей причастия с другими словами. Синтаксические функции причастия можно показать на следующем примере.

Таким образом, причастие как вершина подчинительной конструкции (на схеме она заключена в скобки) представляет синтаксическую функцию этой конструкции относительно главной части высказывания. Это функция определения.

Классификация РО по внутренней структуре характеризует функцию причастия относительно зависимой части высказывания. Она основана на глагольных свойствах причастия, которые проявляются в его глагольной валентности, а также в способности присоединять к себе деепричастие или супин (как одиночные; так и с зависимыми от них словами).

По количеству членов выделяем два взаимопротивопоставленные типа РО: двучленные и многочленные.

Двучленные РО представляют собой распространение причастия путем препозитивного присоединения к нему распространяющего его знаменательного слова (с зависимыми словами или без них). Двучленные РО всегда состоят только из двух членов: зависимого, выраженного либо отдельным словом, либо словосочетанием, и главного, выраженного причастием. В зависимости от структуры зависимого члена выделяем два вида двучленных РО. РО I вида содержат зависимый член, выраженный отдельным словом, в РО II вида зависимый член выражен словосочетанием.

Структурные модели двучленных РО I вида были приведены выше в таблицах I и 2. К двучленным РО I вида мы относим также такие, один из членов которых выражен: 1) лексикализованными словосочетаниями (сы кобургай иштине чърчүткан кыс 'внутри пучки /дудки борщевника/ летящая девица'); 2) послеложными конструкциями (алтын тайчидань үчүн туруш-чърчиткан кыс палазы 'Алтын Тайчы ради сражающаяся девица'); 3) видовыми конструкциями (тагдань чылып тушчаткан чылан 'с горы сползающая змея').

В двучленных РО II вида зависимый член может быть выражен как именными, так и глагольными словосочетаниями. Главным, организующим центром глагольных словосочетаний в составе РО является деепричастие (алты чыл кұл чип бскен картыга перген 'шесть лет пейлом питаюсь, возросший Картыга Перген') и супин (чакшы-ба албаннарн четтирерге айткан каннар 'по-хорошему дань платить обещающие ханы'). Организующим центром именных словосочетаний в составе РО является имя существительное (ески чүртка чаткан чой 'в старом стойбище живший народ') и, в редких случаях, имя прилагательное (аданьмада чакшы чайалган чаш салгын 'уж очень красивым сотворенный Чаш Салгын').

Именные словосочетания с именем существительным в роли главного члена представляют собой определительные сочетания, в которых определяемое может иметь как простое (рак чегде чаткан кижилер 'в далекой земле живущие люди'), так и распространенное определение (чол столунга тургус салган пескебе перишчаткан инженер 'на походном столе установленными весами занимавшийся инженер') или определение в форме придаточного определительного предложения (кан арго печенянинь парган черин унънабас алып 'места, куда отправилась твоя сестра Кан Арго, не знаящий богатырь').

Зависимый член может иметь и несколько определений. В таких случаях выделяются: I) РО с однородной характеристикой зависи-

мого от причастия слова (сынъмас паатпас куштуг чайалган кара салгын 'несгибаемую, непомерную силу имеющим созданный Кара Салгын') и 2) РО с неоднородной характеристикой зависимого от причастия слова. Последние могут содержать определительные сочетания: а) с раздельным подчинением⁹; б) с последовательным подчинением¹⁰; в) с последовательным и раздельным подчинением, например:

картыга пергеннинь соол мериктенъ чайалган алтын мерик
'из левой ступни Картыга Пергена сотворившийся Алтын Мерик'

— в этом РО зависимый член картыга пергеннинь соол мериктенъ 'из Картыга Пергена левой ступни' представляет собой определительное сочетание с раздельным подчинением. В нем каждое определение самостоятельно определяет определяемое, а также определяемое мериктенъ 'из ступни' с ближайшим к нему определением соол 'левый' составляет группу определяемого соол мериктенъ 'из левой ступни', а определение картыга пергеннинь 'Картыга Пергена', более удаленное от определяемого, относится не к последнему определению соол, а к группе определяемого соол мериктенъ. Схематически это можно изобразить следующим образом:

картыга пергеннинь соол мериктенъ

ала камыш тайак тайанган апший 'на посох из пестрого камыша опирающийся старик' — в этом РО, зависимый член ала камыш тайак 'посох из пестрого камыша' представляет собой определительное сочетание с последовательным подчинением. Здесь первой определение ала 'пестрый' подчиняется второму — камыш 'камыш' и вместе с ним составляет группу определения ала камыш 'пестрый камыш', которая в свою очередь подчиняется определяемому слову тайак 'посох'. Схематически это можно изобразить следующим образом:

ала камыш тайак

алты кулактыг кара казаннынъ алтына кирген пала 'под шестистукий черный казан залезшее дитя' — в этом РО зависимый член алты

⁹ Б а с к а к о в А. Н. Структурные типы словосочетаний и предложений в современном турецком языке. АДЛ, Л., 1972, с.17; А н ж и г а н о в а О. П. Указ. раб., с. 103.

¹⁰ Там же.

кулактыг кара казаннын алтына 'под шестиухий черный казан' представляет собой определительное сочетание с последовательным и раздельным подчинением. Здесь первое определение алты 'шесть' подчиняется второму кулактыг 'имеющий уши' и вместе с ним составляет группу определения алты кулактыг 'имеющий шесть ушей', т.е. 'шестиухий', а определяемое казан 'казан' с ближайшим к нему определением кара 'черный' составляет группу определяемого кара казаннын 'черный казан'. Следовательно, группа определения алты кулактыг относится не к последующему определению кара, а к группе определяемого кара казаннын. Послелог алтына относится ко всему определительному сочетанию. Схематически это можно изобразить следующим образом:

алты кулактыг кара казаннын алтына

Таким образом, иногда одночленные РО II вида представляют собой довольно сложные синтаксические конструкции, которые могут включать в себя обороты, придаточные предложения или определительные сочетания с раздельным и последовательным подчинением. Они сравнительно немногочисленны и при статистическом подсчете на материале сплошной выборки из 400 страниц текста составили 8,5% от всех РО.

Теперь рассмотрим многочленные РО. По структуре зависимых членов различаем: 1) многочленные РО I вида и 2) многочленные РО II вида. Многочленные РО I вида имеют, как правило, только два зависимых члена, каждый из которых выражен отдельным словом, а многочленные РО II вида могут быть двучленными, трехчленными или четырехчленными, один или два члена которых выражены словосочетаниями.

тблденъ тблге парчаткан 8ш 'из поколения в поколение продолжавшаяся вражда' - многочленное РО I вида.

Многочленные РО II вида:

пурунгу тушта тынын алган сыбас олак 'в прежние времена их души спасший юноша Сыбас' - двучленное РО, первый член которого является определительным сочетанием.

алтынгызы айнечектенъ алты чолап албан алчаткан кара муку 'с внизу находящихся айна, шесть раз путь пройдя, данъ собирающий Кара Мюкю' - трехчленное РО, первые два члена которого являются словосочетаниями.

ерлики каннанъ ебире айнечектенъ алты чолап албан алчаткан кара муку 'царство эрликов кругом обходя, от айна, шесть раз путь пройдя, данъ собирающий Кара Мюкю' - четырехчленное РО, два члена которого являются глагольными словосочетаниями.

Кроме того, выделяем РО с однородными (свободага чарыкка кыргчаткан призыв 'к свободе /и/ свету зовущий призыв') и неоднородными (чакшы-ба албанын перген каннар 'по-хорошему данъ дающие ханы') зависимыми членами.

В составе многочленных РО II вида зависимые члены могут иметь простое или, в редких случаях, распространенное определение, а также они могут быть выражены определительными сочетаниями с раздельным или последовательным подчинением, например:

ак чазынынъ тубунде кара поос атты чедингенче кан тоос мерген 'в белой степи черно-серого коня водящий Кан Тоос Мерген'.

пооны устуне менген алыбын карайка кбрген кизи 'на нем (на коне) ездившего богатыря в глаза видевший человек'.

качырып парчаткан ак мадды, албатык чонну качыр-парчаткан алып 'угнанный белый скот и подданный народ гнавший богатырь'.

тебир усталбанъ пирезине кабатыннанъ шалкан позуг 'к одному из железных столбов из лба вбитый гвоздь'.

Многочленные РО составили всего 7,5% от всех РО.

Классификацию РО по принципу внутренней структуры целесообразно дополнить характеристикой РО по признаку отношения определяемого к причастному действию, выраженному главным членом РО. По отношению определяемого к причастному действию намечаются следующие типы РО: I) определяемое обозначает субъект действия,

выраженного причастием (тип: мени тааныбас кижи 'меня не знающий человек'); 2) определяемое обозначает объект действия, выраженного причастием (тип: маалтырганань иштеен сал 'из стеблей борщевника сделанный плот').

При определяемом со значением объекта по отношению к действию, выраженному причастием, возможен один обособленный тип РО. Это – страдательные атрибутивные сочетания с описательным выражением действующего лица при помощи сочетания основного падежа имени существительного, обозначающего субъект действия, с послелогом ба. В таких РО субъект действия может быть выражен также именем в направительно-дательном падеже. В качестве главного члена РО функционирует страдательный вариант причастия на -ган^{II} или причастие с аффиксом понудительного залога того же причастия на -ган (типы: салгынга сынган агаш 'ветром сломанное дерево', мониторинорба чундурбускан чулаттынъ тубу 'монитором размываемое реки дно'). Как известно, в страдательном варианте причастия на -ган совмещены неопределенно-личное^{I2} и собственно страдательное значение^{I3}, а основными значениями понудительного залога являются понудительное и страдательное значения^{I4}. Описательным выражением субъекта действия при выше указанных формах осу-

^{II} В данном случае страдательное значение создается не формой причастия (причастие не имеет аффикса страдательного залога), а формой того словосочетания, в которое оно вступает.

^{I2} И в а н о в С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные), ИЛУ, 1959, с. 67. На неопределенно-личное значение причастия на -быт в якутском языке, соответствующее причастию на -ган других тюркских языков, при определяемом-объекте указывает Е. И. Убрытова, например: ыппыт ох 'стрела, которую кто-то выстрелил, которую кто-то пустил'. См. У б р я т о в а Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. П. Сложное предложение. Книга первая. Новосибирск, 1976, с. 65.

^{I3} И в а н о в С. Н. Указ. раб., с. 67-68.

^{I4} Д ы р е н к о в а Н. П. Указ. раб., с. 148; И с х а н о в Ф. Г., П а л ь м б а х А. А. Указ. раб., с. 274.

ществляется устранение неопределенности субъекта действия и понудительности действия. Так неопределенно-личное или понудительное значение переходит в собственно страдательное. В страдательных РО, как правило, употребляются причастия от переходных глаголов, а между компонентами РО существуют отношения типа "исполнитель действия – действие".

Рассмотрим теперь причастные формы, способные функционировать в качестве главного члена РО. В качестве организующего центра РО выступают причастные формы на -ган (-баан), -ганче, -чаткан (-баанчаткан), -р (-бас), -чанъ, -галак. По отношению ко времени можно выделить группы РО, главный член которых имеет значение: 1) настоящего времени; 2) прошедшего времени; 3) будущего времени.

В шорском языке имеются две причастные формы настоящего времени – это причастия на -чаткан и на -ганче. Причастия на -чаткан, встречающиеся в составе РО, как правило, образованы от так называемых неперфектных глаголов. Так как неперфектные глаголы – это глаголы пассивного действия, "характеризующие действие как состояние"^{I5}, то образованные от них причастия обозначают действие незавершенное, состояние или качество длительное, присущее предмету в настоящем и прошлом^{I6}.

Являясь центром РО, причастие на -чаткан, как правило, передает значение настоящего времени:

Ыраткан, по турба тагданъ чылып тушчаткан, улуг чылан
ошкаш подган (А.т., с. 5). 'Издали эта труба была похожа
на большую, сползающую с горы змею'.

Оно может иметь значение призвания или назначения предмета для совершения того или иного действия:

Усчулар алтын тутчаткан вашгерди аайт перчалар (А.т.,
с. 7). 'Мастера объясняют (устройство) вашгерда, задерживающего золото'.

В составе РО причастие на -чаткан может выражать состояние как признак предмета:

^{I5} Б а с к а к о в А. Н. Каракалпакский язык, т.П, ч. I, с. 365.

^{I6} Д ы р е н к о в а Н. П. Указ. раб., с. 136.

Таглар ноону-ноону тыннап турчалар. Ылардын кара кылеткилери, как аарак кырунчаткан толкуг кырларынга тужуу, чаапчалар. 'Горы важно задумчивы. С них на пынные зеленоватые гребни волн упали черные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение...' (Ф. Чисп., Горьк., с. 19).

Отрицательная форма причастия на -чаткан в роли главного члена РО обычно не имеет временного значения, а обозначает свойство предмета. Она, как правило, допускает возможность замены отрицательной формой причастия на -р и поэтому малоупотребительна. Такое же свойство имеет и отрицательная форма причастия на -атан в алтайском языке ¹⁷.

Причастная форма на -ганче обозначает незавершенное длительное действие, которое начало происходить в прошлом и продолжается в настоящее время. В составе РО она обозначает постоянный процессуальный признак предмета.

аг-ой адина мингенче картыга перген ушкаш соом полды.

'Подобное Картыга Пергену, едущему верхом на светло-соловом коне, изображение стало' (Ш. ф., с. 22).

Близость значений причастных форм на -чаткан и на -ганче приводит к тому, что причастие на -ганче редко (в 1,1% случаев) выступает в роли главного члена РО. В нашей картотеке (более 600 карточек) нет примеров на отрицательную форму причастия на -ганче в составе РО.

Значение настоящего времени может передавать также причастие на -ган.

В шорском языке имеются две причастные формы прошедшего времени: 1) причастие на -ган и 2) причастие на -галак.

Причастие на -ган является наиболее употребительным (≈ 66,7%) из всех причастных форм, способных функционировать в качестве главного члена РО. Это объясняется, вероятно, различием временных значений причастий. Причастие на -ган обозначает, как правило, действие, относящееся к прошедшему времени, но может обозначать также действие, относящееся к настоящему времени, а

¹⁷ Т а д ы к и н В. Указ. раб., с. 61-62.

"причастные определения в прошедшем и настоящем времени являются результативными, органическими и процессуальными признаками предметов" ¹⁸.

"Указанные колебания временного значения формы на -ган в атрибутивном ее использовании, как и в позиции конечного сказуемого, объясняются перфектными ее свойствами" ¹⁹.

В собственно перфектном значении причастие на -ган выражает не действие, а состояние, которое у так называемых предельных глаголов совпадает с понятием результата действия, а у так называемых неопредельных глаголов проявляется безотносительно к результату действия. В первом случае причастие на -ган выражает действие, которое предшествует действию конечного сказуемого, а во втором случае обозначает действие, происходящее одновременно с ним:

Чалбак чарынныг, плащ кийсалган, погда сапкытуг мониторщик, нарыл парып чоон рычагна монитору кыргаткан (А.т., с. 7). 'Широкоплечий, одетый в плащ, в больших сапогах мониторщик, подбежав, потянул (потянул) монитор толстым рычагом'.

аалынань парган ак мал от оттар паартыр; соонань парган мал оттарга от четпен тобурак чалган паартыр. 'Впереди идущий скот травой питается, сзади идущий скот почву лижет: чтобы пастился ему - травы не хватает' (Ш.ф., с. 86).

Если в составе РО имеется обстоятельство времени, относящее действие в прошлое, то действие, выраженное причастием на -ган, всегда предшествует действию конечного сказуемого:

пурунгу тушта тынын алган сыбас олак четти. 'Юноша Сыбас, который когда-то спас их души, приехал' (Ш.ф., с. 142).

Значение прошедшего времени может передавать также причастие на -галак. Его значение определяют или как двухаспектное (про-

¹⁸ Б а л а к а е в М. Б. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957, с. 32.

¹⁹ И в а н о в С. Н. Указ. раб., с. 42.

шедшее - будущее)²⁰ или как одноаспектное (будущее²¹ или прошедшее²²). То, что причастие на -галак имеет только значение прошедшего времени, на наш взгляд, убедительно показано В. Тадыкиным²³.

В шорском языке причастие на -галак по отношению к моменту речи обозначает действие, которое (еще) не совершилось, не осуществилось. Обозначаемое им действие мыслится как такое, которое должно было совершиться в прошлом. Однако оно не совершилось ни в прошлом, ни теперь - в момент речи. В функции определения причастие на -галак обозначает имеющееся налицо состояние предмета. Здесь мы имеем причастную форму прошедшего времени с явной семантикой перфекта:

Ай Кара каанынъ тѳли атка тонга чедингелѳ палазы паптап-кы туткан алыбн тогус кунненъ эртизе тутса, ада чуртун тудуп албас. 'Потомок Ай Кара хана, который еще не достиг (той поры чтобы иметь) коня и шубу, если первого схваченного им богатыря больше девяти дней продержит (не убив), отцовским стойбищем управлять не сможет' (Ш.гр., с. 136).

В этом отношении причастие на -галак очень близко по своему значению отрицательной форме причастия на -ган. Вероятно, в шорском языке так же как и в алтайском²⁴, эти причастные формы

²⁰ Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Указ. раб., с. 311; Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар. Ч. II, изд. Казанского университета, 1968, с. 79.

²¹ Монгуш Д. А. О временных формах в тувинском языке. - В кн.: Ученые записки Тув.НИИЯЛИ, вып. УП, Кызыл, 1959; Сат Ш. Ч. Причастия в тувинском языке. АКД, М., 1961, с. 6.

²² Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, с. 69, 73; Грамматика хакасского языка. "Наука", М., 1975, с. 233; Фисакова Г. Г. Формы глагола, употребляемые как причастия (и деепричастия) в языке бачатских телеутов. - В кн.: Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976, с. 107.

²³ Тадыкин В. Указ. раб., с. 87-90.

²⁴ Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, с. 153; Тадыкин В. Указ. раб., с. 88.

взаимозаменяемы. Этим объясняется тот факт, что причастие на -галак весьма редко (только в $\approx 0,33\%$ случаях) функционирует в качестве главного члена РО.

В шорском языке имеется две причастные формы будущего времени: 1) форма на -р(-бас) и 2) форма на -чанъ.

Обычное временное значение причастия на -р в системе РО - совершение действия в будущем:

"качан тушта кадыг шагды аарлап чѳрүп, канык келип, тартсам, епке келер кун полар!" 'Наступит время - жестокой войной среди народов я буду ходить и в гневе этот дун натяну, тогда по руке он мне будет. Такой день придет (досл.: 'будет день, который придет в дом')!' (Ш.ф., с. 144).

При наличии в составе РО обстоятельства времени, ограничивающего время протекания действия, выраженного причастием, причастие на -р передает значение уверенности в том, что действие обязательно совершится (или не совершится):

андагы черде тогус чылга тооаулбас той полчер. 'В тамошней земле идет пир, который и в девять лет не кончится' (Ш.ф., с. 28).

В функции определения причастие на -р нередко обозначает действие, не имеющее строгого отношения к категории времени:

картыга перген айтты: "слерге мында чадарга чарабыс, теди, аш чибас, суг ичпес кижимим, слер пойларынънынъ чурттарынъга парып чадаар!" теди. Картыга-Перген (им) ответил: "Вам не следует жить здесь! Я - человек, который еду не ест, воду не пьет, вы (же) в ваши собственные стойбища отправляйтесь и там живите!" (сказал)' (Ш.ф., с. 22).

Нередко причастие на -р передает значение способности или неспособности предмета к действию:

..., кийыл-парар тыны чогуул, кызарып агаар каны чогул 'Нет у него души, которая может быть срезанной, нет крови, которая может краснеть течь' (Ш.ф., с. 132).

Отрицательная форма причастия на -р обозначает постоянный статический признак предмета, обличаясь тем самым с прилагательными:

ак чазыга толдур сып патпас кара тубан туш-парды.
'На белую степь, заполняя (ее) непомерный туман опустился'
(Ш.ф., с. 170).

Причастие на -чанъ может обозначать как действие безо всякого отношения к категории времени, так и действие, относящееся к будущему или настоящему времени. Временное значение, как правило, переплетается со значением обычности, постоянности, повторяемости действия.

Являясь центром РО, причастие на -чанъ, как правило, передает значение будущего времени:

аба кулактынъ ак кор ады алтын езерин бѣк алды, кумуш
чугенин чер свртеп, теңер черге теемисти, аба кулакка по-
лущанъ алып тилеп. 'Бело-коурыи конь Аба Кулака, золотое
седло свернув на бок, серебряную узду волоча по земле, блуж-
дал по земле, где богатыри путь теряют, в поисках богатыря,
который поможет Аба Кулаку' (Ш.ф., с. 200).

В этом случае значение причастия часто осложняется модальными значениями возможности или необходимости совершения действия в будущем:

"Езе, ак каннынъ палазы, мындагы чыылган калык чонда
сеенъ адынъ адачанъ кижы шыгышпаанча-ба?" 'О, ребенок Ак
Кана, разве не нашелся среди собравшихся здесь людей человек,
который может назвать тебе имя?' (Ш.ф., с. 164).

"Кузе полчанъ кижы пир аяк ашты ижибис!" теп. 'Человек,
который должен стать нашим зятем, одну чашу выпей!' (Ш.ф.,
с. 128).

Причастие на -чанъ, функционируя в качестве главного члена РО, может обозначать и настоящее время:

кан мерген мал кадарчанъ маатыр тазын аалына кымрб алып,
айтча: ... 'Кан Мерген стерегущего скот Матыр Таса к себе
позвал и говорит: ...' (Ш.ф., с. 108).

Причастие на -чанъ может обозначать также действие, не имеющее отношения к категории времени:

"Бскени кѣруп бѣсу аачычанъ, пашканы кѣруп паагры аачы-
чанъ каан арго печелиг кан мерген келченъ полза, киженимни
кезе кеспезе, ол-ла кезе-бер еди!" теп, сыктап келип, каак-
ча. 'Если бы пришел Кан Мерген, который чужих жалеет, за не-
родных заступается, он разрезал бы мои пути!' - рыдая игра-
ет' (Ш.ф., с. 128).

В атрибутивной функции причастие на -чанъ может обозначать существенный признак предмета:

ол таштар тебир тапчанъ таштар полган. 'Те камни - рож-
давшими железо камнями были' (Ш.ф., с. 268).

Так как причастие на -чанъ обозначает действие, являющееся существенным признаком предмета, то оно широко используется для образования составных слов-терминов:

Мында алтынныг кумагты чунчанъ аппарат турган. 'Здесь
стоял аппарат для промывки золотосодержащих песков' (А.т., с. 16).

Подобным свойством обладает причастие будущего времени на -р в тувинском языке (ср. тув. тараа кезер машина 'жнейка' - тараа - 'хлеб', кес- 'резать', 'косить',²⁵ и шор. аш кесченъ машина 'жнейка' - аш 'хлеб', кес- 'резать', 'косить').

Причастие на -чанъ может передавать значение целевого супи-
на:

"... сен чагыстынъ чагызок полар. сененъ Учун туруш-
-парчанъ пирдаа кижы чок полар". '...., а ты один одиначенек
будешь. За тебя заступиться (досл.: 'ни одного человека, что-
бы за тебя заступиться') некому будет' (Ш.ф., с. 166).

Из сравнения значений причастий на -р и -чанъ видно, что обе эти формы могут обозначать существенный признак предмета, однако наличие этого признака выражается утвердительной формой причастия на -чанъ, а его отсутствие - отрицательной формой причастия на -р. Вероятно и в других случаях отрицательные формы того и другого причастия допускают возможность взаимной замены. Это подтверждается тем, что отрицательная форма причастия на -чанъ в функции главного члена РО не употребляется.

²⁵ И с х а н о в Ф. Г., П а л ь м б а х А. А. Указ. раб.,
с. 307.

В составе РО причастные формы обозначают время по отношению ко времени конечного сказуемого ²⁶. Относительность времени причастных форм хорошо видна в тех случаях, когда причастие на -ган обозначает фактически будущее время, но предшествующее действию, обозначенному в конечном сказуемом, причастие на -чаткан - фактически прошлое действие, но одновременное с действием конечного сказуемого, а причастие на -чанъ - фактически прошлое действие, но будущее по отношению к конечному сказуемому:

Йаксы ат адаан (<адаган) кизее Йаксы ат мундре перейим;
Йебел ат адаан кизини мойдын кылыс - манъ кезе сабарым.

'Тому, кто даст хорошее имя (сыну моему) подарю хорошего коня, а кто назовет худым именем, тому отрублю голову мечом' (Верб., с. 31).

ак малды каачырчаткан алып кырык тижиненъ Ун шыгарбаан салды... 'Богатырь, который гнал белый скот, сквозь сорок зубов звук не проронил' (Ш.ф., с. 86).

Пистинъ самолёттар пир-ле чайгыга алындагы чоаакпа иште-зе канче-канче чылга шыгара иштеченъ иштерди, иштебистилер. 'Наши самолеты в одно лето проделали (такую) работу, на которую, если бы работали старыми способами, потребовалось бы несколько лет' (А. т., с. 31).

На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам:

1. Имена существительные могут распространяться причастиями, имеющими зависимые слова.

2. Так как основа глагола при всех причастных формах сохраняет свойственную данному глаголу систему управления, то, выступая в роли главного члена РО, причастия управляют объектами падежами имен.

3. Между компонентами РО существуют три типа отношений: объектные, обстоятельственные и, реже, отношения типа "исполнитель действия - действие".

²⁶ И в а н о в С. Н. Курс турецкой грамматики. Ч.П. Грамматические категории глагола. Л., 1977, с. 73.

4. По внутренней структуре РО бывают двучленными и многочленными.

5. Не все причастные формы могут функционировать в качестве главного члена РО (не встречается причастие на -надыг и отрицательная форма причастия на -чанъ). Не одинакова частотность употребления той или иной причастной формы в составе РО (так, например, причастие на -ган и причастные формы, имеющие составным элементом аффикс -ган, составляют 81,7% от всех РО, а все остальные причастные формы - лишь 18,3%). Не одинакова частотность употребления утвердительной и отрицательной формы одного и того же причастия (очень редко встречается отрицательная форма причастия на -чаткан - 0,33%, утвердительная форма причастия на -р употребляется значительно реже отрицательной). Все это объясняется близостью значений и взаимозаменяемостью отдельных причастных форм.

Сокращения

А.т.	- М. Кравков. Алтын таг (перевод на шорский язык Ф. Кусургашева). Новосибирск, 1934.
Верб.	- В. И. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
Горьк. - Чисп.	- А. М. Горький. Избранные произведения (перевод на шорский язык Ф. С. Чиспиякова). Новосибирск, 1936.
Ш.гр.	- Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941.
Ш.ф.	- Н. П. Дыренкова. Шорский фольклор. М.-Л., 1940.

СТРУКТУРА ПРЕДИКАТИВНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ПРИ ФИНИТНЫХ И ИНФИНИТНЫХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА-СКАЗУЕМОГО
В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Специфика синтаксической структуры енисейских языков состоит прежде всего в равноправном положении подлежащего и прямого дополнения. Оба члена предложения всегда имеют форму основного падежа и выражаются одними и теми же лексическими средствами. При относительно свободном порядке слов подлежащее и прямое дополнение могут меняться местами, что, казалось бы, должно вызывать угрозу неправильного понимания: объект действия может быть воспринят как субъект и наоборот. Путаницы, однако, не возникает, благодаря особому строю кетского и югского языков, а точнее, благодаря субъектно-объектному типу спряжения переходного глагола:

кет. ат тап сий⁰а кай таритн, дотом ат дь⁰ддок 'если я на собачьем месте лягу, чертовка меня съест';

бу ат ду:рий али ад бу ди⁰ей 'он меня убьет, или я его убью';

дотом ба:м ат да л'утейбол'а, ат бут ный дунобл'а донас' 'баба-яга меня проглотила, а я ее живот ножом разрезал';

бунг тон ад бь⁰нус' бато⁰ун, 'они так меня совсем не увидят'.

Итак, в исследуемых нами языках на форму сказуемого влияет не только подлежащее, но и прямое дополнение. Иными словами, личные формы переходного глагола несут в своем составе информацию о грамматических свойствах (роде, лице, числе, классе) как субъекта, так и объекта действия. При этом сам собой возникает вопрос о структуре предикативной основы предложения. "Дифференциальным признаком деления членов предложения на глав-

ные и второстепенные, — отмечает В. А. Белашанкова, — является вхождение или невхождение в предикативную основу предложения... Именительный падеж подлежащего определяет форму сказуемого применительно к категориям числа, рода, лица... Сказуемое отражает в своей форме соответствующие свойства подлежащего. Подлежащее участвует в оформлении предикативной основы предложения" ¹.

Таким образом, предикативную основу русского предложения составляют два его главных члена — подлежащее и сказуемое. Предикативный минимум кетского и югского предложения при переходном глаголе-сказуемом включает в себя еще и прямое дополнение, т.е. является трехчленным. На этом основании Т. А. Кабанова относит прямое дополнение к главным членам предложения ². На наш взгляд, вопрос о делении членов предложения на главные и второстепенные применительно к описываемым языкам в значительной мере не имеет смысла. Члены предложения, составляющие конструктивное ядро высказывания, занимают далеко не одинаковое положение. Подлежащее и прямое дополнение влияют на форму сказуемого. Однако их синтаксические функции распознаются только благодаря форме последнего.

С другой стороны, включение конкретизированных субъектных и объектных показателей в состав глагола-сказуемого делает возможным построение трехчленного высказывания в рамках одной глагольной словоформы. Наконец, принципиальное различие между показателями одушевленного и неодушевленного объекта допускает четырехчленные предикативные основы, т.е. предложения с подлежащим, двумя прямыми дополнениями (одушевленным предметом и неодушевленным) и глаголом-сказуемым с двумя объектными показателями.

В качестве примера приведем парадигматический ряд предложений, записанный нами в 1978 г. в пос. Келлог Туруханского района:

¹ Белашанкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 84, 87.

² Кабанова Т. А. Синтаксис простого предложения кетского языка. Автореф. канд. дисс., Новосибирск, 1975, с. 16.

бу ат с'уйт ба Уипто 'он мне платок повязывает' (букв.: он я платок меня этим повязывает),

ат у с'уйт куупто 'я тебе платок повяжу',
ат бу с'уйт даУепто 'я ему платок повяжу',
ат бу с'уйт диУипто 'я ей платок повяжу',
бу ^{от} с'уйт дь^{он}гипто 'он нам платок повяжет',
ат ^{ок} с'уйт кь^{он}гипто 'я вам платок повяжу',
ат бунг с'уйт дангипто 'я им платок повяжу',
бунг ат с'уйт баУамтун' 'они мне платок повязали',
ат у с'уйт куУимто 'я тебе платок повязал'.

Необходимо особо подчеркнуть, что функцию прямого дополнения может выполнять только тот член предложения, который непосредственно взаимодействует с личной формой переходного глагола, находя в ней свое морфологическое отражение в виде объектных показателей.

Вне этого согласования прямого дополнения быть не может. Нельзя, например, приписывать объектную функцию компоненту инфинитивной группы. Инфинитив не имеет объектных показателей и, будучи именем действия, образует с другим именем, примыкающим к нему, атрибутивную синтагму. В структурном смысле подлежащее и прямое дополнение могут быть трех типов: простые, сложные и составные.

Простое подлежащее и простое прямое дополнение выражаются отдельными словами именного характера (именами существительными, инфинитивами, числительными, прилагательными, местоимениями). Мы уже говорили о совпадении средств выражения того или другого члена предложения. Речь идет о чрезвычайно близких понятиях. В процессе речевого общения субъект и объект непрерывно меняются ролями: то, что было подлежащим, становится дополнением и наоборот.

Енисейские языки допускают построение своеобразных сложных предложений, связующим звеном в которых служит общий член, выполняющий одновременно две функции: является субъектом действия в одном предложении и прямым объектом при сказуемом другого предложения:

кет. бу кыт игде р'а кайнем ть^оадингал' бимгевит.
'она лук взяла (лук) из латуни сделанный';

той ангобил'та и:с ^{ыта} бат кайнем 'вверху подвешенное (букв.: вверху висело) мясо он снял';

ба:т бу бис'е кай да буу ол'ду бисеп 'правда он так выглядит, как его брат' (букв.: правда, он, если кто на него посмотрит, брат).

При переходном глаголе можно говорить о том, что действие исходит от подлежащего, т.е. совершается им, но существует и другая сторона дела: действие, проводимое субъектом, одновременно влияет и на самого субъекта, воздействует на него как процессом, так и своими результатами. Подлежащее в предложении с возвратным глаголом выполняет двойную нагрузку. Это в равной мере деятель и объект действия. Непременным компонентом личных форм многих непереходных глаголов является объектный показатель "б" ("п", "в", "м"). А. П. Дульзон считал этот аффикс признаком пассивного осмысления действия ³.

Таким образом, и в этом случае подлежащее фактически следует рассматривать как объект законченного когда-то в прошлом действия, глагольные формы в таких предложениях близки по значению причастиям ⁴. К тому же они, подобно причастиям, как правило, не имеют субъектных показателей, что исключает принадлежностную связь между субъектом и предикатом; действие, следовательно, не принадлежит подлежащему и не совершается им, это законсервированный объект действия:

кет. сујат кам ул'ва 'рубаха скоро намокнет';

каренг ул'ангбина 'одежды намокли';

и:с'той ангапта 'мясо вверху висит', ангобил'та 'висело';

кис'анг бангус' ^{на:пта} 'здесь землянка стоит', новел'та 'стояла'.

³ Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1967, с. 416.

⁴ Там же.

К числу специализированных средств выражения подлежащего и прямого дополнения следует в первую очередь отнести имена существительные, служащие названиями как одушевленных, так и неодушевленных предметов. Те и другие в равной мере могут принимать на себя функцию субъекта и объекта действия. Неодушевленные предметы, как уже отмечалось, в силу того, что они не обладают дееспособностью, обычно выступают в предложении в роли пассивного подлежащего. Функция одушевленного предмета как активного деятеля в этом отношении не вызывает сомнения:

кет. талан ыр'динга ав'ан 'муки до весны хватит';

бу бо'онен, а ду? бэ'нус обе'он 'он костер развел, а дыма совсем не стало';

ку'о' дингт ситонк 'чум ей образовался';

ба:м табдил' бо:н да бутогдак 'старуха из-под сиденья рукавицы вытащила';

кус'ка ка: кимн аб бэ'йвол'анг домнан' кон' тыр'ангас 'дома в чуме женщины мне косу заплели бисерной косоплеткой';

и? бис'динга у'он 'солнце под вечер ушло'.

В положении объекта действия могут оказаться любые предметы, как одушевленные, так и неодушевленные (живые и неживые). Показателем неживого предмета или предметов в глагольной форме служит аффикс "б" ("м", "п", "в"). Объектная функция местоимений и имен существительных (названия людей, животных и мифических существ) устанавливается с помощью целой серии специальных показателей, точно указывающих род, число и лицо:

кет. бу окшта ди'а ку?к дубендик 'он под деревом нору нашел';

тел' долн улил' тос'а ра буту'дак (вм. бутобиндак) 'акунла нос из воды высунула';

юг. бу хемын дангато:ш и дылат дангато:ш 'он жен и детей кормит'.

Наиболее отчетливо объектные показатели заметны в тех случаях, когда они располагаются в начале глагольной формы. Примером может служить глагол со значением иметь:

кет. ен' ат ким байевит 'теперь у меня бабушка есть' (букв.: меня бабушка имеет);

у ким ку'евет 'у тебя бабушка есть';

бу ким а'евет 'у него бабушка есть';

бу ким и'евет 'у нее бабушка есть';

бэ'т най ким дэ'нгавет 'у нас тоже бабушка есть';

бэ'к ким кэ'нгабет 'у вас бабушка есть';

бунг ким ангабет 'у них бабушка есть'.

У глаголов с прерывной основой (по терминологии Е. А. Крейновича)⁵ объектные аффиксы располагаются внутри словоформы и поэтому менее заметны; к тому же они подвергаются влиянию соседних звуков. Пройдя через процесс ассимиляции, эти показатели нередко предстают перед нами уже со значительными качественными изменениями: ср.

кет. кой ат кам дуддок 'медведь сейчас меня съест';

кой у ду'урук 'медведь тебя съест';

кой бу ду'арок 'медведь его съест';

кой бу ду'урук 'медведь ее съест';

кой бэ'т дуронгдок 'медведь нас съест';

кой бэ'к ду'ангдок 'медведь вас съест';

кой бунг дангорок 'медведь их съест'.

Наряду с именами нарицательными, в позиции подлежащего и дополнения регулярно употребляются имена собственные. Субъектные и объектные показатели глагола при этом позволяют безошибочно устанавливать грамматический род слова, а следовательно, и пол носителя имени:

кет. бал'на дол'дак косесдингте, тунингел' косесдигал' бэ'а ди:нбес' 'Бальна жил на реке Косес, он потом с Кесеса сюда переехал';

дубгалин дугди да бе?п силеко ткас'анем, табангдинга де буунем 'пока они воевали, его тетка взяла Силеке и отнесла его в лес';

кук ты'а бинса'ан 'Енисей течет на Север'.

⁵ Крейнович Е. А. О прерывных глагольных основах в кетском языке. - ВЯ, № 3, 1965, с. 118.

В кетском и югском языках имеется особый класс слов, именуемый нами за неимением другого термина "инфинитивами". Эти своеобразные лексические образования обладают чертами имени и глагола-имени существительного (имени действия), собственно инфинитива (неопределенной формы глагола) и причастия⁶. Значение причастия прослеживается в атрибутивном употреблении; подобно инфинитивам в обычном смысле этого слова они входят в состав сложного глагольного сказуемого. Именные признаки инфинитивов отчетливо проявляются в тех случаях, когда они выполняют в предложении функцию подлежащего:

кет. бис'авас' ассано: актам 'с братом охотиться хорошо';

тес' анг бинт⁰:л' кил'с' бурингт б⁰нс'анг 'пимы замерзли, одевать ей нечего';

бу нанга бада-дв⁰к ытажам, дилинг ытажам 'он им сказал: "жить можно, кушать это можно";

юг. чешинг би:нт⁰р, будир динг хонгфоне 'пимы замерзли, одевать ей нечего'.

В качестве специализированных средств выражения подлежащего и прямого дополнения применяются местоимения всех разрядов, кроме притяжательных. Примеры на употребление личных местоимений в этих функциях уже приводились выше. Следует отметить, что назначение личных местоимений, включая местоимения 3 лица бу 'он, она' и бунг 'они', состоит в замене главным образом имен и названий людей. При повторном упоминании животных и неживых предметов их названия заменяются обычно указательными местоимениями. Аналогичное явление имеет место, например, в самодийских языках⁷. Местоимение бу, по мнению А.П. Дульзона, было заимствовано из западно-сибирских тюркских языков, где оно употреблялось как указательное⁸. Отдельные носители кетского языка

еще и сегодня используют местоимение бу в указательном значении 'это, этот':

ассес бутумбис' ке:с' 'это что еще за песок?'

бу бет сел' коде бил'а ангиксуУут коУот а:на и ул'ан а:на б⁰н бинда тутоны 'этот же олень как был привязан голодный и без воды, даже (горло у него) не просохло';

бу ати ис' берукситен 'вот почему эта рыба крепкая стала'.

По своему значению и роли в языке местоимения 3 лица бу и бунг тесно примыкают к лично-указательным местоимениям. По А. П. Дульзону, они могут иметь краткую и полную форму⁹. Эта группа местоименных слов не только указывает род и число предметов, но и уточняет их пространственное расположение:

ки 'это, этот' (который совсем близко), киду (киро, кир'а, кир') 'этот', киди (кир'а, кир') 'эта', кина 'эти', ка 'этот' (который подальше), каду (кар'а) 'эта', 'та', кана 'эти', ту 'то, тот', туаду (туде, тур') 'тот', туду (туде, тур'а) 'та', туна 'те'.

Лично-указательные местоимения употребляются атрибутивно или самостоятельно в функции подлежащего. Теоретически можно представить себе такое местоимение в позиции прямого объекта, однако язык, по-видимому, в этом не нуждается. Местоимения, как известно, позволяют избегать повторения названий одних и тех же (уже упомянутых) предметов. Уточнить направленность действия при определенном объекте удается без помощи местоимений, с этой задачей успешно справляются объектные показатели в глагольной форме:

кет. ана б⁰н лобедавет туду б⁰н сий 'кто не работает, тот не ест';

ту ынтанг ка? ингуо' энггонгдингт 'это самый большой дом в деревне';

аУа тангго:нен, тос'а тхонто:нен, анад бил'а ту тхонду,

⁶ Б е л и м о в Э. И. Функции и значения инфинитива в кетском языке. — В кн.: Фонетика и морфология языков народов Сибири. Новосибирск, 1972, с. 73-80.

⁷ Т е р е щ е н к о Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973, с. 124.

⁸ Д у л ь з о н А. П. Указ. соч., с. 103,

⁹ Д у л ь з о н А. П. Указ. соч., с. III.

анад бил'а ту долети 'они его (дерево) наверх потащили и поставили, как оно раньше стояло, как оно раньше росло';

кир' каддь⁰к улингбес дажевет 'она очень красивая (красиво сделана)';

бу т'кагдео:на, а комел' каде дейтулут 'он за ним погнался, а тот убежал'.

По этой же причине не наблюдаются случаи употребления определенного местоимения бин со значением 'сам' в функции прямого объекта. В роли подлежащего это местоимение обычно встречается в предикативной форме с суффиксами, указывающими лицо и число субъекта (бинди 'я сам', бингу 'ты сам', бинду 'он сам', бинда 'она сама', бинданг 'мы сами', бинганг 'вы сами', бинанг 'они сами'):

кет. те? бада бингу эт'кум, ус'ка с'уконг 'ладно, - говорит, - сам знаешь, обратно домой иди';

бинанг бо?к бат сактовид'тиУин бат ду:нин 'они (сами) огонь затаптывают, тушат';

бин (бинду) туде канг кь⁰: кай с'ауол'тет 'сам он через ту щель шагнул'.

Я. Г. Биренбаум

СВОБОДНОЕ УТОЧНЕНИЕ

(Инфинитив, герундий, имя и придаточное предложение)

Инфинитив широко распространен в конструкциях, в которых его представляют как свернутое придаточное предложение. Определение статуса классификационной принадлежности придаточных предложений (далее ПП), связанных с существительными в следующих примерах, вызывало в англистике много споров:

She had no great hope that they would prove better.
(Queen).

He had no idea where they had crawled to (Conrad).

Как видно из заглавия нашей статьи, мы оцениваем их функцию как свободное уточнение. Но по строению они могут относиться к двум разным формальным типам придаточных предложений: к изъяснительному (более обычно, наш первый пример) или к именному (второй пример). Все ПП могут быть четырех типов: именные, изъяснительные, адъективные и адвербиальные. Именные ПП вводятся союзными словами *who, what, which, when, where, how, why* и в особых дистрибуционных условиях союзами *whether, if, lest*, а изъяснительные ПП - асемантическим союзом *that*, чередующимся с нулем. Функции именных и изъяснительных ПП в основном совпадают. Это в первую очередь функция дополнения, затем предикатива и подлежащего. Адъективные ПП вводятся относительными местоимениями, наречиями или без какого бы то ни было коннектора, включают в свою структуру антецедент и служат обычно его определением. Адвербиальные ПП вводятся семантическими союзами и выполняют, в основном, обстоятельственные функции ^I.

^I Биренбаум Я. Г. Сопоставление сложноподчиненных предложений русского и английского языка. - В кн.: Вопросы романо-германского языкознания, вып. V, Челябинск, 1974.

Синтаксические связи в предложении можно разделить на вертикальные (подчинительные) и горизонтальные. Подчинительные связи объединяют отношения, которые мы называем по конституируемым членам предложения дополнительными, определительными, подлежащими и т.д. Горизонтальные связи включают в себя сочинительные отношения, аппозитивные, уточнительные и некоторые другие. Вертикальные и горизонтальные связи расположены по различным осям синтаксической конструкции, действуют в различных плоскостях и не ограничивают (мало ограничивают) друг друга. Однородные члены предложения, уточняемые или уточнения могут быть подлежащими, предикативами, дополнениями и т.д. После этих замечаний можно вернуться к свободно-уточнительным ПП.

Еще О. Есперсен писал, что рассматриваемые ПП можно оценить по-разному — как дополнения к существительному либо к глагольно-именному сочетанию или как приложения к существительному, но сам он не мог установить их место в структуре английского языка². Поскольку зависимость от имени является конституирующим признаком определения, эти ПП часто относят к определительным (*nominal complement, subordinate statements and questions as adnominal adjuncts*), причем в отечественных работах они обычно отграничиваются от адъективных ПП как неотносительные определения. Можно подобрать примеры, в которых контрастно показано различие сочленения antecedent — относительное местоимение в адъективном ПП (а) и уточняемое — союз в свободно-уточнительном (б).

(a) It's the way they start in life... never having an idea that would get them ahead... (Polonsky).

(б) ... it is not our idea that you should leave us (Murdoch, Priestley).

² — Jespersen O. A modern English grammar on historical principles, part III, L-Copenhagen, 1961 and 1965, pp. 27-32.

В трансформационных грамматиках адъективные ПП связываются со всей группой существительного, а свободно-уточнительные — только с самим существительным³. Н. С. Поспелов считает, что имя, подчиняющее свободно-уточнительные ПП, приобретает изъяснительное значение и происходит "семантическая диффузия", в то время как последующее присубстантивно-определительное ПП (соответствующее адъективному в английском языке) не меняет устойчивого лексического значения существительного, а только дифференцирует, как любое определение⁴. В. А. Белошапкина лаконично замечает, что конструкция адъективного ПП определяет грамматическую природу существительного, а свободно-уточнительного ПП — семантическую⁵. Большинство грамматистов в нашей стране и за рубежом, начиная с Г. Суита, оценивает функцию этих ПП как аппозитивную, т.е. замечает, что связь с именем находится не в плоскости вертикальных связей, а горизонтальных. Интуитивно ученые приходят к правильному выводу о том, что изъяснительные и именные ПП, однофункциональные имени, не могут непосредственно (без предлогов или иных средств связи) подчиняться существительному. Но существительное, слово, соотносящееся с понятием, имеет более широкий денотат, чем ПП, которое как любое предложение, обозначает ситуацию, т.е. более конкретный и узкий денотат, поэтому горизонтальное отношение между ними будет не аппозитивным, а уточнительным. Об этом говорят факультативные конъюнкторы уточнений *namely, that is, for example* и т.д.:

I note that Your Lordship is of the contrary opinion, *namely* that said end does not justify said means (Knox).

³ Например, Jacobs R. A., Rosenbaum P. S. English transformational grammar, Waltham, Massachusetts, Toronto, 1968, pp. 45-48.

⁴ Поспелов Н. С. О некоторых закономерностях в развитии структурных типов сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в., ВЯ, 1961, № 6, с. 10.

⁵ Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, с. 123.

Свободные уточнения напоминают обычные уточнительные ПП к существительным широкой предметной отнесенности *matter, thing, reason* и т.д., например:

I am not concerned only with the *matter* who did it
(Asimov).

Но у них есть особенности, которые не характерны для горизонтальных связей: они соотносятся только с уточняемым существительным, а не подчинены, как любой горизонтант, тому же господствующему слову, что и уточняемое. Свободно-уточнительное ПП можно всегда элиминировать, не разрушая структурной законченности предложения. Конечно, при этом необходимо представить себе, что конситуация позволяет достроить смысл исключенных ПП, так как именно в них заключается обычно коммуникативная ценность предложения. Что касается уточняемого существительного, то его чаще всего отбросить невозможно, — оно является обязательным структурным компонентом, без которого разрушится вся конструкция, например:

The likelihood, that they could locate her before it
was too late was small indeed (Rinehart).

Поэтому связь свободного уточнения не является настоящей горизонтальной связью.

Обычно пишут, что и свободное уточнение элиминировать нельзя, но при этом имеют в виду не формально-структурную, а коммуникативно-смысловую законченность предложения. Например, "у меня мелькнула мысль, что я заблудился" без придаточного теряет смысловую самостоятельность "У меня мелькнула мысль" ⁶. Но если в том же контексте передать какими-то иными средствами смысл придаточного предложения, то без него предложение будет вполне приемлемым: "Я заблудился", — у меня мелькнула мысль".

⁶ К и р п и ч н и к о в а Н. В. О синтаксическом термине **попонеие**. — В кн.: Исследование по современному русскому языку. (Сборник статей, посвященных памяти Е. М. Галкиной-Федорук). МГУ, 1970, с. III.

Таким образом, свободное уточнение — это особая синтаксическая связь, отличающаяся от вертикальной и от горизонтальной связи. С горизонтальной связью уточнения ее объединяет включающая кореферентность, т.е. смысловой охват уточняемым уточнения и детализация, конкретизация в уточнении того, что обобщено и неопределенно высказано в уточняемом.

Из четырех типов ПП свободное уточнение может быть выражено только двумя. Но кроме ПП, к свободному уточнению можно отнести еще по меньшей мере четыре конструкции.

1) Герундий без предлога, раскрывающий содержание абстрактного существительного:

This tapping was a joke — asking permission to come
into "his" den (Susann).

Выделенный герундиальный полуконплекс нельзя считать постпозитивным, так как постпозитивный герундий может подчиняться имени только с помощью предлога*.

2) Инфинитивный полуконплекс с обязательным формантом *to*:

She made an effort not to sound surprised (Vidal).

Обычно свободно-уточнительный инфинитив оценивается как определение. Однако конструкция определительного инфинитива по ряду свойств отличается от свободно-уточнительного. Определительный инфинитив может образовывать комплекс с подлежащим, оформляемым предлогом *for*. В нем имеется открытая валентность для определяемого имени и возможен отделенный предлог:

...Trudy and I have a lot to talk about... (Spark),

т.е. он напоминает бесконнекторное адъективное ПП. Свободно-уточнительные инфинитивные полуконплексы лишены всех перечисленных особенностей. Их можно расценить как результат инфинитивного свертывания изъяснительных свободно-уточнительных ПП. На материале немецкого языка Л. А. Шикина провела сопоставительное исследование этих двух конструкций и обнаружила в них совпадение ряда моделей предложения и параллелизм содержаний

* Полуконплексом мы называем построение с господствующей неличной глагольной формой, лишенное внутреннего подлежащего. Если в таком построении имеется свое подлежащее, мы его называем комплексом.

по линии времени, залога и даже наклонения⁷. В английском языке Е. Боуман расценивает изъяснительные ПП, инфинитив и герундий в роли свободного уточнения как одну и ту же глубинную конструкцию⁸. Ю. Найда приводит примеры ... his answer, that is, to start immediately..., ...the solution, namely, trying to stay home..., в которых инфинитив и герундий вводятся уточнительными конъюнкторами⁹.

3) Имя в "исходном", независимом, в частности в именительном падеже, например, "Мы приехали на пароходе "Революция". А. М. Пешковский объяснял этот именительный непараллельный как несогласованное приложение, передающее название предмета, которое употребляется именно как название, как фрагмент речи человека, впервые назвавшего этот предмет. Он относил эту конструкцию к горизонтальным сочинительным связям¹⁰. Другие ученые, в частности, Н. Ю. Шведова и П. В. Чесноков, наоборот, причисляют эти построения к подчинительным¹¹. В ряде европейских языков распространены такие построения парной и многочленной структуры, например, "на поезде Магнитогорск - Москва".

⁷ Ш и к и н а Л. А. Определительное придаточное предложение с союзом *as* и атрибутивный инфинитивный оборот как синтаксические синонимы в современном немецком языке. - В кн.: Актуальные вопросы семантики и синтаксиса. ЛГПИ, Л., 1977, с. 25-31.

⁸ B o w m a n E. A comparison of traditional and transformational analyses of certain types of complex sentences. *Journal of English Linguistics*, vol. 3, 1969, Washington, p. 12-13.

⁹ N i d a E. A. A synopsis of English syntax. The Hague, 1966, p. 102.

¹⁰ П е ш к о в с к и й А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 330.

¹¹ Ч е с н о к о в В. П. О классификации связей слов в предложении. Материалы IX и X конференций Северо-Кавказского зонального объединения кафедр русского языка. Изд-во Ростовского университета, 1971, с. 50.

В английском языке тоже употребляются свободно-уточняющие имена, но из-за отсутствия противопоставления им. пад. косвенным они не бросаются в глаза, как в русском языке, см. количественные числительные после имен с прописной буквы: Room 5, Bus 47 или цитированные существительные:

...there is some significance in the ease and willingness with which modern thinking about man and society accepts the designation "behavioral science" (Chomsky).

При переосмыслении сравнительной конструкции в уточнительную совершенно неожиданно появляется форма именительного падежа личного местоимения:

What was the right of so miserable a creature as she to excite disturbance... (Meredith).

4) Проецируясь на уровень связей между предложениями, свободно-уточнительная зависимость имеет место между независимыми предикативными единицами:

Captain Mac Whirr... had a physiognomy that... was the exact counterpart of his mind; it presented no marked characteristics of firmness or stupidity... (Conrad).

В основе всех свободно-уточнительных конструкций лежит включение денотата свободного уточнения в денотат уточняемого. Основным требованием к уточняемому является то, чтобы оно было выражено существительным. Обычно это одно существительное в ед. числе. Основным требованием к свободному уточнению является то, чтобы оно было в стандартной и независимой грамматической форме. Обычно свободное уточнение располагается контактно после уточняемого и объединяется с ним интонационно. Отклонения от этих требований обуславливаются иными закономерностями либо несут стилистическую функцию выдвижения, что только подтверждает описанные структурные ограничения. По сути дела свободное уточнение - это своего рода цитация, связь которой с уточняемым обеспечивается контактной постпозицией с взаимовключением означаемых при максимально возможном сохранении самостоятельности в грамматическом оформлении свободного уточнения. Эта связь сродни отношениям между самостоя-

тельными предложениями в непрерывном тексте или между вводной единицей и основным предложением. В ней тоже происходит разрыв синтаксической непрерывности связей, синтаксическая связь используется отрицательно. Абстрактное значение уточняемого, существительного с широкой предметной отнесенностью требует контекстуального уточнения. Это уточнение следует не в форме, синтаксически подчиненной существительному, а в независимом виде, характерном для данного построения в языке, в независимой позиции, а не в конкретных речевых условиях контекста. По форме уточнение является виртуальным.

Отрицательную синтаксическую связь может обеспечить только уточняемое — существительное. Только существительное обладает достаточной "семантической инертностью или вязкостью", способностью в любой конституции сохранить свою виртуальную языковую семантическую структуру в такой мере, чтобы ее можно было использовать как опору для синтаксической связи. Существительное отличается от других частей речи тем, что отражает экстралингвистический мир в своей семантической структуре вне его отношения к тем предметам, без которых он не существует¹². М. В. Никитин пишет, что мысль испытывает трудности при деноциации от конкретного к абстрактному, от понятия о вещах к понятиям о признаках. При этом границы понятия размыкаются. Имена вещей (которые составляют основу существительного как части речи), как правило, имеют более четкий семантический состав, чем имена признаков¹³. Описывая синтаксические связи имени, Л. Теньер отмечает вертикальные, подчинительные зависимости с господствующим предикатом (*attribut*) и подчиненным определением (*epithète*), а также горизонтальные связи. По горизонтали имя связывается синтаксически с приложением и обращением либо только семантически с проекциями актантов¹⁴.

¹² Ч е с н о к о в П. В. Неогумбольдтианство. — В кн.: Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977, с. 58-59.

¹³ Н и к и т и н М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании, Владимир, 1974, с. 15.

¹⁴ Т е н и е р е L. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959, p. 176.

Свободное уточнение — это и есть проекция, которая связана с существительным на основе смыслового включения, а по форме оно так же независимо, как обращение.

Специфику свободного уточнения можно себе представить как синтаксическую связь, которая использует дважды и перекрестно оппозицию языка и речи. По форме уточняемое существительное, занимающее определенную позицию в синтаксических связях предложения, актуализируется в речи, а по содержанию оно имеет некоторые языковые свойства, так как его значение не уточняется полностью предконтекстом, а в известной мере актуализируется последующим свободным уточнением. Например, существительные *sign*, *signal*, *telegram*, *token* и др. конкретизируются последующим ПП как абстрактные, а не выражающие предметы и их функции. Например:

There was no *sign* at all that less than an hour before a man had collapsed in agony... (Asimov).

Свободное уточнение, наоборот, имеет независимую, языковую форму, неадаптированную к синтаксическому контексту, но актуализированное содержание, отражающее конкретную речевую ситуацию. Обобщая речевую недостаточность уточняемого существительного в плане содержания и свободного уточнения в плане выражения, недостаточность, которая восполняется взаимно, как пады заполняются выступлениями в столбных сочленениях, служит средством связи в свободно-уточнительной конструкции.

Свойства английских изъяснительных и именных ПП в роли свободного уточнения становятся понятиями на фоне характерных особенностей свободного уточнения вообще.

1) В роли уточняемого может выступать только существительное. Это весьма примечательное свойство, если учесть распространенность замены существительных разных разрядов и в разных позициях местоимениями и словами-заместителями. Существительное в рассматриваемой конструкции всегда абстрактное, нацеленное на уточнение придаточным предложением. Н. Д. Андреев назвал эти существительные комментабельными. В своем большинстве они отглагольные, и создается впечатление, что они открывают для ПП валентность, как соответствующие глаголы. С этим связано мнение, что ПП служат дополнением к глагольной

идее, заключенной в существительном. Однако имеются и неотглагольные комментабельные существительные. Имя принципиально отличается от глагола своей синтаксической самостоятельностью, структурной независимостью от окружения¹⁵. Элементы, подчиненные существительному, связываются с ним не по принципу заполнения открытых мест, обусловленных его семантикой, а в связи с выражением какого-то качественного признака его референта. Семантическое отношение между уточняемым и свободным уточнением напоминает инклюзивное отношение между подлежащим и сказуемым в предложениях тождества¹⁶:

... the desire that you come - The desire is that you come.

По нашей выборке мы насчитываем 156 комментабельных существительных неодинаковой частотности. Наиболее употребительные из них (до частотности 5) следующие:

fact, idea, feeling, doubt, hope, impression, assumption, belief, conclusion, conviction, knowledge, question, thought, notion, view, opinion, fancy, fear, sense, word, assurance, evidence, certainty, truth, chance, realization, rumour, sign, suggestion, talk, claim, desire, indication, instruction, wonder, argument, curse, information, maxim, mind, notice, possibility, suspicion, will.

Как видно из этого фрагмента нашего списка, комментабельные существительные имеют значение мыслительной деятельности, восприятия, чувства, передают речевой акт по его коммуникативной цели, иногда с трудом поддаются разнесению в семантические рубрики, например, fact, truth, likelihood, accident, caution, но всегда являются словами широкой предметной отнесенности.

¹⁵ И о ф и к Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. ЛГУ, 1968, с. 134.

¹⁶ А р у т ю н о в а Н. Д. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы), М., 1976, с. 308-325.

2) Обычно (98,8% на выборке в 936 примеров) в конструкции свободного уточнения имеется только одно уточняемое. Это примечательная особенность, так как дублирование синтаксической позиции однородными членами предложения практически не имеет ограничений. Свободное уточнение довольно часто (3%) образует однородные ряды:

He soon returns with the intelligence that Mr. Krook is at home and that he has seen him through the shop door... (Dickens).

Чрезвычайно редко (1,1%) уточняемое существительное употребляется во множественном числе, что обычно связано с лексикализацией словоформы плуралиса:

I gave orders that you were not to go riding alone (Holt).

Преобладание одного уточняемого в единственном числе объясняется тенденцией рассматривать существительное в его языковом, виртуальном значении.

3) Среди свободно-уточняющих ПП изъяснительный тип распространен намного шире (87,8%), чем именной (больше половины именных ПП уточняет существительное idea). Мы видим две причины различной статистической представленности типов ПП. Именные ПП более некатегоричны и неопределенны по содержанию, чем изъяснительные. Естественно, что в роли уточнения избираются более определенные, изъяснительные ПП. Далее, именные ПП совпадают по форме со специальным вопросом. Так как свободное уточнение должно быть независимым и четко определенным по формальному виду, омонимия не способствует выполнению именным ПП его строевой роли в оочленении с уточняемым.

4) После комментабельных существительных со значением или импликацией речи может следовать прямая или несобственно-прямая речь:

Mr. Guppy propounds, for Mr. Smallweed's consideration, the paradox the more you drink the thirstier you are... (Dickens).

5) В соответствии с тенденцией свободного уточнения к самостоятельной и стандартной оформленности изъяснительные ПП встречаются с союзом *that* намного чаще (86,4%), чем в общем случае (31,7% на выборке в 1777 примеров). В практических пособиях встречается даже мнение, что бессоюзные свободно-уточнительные ПП невозможны. Но они встречаются после разговорных формул, включающих комментабельное существительное: *have (get, give) an (no) idea, (have) no doubt, make a rule, there is a (no) chance (talk)* и в сочетаниях, приближающихся к составным глаголам, которые передают различные виды коммуникации, например, *give notice, get word (message, information), come to the conclusion, have a feeling, get an impression*:

... I give you notice I *shan't put up with it* (Bolt).

Впрочем Д. Боллинджер приходит к выводу, что *that* может опускаться в любом случае, если не возникает при этом неясности или двусмысленности I7.

6) Именные ПП могут встречаться не только в полной форме, но и в отстоявшихся моделях свертывания, например, инфинитивного (a) или коннекторного (б).

(a) ...he had no idea how to proceed (Cole).

(б) ...he was expatriated, and made... a shepherd of, "up the country" somewhere, I have no geographical idea where (Dickens).

Тенденция к стандартности оформления несовместима с эллипсисом ПП, но свернутые ПП образовали устоявшиеся модели.

7) Обычно ПП следует непосредственно за уточняемым. Дистантный отрыв не превышает 6-7% примеров и связан с более яркой рематизацией:

I had a *fancy*, on more than one of these Sundays, that *what this lady so curiously was to me* I was to her... (Dickens).

Препозиция придаточного как средство эфазы распространена еще реже (0,2%):

... her case was almost over. But how nearly over she *had no idea* (Rinehart).

I7 B o l i n g e r D w. That's that. Mouton, 1972, p. 15-38.

8) Свободно-уточнительное ПП объединяется интонационно с уточняемым. Лишь очень редко (1%) оно парцеллируется для выделения:

Take notice. *That any person or persons audaciously presuming to trespass on this property, will be punished...* (Dickens).

Именные и изъяснительные ПП, вызвавшие значительные классификационные и квалификационные трудности, находят себе место в системе вертикальных и горизонтальных синтаксических связей как особая конструкция - свободное уточнение. Свободное уточнение связано с уточнением в системе горизонтальных связей, но оно не относится ни к вертикальным, ни к горизонтальным зависимостям, а расположено между ними.

ОБОРОТ "ДАТЕЛЬНЫЙ С ИНФИНИТИВОМ"
В СОСТАВЕ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Древнеславянский инфинитив представлял собой глагольную форму, находящуюся вне системы наклонений, лишённую показателей времени, лица, числа, рода. В парадигме глагола инфинитив занимал особое место: это была наименее охарактеризованная, наименее определённая форма. Но, перефразируя известное выражение, можно сказать, что продолжением "недостатков" инфинитива было его "достоинство" — широкий диапазон возможностей употребления. "Неопределённое наклонение есть глагол, но без личных окончаний и поэтому в силу своей неопределённости годный для всякого лица", — отмечал А. А. Потебня¹. Мысль А. А. Потебни можно продолжить: инфинитив есть глагол, но без признаков принадлежности к тому или иному наклонению и времени, поэтому он может быть привлечён к обозначению как ирреальных, так и реальных действий в любом временном плане. Отсутствие в форме инфинитива показателей числа создаёт условия для употребления его применительно к любому количеству действующих лиц и т.п. Все эти возможности древнеславянский язык так или иначе использовал.

Конечно, контекст всегда в какой-то степени компенсировал недостаток информации, поступающий со стороны глагольного слова. Так, указание на количество лиц, совершающих названное инфинитивом действие, на их пол, роль в речевой ситуации (говорящий-собеседник — неучастник коммуникативного акта) обычно — за исключением тех случаев, когда специально преследовалась цель устранить представление о действующем лице — осуществлялось с помощью субстантива в форме дательного падежа. Например:

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. I-II, М., 1958, с. 342.

и распоръши ѿ обръте утръ въ неи камыѣ зѣло чюдѣнь. яко женѣ почудити сѧ ему (Син., IBI об.)². 'Удивилась драгоценному камню, найденному в рыбе, женщина, чистившая ее', — на субъект обозначенного инфинитивом действия указывает дательный падеж 'женѣ'.

Подобное указание могло осуществляться и с помощью других падежей, но дательный среди них не имел себе конкурентов. Употребление при инфинитиве субъектного показателя в форме дательного падежа было для древнеславянского языка устойчивой нормой:

молиша его прѣбыти отроковици у него ѿ дѣи (Супр., 520); и ударивъшу канонарху в бѣло. егда всѣмъ братии събѣрати сѧ (Син., 8); и абие сътвори прослышати глухууму (Супр., 552) и т.п.

Дательный падеж играл в составе возглавляемой инфинитивом конструкции роль, аналогичную роли подлежащего двусоставного предложения. Все инфинитивные обороты, имеющие дательный падеж субъекта, независимо от разнообразных обстоятельств их функционирования, обозначим вынесенным в заглавие статьи названием "дательный с инфинитивом".

Задачей настоящей работы является анализ полипредикативных структур, одним из компонентов которых является "дательный с инфинитивом". Полипредикативными мы называем сложные синтаксические конструкции, содержание составных частей которых прямо (формой финитного глагола) или косвенно охарактеризовано по линии модальности, синтаксического времени и лица.

Яркой чертой древнеславянского синтаксиса является наличие в составе многих полипредикативных предложений нескольких разных по силе очагов предикативности³. Такие предложения обра-

² Статья написана на материале памятников: Синайский патерик (Наука, М., 1967) и Супрасльская рукопись (Петербург, 1904).

³ Подробно см. об этом в нашей статье Причастный оборот как предикативный компонент древнеславянского предложения. — В кн.: Сложное предложение в языках разных систем, Новосибирск, 1977, с. 99-113.

зованы сочетанием неравноценных с точки зрения завершенности и самостоятельности предикативных линий. Ядром сложного целого служит предикативная единица, формируемая финитным глаголом и передающая с его помощью все значения предикативного комплекса (далее ПЕ). Она окружена притягиваемыми ею и находящимися от нее в зависимости ограниченно-предикативными единицами (ОПЕ), возглавляемыми неличными глагольными формами (причастием, инфинитивом, супином). Это единицы низшего ранга, с "недовыраженной" предикативностью. Неопределенность какой-то части значений предикативного комплекса в пределах ОПЕ обусловлена грамматической спецификой формирующих данные единицы глагольных слов (отсутствие показателей наклонения, лица и др.). К числу ограниченно-предикативных относятся и синтаксические единицы, структурной основой которых служит сочетание инфинитива с дательным падежом субъекта.

Тяготая к ПЕ с завершенной предикативной характеристикой, ограниченно-предикативные группы стремятся при опоре на ее лексико-грамматический состав восполнить свою предикативную недостаточность. Здесь снова уместно вспомнить замечание А. А. Потебни: "Неопределенное наклонение... бывает только второстепенным сказуемым, получающим модальные и личные оттенки лишь от слова, при коем стоит или по крайней мере не без его помощи"⁴. Так возникает тесная связь компонентов полипредикативного целого.

Инфинитивные ОПЕ имеют много общего с причастиями. А. А. Потебня, объединяя причастие и инфинитив по присущей обоим функции "служить второстепенным, зависимым сказуемым", отмечал большую глагольность инфинитива по сравнению с причастием, большую предикативную силу инфинитивных оборотов. Возможности же инфинитива в передаче модально-временных значений формируемой им ограниченно-предикативной группы значительно меньше, чем возможности причастия. Инфинитив не способен использовать для предикативной характеристики ОПЕ те или иные морфологические показатели.

⁴ П о т е б н я А. А. Указ. соч., с. 390.

Следствием морфологической специфики "неопределенного наклонения" является то, что в выражении модально-временных значений инфинитивной ОПЕ первостепенную роль приобретают факторы лексико-семантического характера.

Чаще всего указание на реальность/ирреальность обозначенного инфинитивом действия содержится в семантике глагола предикативной единицы, притягивающей инфинитивный оборот или включающий его в свой состав на правах сложного члена (далее "ПЕ-основа"). Например:

живѣхъ ти въ градѣ надѣхъ сѣ зъло нѣчто пригати отъ него сѣхъ тиимъ ту крѣстьяномъ (Супр., 211).

Действие инфинитивной группы рисуется здесь как потенциальное. В экспликации комплекса значений "ирреальность + синт. будущее время" главная роль принадлежит глаголу ПЕ-основы надѣхъ сѣ, семантика которого (ожидание, уверенность в предстоящем осуществлении чего-то) с полной определенностью указывает на модально-временные свойства инфинитивной ОПЕ. Другой пример:

видѣхъ бо уже къ тому не мошти тѣлу его трѣпети мѣхъ (Супр., 111).

Действие оборота "дательный с инфинитивом" представлено как реальное, происходящее в тот же момент, что и действие ПЕ-основы. Свидетельство реальности происходящего — глагол очевидцев. В передаче значений "реальность + синт. наст. время" участвует своей семантикой ('воспринимать зрением') глагол видѣхъ.

Сигнализировать о потенциальности содержания зависимой инфинитивной группы могут слова и словосочетания ПЕ-основы со значением 'верить', 'ожидать', 'намереваться', 'опасаться', 'обещать', 'клясться', 'предпочитать', 'позволять', 'условиться' и т.п. Например:

вѣровасте ли быти въскрѣсению мрътвыхъ (Супр., 107); съвѣщавъшю се сътворити члнѣ (Син., 129 об.): иулияни сестра твоя обѣшта сѣ пожрѣти богомъ и быти еи женѣ ми и госпожди цѣсарьству моему (Супр., 2) и т.п.

Модально-временные качества потенциальности придают инфинитивной ОПЕ глаголы, содержащие в своей семантике элемент адре-

сованного волеизъявления. Побуждать кого-то к действию - значит желать осуществления этого действия, верить в его возможность. Примеры:

и заповѣди пусти, якоже не исповѣдаѣхъ твоему оца и сына и стааго дха зълѣ- злѣу жизнь погубити и дому его въ разграбѣ- ение быти (Супр., 539): и въспрѣти нечистуому тому дху, якоже очисти въсѣмъ показати сѧ ему (Там же, 36).

В приведенных и многих аналогичных предложениях глагол ПЕ-основы как бы "излучает" на инфинитивную группу модально-временные свойства потенциальности. Но характерно, что инфинитив далеко не всегда является лишь зеркалом, пассивно отражающим это "излучение". Материал анализируемых памятников свидетельствует о том, что древнеславянский инфинитив сам по себе испытывает заметное тяготение к зоне потенциальности. Он обнаруживает стремление передавать указанный комплекс модально-временных значений самостоятельно, без помощи финитного глагола. С этой целью инфинитив привлекает к участию в модально-временной характеристике возглавляемой им группы категорию, которая в других синтаксических ситуациях выступает как предикативно нейтральная, - формирующуюся категорию глагольного вида. Значения потенциальности особенно заметны в ОПЕ с инфинитивом, являющимся (или имеющим основания в будущем стать) глаголом совершенного вида. Например:

яко си сѣхъ винѣни погубѣхъ насъ (Син., 120 об.) 'Это они виноваты, что нам предстоит погибнуть'.

Сказуемое ПЕ-основы (сѣхъ винѣни) к оценке содержания инфинитивной группы как возможного в будущем непрячливо, тем не менее значение потенциальности звучит здесь вполне отчетливо. Аналогичная картина в следующих фрагментах:

помысли же колику емъ мзѣдъ въздати (Син., 150): мнѣбъ ли еси страха убояти сѧ насъ (Супр., 176) и т.п.

Сказуемое ПЕ-основы, требующее от зависимой ограниченно-предикативной группы значения потенциальности, и возглавляющий данную группу инфинитив часто находятся в отношениях "се-

мантического согласования". Это мы видим, например, в таком отрывке:

мнози же моляхъ и прити ему въ дома ихъ (Супр., 531), где императивный глагол моляхъ и инфинитив совершенного вида прити взаимно поддерживают друг друга в характеристике содержания инфинитивной группы как потенциального. Для сравнения используем пример с той же словоформой моляхъ, но с инфинитивом несовершенного вида:

моляхъ о спасении ихъ молити сѧ ему (Супр., 531).

Здесь задача модально-временной оценки содержания ограниченно-предикативной группы полностью возложена на сказуемое ПЕ-основы. В следующем предложении мы вновь наблюдаем "сотрудничество" ПЕ и ОПЕ в передаче комплекса потенциальности:

молитъ к нему сътвори прѣхъту быти отъ него (Супр., 547).

Особенностью последнего примера является то, что к совершенному виду принадлежит не инфинитив, выступающий в роли связки, а причастное причастие. Аналогичный пример:

и от того въбравъ не быти ему приемышту нарѣганъ или зѣлобы (Супр., 563).

Для иллюстрации месли об особой роли категории вида инфинитива в предикативной характеристике ОПЕ сопоставим еще два предложения, в которых ядром ПЕ-основы является глагол речи:

старъ же рече не мощи ему трѣхъти труда постынаго (Син., 63): сеи смокви мнози сказатели рѣша о жидовѣхъ съборѣ приложенъ быти (Супр., 346).

Verba dicendi не принадлежат к тем словам, которые способны однозначно указывать на потенциальность последующего сообщения: говорить можно как о мыслимых, так и о реальных фактах прошлого и настоящего. Однако модально-временная характеристика инфинитивных ОПЕ вполне определена: реальность + синт. наст. время в первом примере, с глаголом мощи несовершенного вида ('Старец сказал, что он не может терпеть...'); потенциальность

(с оттенком долженствования) во втором, где присвяточный член – причастие префиксального перфективного глагола (Многие толкователи говорили, что под этой смоковницей следует подразумевать...).

Проявлением зависимости инфинитивной ОПЕ от ПЕ-основы служит относительность модально-временной характеристики: содержание инфинитивной группы оценивается как реальное/ирреальное с точки зрения того момента, который обозначен формой финитного глагола; этот же момент выступает как временный ориентир при отнесении обозначенного инфинитивом действия к плану настоящего, прошлого или будущего. Соотнесение называемого инфинитивом факта с моментом речи осуществляется опосредствованно (через финитный глагол) и далеко не всегда. Относительность модально-временной характеристики содержания ОПЕ особенно отчетливо обнаруживается в инфинитивных оборотах, сообщающих о потенциальных событиях.

Спутником потенциальности весьма часто является оптативность. "Процесс в прошлом – это факт, о котором говорят объективно, процесса в будущем ждут, на него надеются или его опасаются, невозможно говорить о будущем, не внося в свою очередь определенного оттенка аффективности", – полагал А. Мейе⁵. Изъявляя желание, чтобы то или иное действие осуществилось, побуждая к этому другое лицо, оценивая некоторое явление как необходимое, должствующее, соответствующее или несоответствующее определенным этическим представлениям, человек относится к называемому инфинитивом действию как к возможному в последующий момент.

Элемент оптативности всегда присутствует в предложениях с целевым инфинитивом. Цель – это стимулирующая причина: одно действие предпринимается ради осуществления другого, желаемого, ожидаемого:

радужште же сА и вѣры испльнени. пометаахъ сами сА
прѣдъ нимъ. якоже настѣпати ему на нА. надѣжште сА яко из-
лѣкование отъ плесну его подасть сА тѣлесемъ ихъ (Супр.,
556).

⁵ Цит. по книге: К о с с е р и у Э. Синхрония, диахрония и история. Новое в лингвистике, вып. III, М., 1963, с. 258.

Модально-временная характеристика инфинитивного оборота в приведенном примере представлена комплексом "возможность + синт. будущее время – относительно действия, названного финитным глаголом" (...бросались перед ним на землю, чтобы он наступал на них...). Семантика глагола господствующей части, а также его форма в данном случае несущественны – важны именно логико-смысловые (целевые) взаимоотношения частей полипредикативного целого. Еще пример:

иже ваю варивъ сътворитъ ми хъзинъ сѣсти ми въ неи то
бѣдетъ ми житие дожи и до исхода душа моеА (Супр., 204)
'Кто из вас первым построит мне хижину, чтобы я поселил-
ся...'

Не имея специальных показателей наклонения, инфинитив может быть использован и для обозначения реальных фактов. В передаче комплексов "реальность + синт. наст. время" и "реальность + синт. прош. время" инфинитивной группе также оказывает помощь своей семантикой и формой глагол-сказуемое ПЕ-основы. На то, что передаваемый инфинитивным оборотом факт имел место в реальной действительности, указывают, например, такие слова и выражения, как прилучи сА, приключи сА, обычаи есть и т.п. Например:

прилучи же сА нѣ по комъ дѣтѣ умерети брату (Син, 36 об.);
аште сА сълучааше не имѣти ему ничьсоже дати ему (Супр., 207);
яко же е обычаи дѣлательемъ огражати нивы своА. тѣрновъная дрѣ-
ва садА ще (Син., 126 об.).

Сказуемое приключи сА, прилучи сА, сълучи сА, характеризующие содержание инфинитивного оборота как случайно или неожиданно происшедшее, отмечены в анализируемых памятниках лишь в формах аориста и имперфекта. Инфинитивной ОПЕ свойственно значение синт. прошедшего времени по отношению к моменту речи. "Возможно, что прошедшее значение неопределенного наклонения есть только ответ прошедшего времени в главном сказуемом", – справедливо замечал по аналогичному поводу А. А. Потебня⁶.

⁶ П о т е б н я А. А. Указ. соч., с. 421.

Таким же "ответом" является синтаксическое время инфинитивной группы в предложениях со словами обычай есть /бѣ/, характеризующими содержание ОПЕ как обычно совершающееся (совершавшееся) действие, как постоянно или длительно проявляющийся признак предмета. Временные формы есть/бѣ относят содержание предложения в целом, в том числе и инфинитивной группы, в которой заключена наиболее существенная часть этого содержания, к плану настоящего или прошлого. Например:

се бо обычай есть skutanomъ ходити на села и жати (Син., 128); (и прѣдастъ и въ тѣмъницѣ иде же бѣ обычай съгрѣшати жстемъ клирикомъ затварямъ быти и стрѣгомъ (там же, 188).

Небезынтересно отметить, что в инфинитивной части предложений с обычай есть зафиксированы лишь глаголы и причастия несовершенного вида.

Распространение на ограниченно-предикативную единицу модальных и временных значений ПЕ-основы вообще очень характерно для инфинитивных оборотов. Наиболее яркими примерами являются предложения с глаголом сътворити. В наших материалах данный глагол представлен разными формами времени и наклонения, и значения этих форм каждый раз повторяются в инфинитивной ОПЕ:

и сътворивъ ему томъ же часѣ проглаголати (Супр., 553)
'И сделал так, что он тотчас заговорил': се бо съплетае умы наша и творить тѣлеси одному быти всемъ (там же, 423)
'...и делает всех как единое существо': и познати ма сътвори таинъ твоѣ (там же, 31): '...сделай так, чтобы я познал твою тайну'.

В модально-временную зону реальности, обозначенную с помощью финитного глагола, включаются инфинитивные обороты со значением причины и следствия:

воды же у нею бѣхъма не бѣаше. нѣ отъ рѣки ефрата ношаас-та. сѣшту отъ нею въ дала пати или четири пѣпъришть. едноѣ на многы дѣни. яко не всегда има того трѣбовати (Супр., 548) и абие бысть трѣсѣ и звонѣ. якоже въскочити ведѣ жстимъ его отъ страха (там же, 18).

Следственный оборот с яко, выступая как заключение, вывод при повествовании о каких-то событиях, обычно характеризует-ся модально-временными значениями в комбинации "реальность + синт. прошедшее время". Этот комплекс значений инфинитивный оборот приобретает на фоне контекста, в результате своих смысловых отношений с ним. Например:

и тако бѣ красна. яко не можи прозвутеру наги еа мазати стнимъ масломъ (Син., 4 об.).

Для инфинитивных оборотов со значением следствия характерна значительная степень самостоятельности. По смыслу эти обороты могут быть связаны не с одной ПЕ, а с целой группой их, с довольно широким контекстом. Например, факты, о которых сообщается в инфинитивном обороте:

яко въсѣмъ чюдити сѣ видѣимъ. и до часѣ многѣ въпити ги помилу. и славити ба творящего чюдеса (Син., 114 об.),

представлены как следствие некоего чудесного явления, рассказу о котором посвящена целая новелла.

В подобных случаях правомерно говорить не о проекции на ОПЕ модально-временной характеристики определенной ПЕ-основы, а о влиянии всего окружающего контекста, носящего повествовательный характер. Отсутствие обязательной "привязанности" к конкретной ПЕ-основе придает следственному обороту с яко максимальную степень самостоятельности. Функционируя в тексте, данный оборот приближается к ПЕ, но все же остается ограниченно-предикативной единицей, ибо его модально-временные качества и само существование предопределены контекстом. В изолированном употреблении, вне контекста (например, как независимая реплика диалога) такой оборот невозможен.

Из предыдущего изложения видно, какими многообразными способами стремится инфинитивный оборот поддержать свою предикативность. В некоторых случаях играет роль лексический состав самого инфинитивного оборота. Так, сочетание в пределах ОПЕ глагола быти с локализирующими наличие чего-то обстоятельствами места и времени указывает на реальность содержания оборота:

потомъ увѣдѣша нѣкоему отъшл'цу быти на мѣстѣ томъ (Супр., 519); марку еуаггелисту глаголюшту зимѣ быти въ то врѣмя (там же, 345).

Местоимения и наречия корня съ, указывая на предметы в непосредственной близости к говорящему, тоже способны свидетельствовать о том, что какие-то события происходили в его присутствии, а значит реально, на самом деле:

и абие разумѣхъ сему быти стѣи влѣщи нашей и приснодѣи мариин врагу (Син., 32 об.).

По линии синтаксического лица оборот "дательный с инфинитивом" характеризуется самостоятельностью и независимостью от ПЕ-основы. Лексико-грамматические свойства слов, выступающих в качестве субъектного показателя при инфинитиве, имеют возможность охарактеризовать действующее лицо (или предмет-носитель признака) по его месту в речевой ситуации: Личные местоимения указывают на говорящего и собеседника или включающую их группу лиц, прочие местоимения, существительное и все его эквиваленты — на неучастника речевой ситуации. Например:

старьць же абие видѣвъ и прѣже мѣне что глаголати рече единомъ (Син., 97): нарече та гѣ патриарху быти и быти ти прѣмьнику и намѣстнику вѣховнааго апостола петра (Супр., 122): и ту абие небогу трепетати сътвори (Супр., 389): убогъ же нѣки тѣгда пришедъ въ монастырь плача и рыдаа глаголаше длѣзника имѣти близъ не мошти же ему чимъ искупити (Супр., 551).

Между инфинитивом и дательным падежом субъекта, составляющими структурную основу ОПЕ, имеют место предикативные отношения, существующие имплицитно, если "сказуемое" ОПЕ простое, и выраженное эксплицитно, если это сказуемое составное именное: при связочные члены этого сказуемого, координируя свои формы с формой субъектного показателя, также выступают в дательном падеже. Например:

чаиште ему живу быти (Супр., 80): раждегоша сковрадѣ .якоже быти еи подобнѣ огню (там же, 157): старьць же мучимъ глаше иному быти съ нимъ обѣщанику разбоѣ (Син., 47): исповѣдъ ма прѣдъ нимъ быти ми рабу твоemu (Супр., 103), прилучи са по томъ въ Азю вѣласти ему, и осыпати са осыпани .и слѣпу быти дѣвѣ лѣтѣ и полѣ (Син., 166).

Эти и подобные им примеры очень показательны. Они свидетельствуют о том, что отношения между инфинитивом и дательным падежом субъекта принципиально не отличаются от предикативных отношений, существующих между подлежащим и сказуемым ПЕ. Отсутствие внешнего выражения этих отношений связано лишь с грамматическими свойствами инфинитива. При наличии соответствующих условий (присутствие в составе сказуемого других слов, имеющих формоизменение) согласование между подлежащим и сказуемым ОПЕ имеет место.

Субъектный показатель, принимающий участие в выражении синт. лица инфинитивной ОПЕ, может быть или общим членом инфинитивного оборота и ПЕ-основы, или собственной принадлежностью ОПЕ. К числу инфинитивных единиц, обладающих собственным субъектным показателем, относятся ОПЕ с различными обстоятельственными значениями, в том числе следственный оборот с яко, инфинитивно-дательные группы, употребляющиеся в изъяснительной функции при глаголах *dic.*, *cogn.* и некоторые другие. Например:

повѣдавши коньстатину цѣсарю такоже вѣровати (Супр., 189), абие же отроку съ многомъ уныниемъ по обычаю сътвори ти ему службѣ .гла ему (Син., 153): вѣстрасе са и огнь великъ нача жести и .якоже съпадѣшу ему съ коня умирати (Супр., 221).

В приведенных примерах называющее субъект действия существительное-местоимение выступает в роли "подлежащего" инфинитивного оборота. Эта функция является для данного слова единственной. Оно не имеет непосредственных синтаксических связей с личным глаголом ПЕ, и, следовательно, дательный падеж его не определен валентностью глагола, а является самостоятельным. Независимым в синтаксическом отношении выступает и инфинитив. Предикативные отношения между инфинитивом и его субъектным показателем существуют в сфере не второстепенных, а главных членов синтаксической единицы, но реализованы эти отношения в косвенном (дательном) падеже.

Некоторые предложения из числа описываемых нами структур характеризуются опущением дательного падежа субъекта. Это может быть в двух случаях: 1) неупотребление субъектного показателя сигнализирует об обобщенно(неопределенно)-личном значении;

2) отсутствие датива – знак структурной неполноты ОПЕ. Примеры:
пишеть бо са отъдати кесарево кесареви и божие богу (Супр., 106).

Субъект потенциального действия, обозначенного инфинитивом, – любое лицо. И автор высказывания, и собеседник, и неопределенное множество людей, находящихся за пределами данной речевой ситуации, призываются осуществить это действие. Пример другого типа:

поврже себе прѣдъ ногама рабъ бжии мола его купно же и
илны са не вьстати прѣжде отъ земѣ аште прѣжде не обьштаатъ
са прѣдъпоставьенныхъ вькусити (Супр., 524).

В данном предложении в составе инфинитивного оборота имеется незанятое место субъектного показателя (не вьстати ему отъ земѣ).

Стремление к экономии языковых средств, к сокращению усилий при коммуникации – черта, характерная для речевой деятельности любого говорящего коллектива. В древнеславянском языке это стремление находит свое выражение, в частности, в широком использовании неподных предложений, особенно предложений без лексически выраженного подлежащего. Субъектный показатель отсутствует при любой возможности обойтись без него. Так, нормой для древнеславянского предложения является неупотребление личных местоимений при глагольных формах, однозначно указывающих на говорящего и собеседника. При verb. fin. 3 лица названия действующих и других лиц, причастных к сообщаемому факту, обычно не повторяются, если они упомянуты в предшествующем контексте, и отсутствие повторного указания не препятствует правильному пониманию сообщения. Например, среди монопредикативных предложений Синайского патерика, возглавляемых глагольными формами 3 лица, 45% составляют неполные предложения с опущенным подлежащим. В составе полипредикативных конструкций удельный вес бесподлежащих предикативных компонентов значительно повышается, так как увеличиваются возможности указания на субъект действия, не прибегая к его словесному обозначению.

Реализацию этих возможностей мы можем наблюдать в предложениях с инфинитивными оборотами в роли одного из предикативных компонентов. Например:

и съгрѣшшии гѹ просимъ проститиъ вами вьзати.прочихъ
дѣтъ въ устрои и въ говѣнии и въ страѣ укрѣпленомъ быти
(Супр., 67); се бо имѣаше лъстивыи на умѣ .да тѣчѣжъ вькусатъ
отъ бращна ему и обьштинномъ быти вѣрѣ (там же, 58); и
по мнозѣ дѣтѣ прѣглаголавъ его быти крѣстьяну крѣсти сего
(Син., 143 об.).

В первых двух предложениях отсутствие дательного падежа субъекта связано с тем, что в предшествующих инфинитивному обороту предикативных частях действующее лицо обозначено с помощью глагольной формы (просимъ, да вькусатъ), в третьем опущение субъектного показателя при инфинитиве обусловлено тем, что в ближайшем контексте присутствует соответствующее слово, занимающее позицию дополнения (его). Однако во всех трех предложениях перед нами оборот "дательный с инфинитивом": место падежной формы субъекта наличествует при инфинитиве, несомненным доказательством чему служит дательный падеж присвязочного члена (крѣстьяну).

Если в составе ПЕ-основы и инфинитивной ОПЕ имеются разные синтаксические позиции для названия одного и того же лица-предмета, возможны три следующих варианта реализации стремления к экономии языковых средств:

1) в инфинитивном обороте субъектный показатель наличествует; в ПЕ-основе один из компонентов его состава (обычно дополнение, реже – подлежащее, несогласованное определение) опускается:

прѣбывати ему съ собою моляше (Супр., 527).

Ср. "реконструированный" состав предложения:

моляше его съ собою ему прѣбывати.

2) В инфинитивном обороте субъектный показатель опускается, в ПЕ-основе соответствующий компонент присутствует:

новорожденна жидовьски дѣти аки трѣбѣ уванѣти сътвори
(Супр., 389).

О наличии в составе инфинитивной ОПЕ незамещенной синтаксической позиции "подлежащего" свидетельствует дательный падеж сравнительного оборота "аки трѣбѣ":

уванѣти имѣ аки трѣбѣ.

3) Если финитный глагол ПЕ-основы управляет дательным падежом дополнения, наблюдается совмещение членов ПЕ и ОПЕ в одной словоформе, наложение их друг на друга, появление у двух синтаксических единиц общего члена с неодинаковыми функциями и разнотипными (субординативная-предикативная) синтаксическими связями. Данное явление особенно характерно для предложений с финитными глаголами императивной семантики:

заповѣдахъ ему. никому же обѣды не сътворити. нѣ приходится по всѣмъ дѣни (Син., II3).

Местоимение ему в составе этого предложения является своеобразной "лигатурой" ⁷ или, используя термин, введенный в современный синтаксический обиход Л. Д. Чесноковой, "дуплексивом" ⁸. С одной стороны, это дополнение ПЕ-основы, присутствие которого определено валентными потребностями глагола; с другой — это "подлежащее" инфинитивного оборота, субъектный показатель при инфинитиве.

Двойственность функций датива в примерах, подобных приведенному, не сразу бросается в глаза. Отношения данного члена с финитным глаголом, основанные на сильном управлении, т.е. выраженные формально, являются более наглядными, чем связи его с инфинитивом. Однако дательный падеж присвязочных членов в тех немногочисленных, но очень показательных примерах, где инфинитив играет роль связки, с полной очевидностью свидетельствует о наличии у "дуплексива" предикативных отношений со сказуемым ОПЕ:

шѣдъ же братъ повелѣ ми взнѣти и цѣловати старца и бл҃госну быти отъ него (Син., 96 об.); благѣ сы и своимъ благомъ велитъ быти (Супр., 34).

Тенденция инфинитивного сказуемого иметь при себе подлежащее в форме дательного падежа выступает в древнеславянском языке

⁷ Wierzbicka Anna, Славянский *dativus cum infinitivo* International journal of slavic linguistics and poetics, 1966, X.

⁸ Чеснокова Л. Д. Семантические типы предложения с двойными отношениями. Ростов-на-Дону, 1973.

ке очень явственно. Об особой роли дательного падежа в структуре инфинитивных ОПЕ говорит сравнение оборотов "дательный с инфинитивом" и "accus. cum infinit". Последний явно уступает первому количественно (примеры *acc. cum inf.* в Син. пат. и Супр. рук. единичны). Отчетливо ощущается нетипичность оборота *accus. cum inf.* для древнеславянской синтаксической системы, его заимствованный характер ⁹:

еуга же прѣстѣпити аѣма сътвориѣ (Супр., 482); онъ же глаше себе грѣшна и недостойна быти таковому начатку (Син., 38).

Особенно интересны примеры, при оформлении которых переводчик начинает построение инфинитивного оборота по модели "*accus. cum infin.*", но затем переходит к более привычному для него "дательному с инфинитивом":

азъ же разумѣхъ жену владычицы нашеи быти стѣи бѣи (Син., 32); а хс̃ вамъ его же глаголете вы крѣстьяни быти богу небусьскууму не отъ жены ли роди са (Супр., 81).

Если к оборотам с дательным падежом субъектного показателя при инфинитиве прибавить широко распространенный в памятниках славянской письменности причастный оборот "дательный самостоятельный", можно сделать вывод о типичности для древнеславянского языка случаев решения предикативных отношений между главными членами ограниченно-предикативной единицы в плоскости дательного падежа.

⁹ Ружичка Р. О понятии "заимствованный синтаксис" в свете теории трансформационной грамматики. "Вопросы языкознания", 1966, № 4; Бирбаум Г. Общеславянское наследие и иноязычные образцы в структурных разновидностях старославянского предложения. — American Contributions to the sixth International Congress of Slavists. Mouton-Naag, 1968.

И. В. Бондаренко

О ТИПАХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ИНФИНИТИВОМ В ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТА ЗАВИСИМОЙ ЧАСТИ

Объектом нашего исследования являются различные типы полипредикативных конструкций с инфинитивом в качестве вершины зависимой части. Такие конструкции стали привлекать внимание лингвистов сравнительно недавно. Первые работы на эту тему появились в начале 60-х годов ¹.

Однако предметом всестороннего изучения они еще не стали. Во всех современных грамматиках эти полипредикативные конструкции рассматриваются в ряду других сложных конструкций, где функцию предиката выполняют финитные формы. Тем самым специфика конструкций с инфинитивом в грамматиках не фиксируется или отмечается не достаточно полно.

В специальных работах рассматриваются различные типы инфинитивных предложений, которые могут выступать в качестве придаточной части. Так обстоит дело в работах Л. Е. Юрасовой ² и др. ³ В результате такого подхода оказывается, что инфинитив может быть вершиной зависимой части любого типа конструкций:

¹ К а р п е н о к Н. М. Особые случаи употребления союза **чтобы** в сложном предложении. - В кн.: Уч. зап. Лиепайского ГПИ, вып. 4, Рига, 1960; С л е п ц о в а А. М. Инфинитивные конструкции с изъяснительными союзами в русском литературном языке. Канд. дисс., Воронеж, 1967.

² Ю р а с о в а Л. Е. Употребление и синонимика инфинитивных предложений в составе сложноподчиненного предложения. Канд. дисс., Куйбышев, 1971.

³ С т р а х о в В. Б. Синтаксические функции инфинитива в древнерусском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1947.

определительных, например:

За четыре месяца Василий успел привыкнуть к тем темпам, без которых тут не обойтись. (Крутилин),

изъяснительных:

Невдалеке от станции горцы, видя, что им не уйти, бросились в соседний лес. (Катаев),

целевых и др.

Однако, на наш взгляд, между определительными, изъяснительными, с одной стороны, и целевыми - с другой, имеется существенное различие. Оно состоит в том, что в первом случае зависимая предикативная единица, освобожденная от союза, может употребляться самостоятельно, а во втором - может выступать только в составе полипредикативной единицы. Такое самостоятельное предложение будет инфинитивным, в котором инфинитив является независимым, а во втором случае он является зависимым.

Последовательное разграничение конструкций с зависимым и независимым инфинитивом впервые было проведено А. В. Митрофаненковой ⁴, она предложила называть их "специфическими предикативными единицами" и "вовлеченными предикативными единицами". В её работе дается и критерий разграничения этих предложений, который состоит в том, что предикативная единица с независимым инфинитивом строится по схеме инфинитивного предложения:

Я знал, что мне не полусить этот документ. (Иванов).

- Мне не получить этот документ,

а конструкции с зависимым инфинитивом имеют специфические схемы, отличные от схем простого инфинитивного предложения.

Последовательно проводя такое деление, А. В. Митрофаненкова пришла к выводу о том, что зависимый инфинитив может

⁴ М и т р о ф а н е н к о в а А. В. Предикативные единицы инфинитивного типа в составе сложноподчиненного предложения. - В кн.: Синтаксис простого и сложного предложения. Лекции. М., МГУ, 1973.

быть сказуемым зависимой части не во всех типах сложных конструкций. Основные типы таких предложений, по ее мнению, следующие: целевые, временные с союзами предшествования и условные.

Основная задача нашего исследования состояла в том, чтобы выявить по возможности полный круг конструкций, зависимая часть которых представляет собой специфическую предикативную единицу.

Мы исходили из представления о том, что такие полипредикативные единицы представляют собой особый класс конструкций, отличающихся от классических сложных предложений с двумя финитными формами предикатов основными грамматическими категориями (модальность, время, лицо). В грамматиках, как правило, говорится о специфике таких конструкций только в области синтаксической категории лица⁵. На наш взгляд, они имеют яркую специфику и в области синтаксической модальности и времени. Частично эта специфика показана в работе А. В. Митрофаненковой⁶. По поводу синтаксического лица было установлено, что в таких конструкциях действие зависимой части, как правило, относится к тому же субъекту, что и действие главной: "Конструкция с инфинитивом употребляется, когда действие главного и придаточного принадлежат одному лицу, конкретному или обобщенному"⁷. Такие конструкции мы будем называть моносубъектными⁸.

Однако насколько типична моносубъектность для разных типов таких предложений — об этом в специальной литературе данных мы не нашли.

Поэтому второй задачей нашего исследования было определить число моно- и разнотелных реализаций для каждого типа конструкций, показать специфику их модальных значений и временной отнесенности.

⁵ Грамматика русского литературного языка АН СССР, т. II, ч. II, 1960, с. 376-377; Розенталь Д. Э. Синтаксис русского языка. Ч. 2, изд. 2, ВШ., М., 1976, с. 170.

⁶ Митрофаненкова А. В. Указ. соч.

⁷ Гвоздев А. Н. Синтаксис русского литературного языка, ч. II, М., Просвещение, 1973, с. 277.

⁸ Этот термин предложен М. И. Черемисиной в ее докладе на конференции "Проблема связи в сложном предложении в языках разных систем" (ВЯ, № 2, 1979, с. 155).

Материал исследования составил 2 тыс. фраз, извлеченных из произведений русской и советской литературы, а также научно-популярной литературы и публицистики.

Исследование показало, что инфинитив может быть зависимым предикатом следующих типов конструкций:

1. Это целевые предложения, занимающие основную долю в выборке (II40 фраз). Сюда мы относим собственно целевые предложения и такие, в которых целевое значение совмещается со значением причины, условия, следствия или уступки.

По поводу модальных значений и временной отнесенности действия зависимой части в таких конструкциях в литературе нет разногласий.

Зависимая часть обозначает действие не реальное, а потенциальное (типотетическое), т.е. такое, которое еще не произошло, а только может или не может произойти. Временная последовательность главного и зависимого действия такова, что действие придаточного мыслится как следующее за действием главного. Тем самым момент времени его определяется относительно момента совершения главного действия. Такое время принято называть относительным.

2. Во временных конструкциях с союзами предшествования отношения действий таковы, что действие придаточного следует за действием главного (за точку отсчета принимается время действия главной части). Это общее значение, которое выражается во фразах с союзами предшествования, сказуемым зависимой части которых является как инфинитив, так и финитная форма. Например:

Прежде чем поставить двойку (прежде чем поставишь двойку), трижды задумайся. (Грекова).

Различие между предложением с финитной формой сказуемого и инфинитивом состоит в том, что в предложении с формой прошедшего времени индикатива сначала совершилось действие главного предложения, а за ним последовало действие придаточного. Предложения с инфинитивом оставляют не выраженными, совершилось ли действие придаточного. Сравним два предложения:

Прежде чем взять трубку, я посмотрел на Регину. (Вайнер).
Прежде чем взял трубку, я посмотрел на Регину.

Для первой фразы не исключена ситуация, при которой действие придаточного окажется не реализованным (трубку взяла Регина). Для фразы с финитной формой такая ситуация невозможна, — финитная форма обозначает реальное действие, а инфинитив — потенциальное, т.е. такое, которое только может реализоваться, но во фразе нет указаний на то, совершилось действие или нет. Потенциальный характер инфинитивного действия явно ощутим в следующих предложениях:

Перед тем как выпить по второй, Васильев заметил у себя в водке кусочек пробки, поднес рюмку к глазам, долго глядел в нее и близоруко хмурился. (Чехов).

Он свернул самокрутку и, прежде чем заклеить, на секунду остановился. (Симонов).

3. В предложениях с союзом "вместо того чтобы" между действием главной и зависимой части устанавливаются отношения взаимоисключающего выбора: главному действию сопоставляется другое, причем, если одно из них происходит, то другое тем самым не происходит и не может произойти, если одно действие является реальным, то другое обязательно будет ирреальным. Синтаксический смысл этой конструкции состоит в том, что реально протекающее событие представляется говорящему не желательным, ему предпочитается другое событие, которое соответственно является нереальным:

Вместо того чтобы за мужем да за дитем малым ухаживать, они сядут и книжечки почтывают. (Крутилин).

Ирреальным в таких конструкциях может быть как действие главной, так и зависимой части, — это зависит от формы сказуемого главной части. Если оно выражено глаголом в форме индикатива, то действие главной предикативной единицы является реальным, а зависимой — ирреальным (пример выше). А если сказуемое главной части — глагол в форме повелительного или сослагательного наклонения, то действие главной окажется не реальным:

Лучше бы он попросил эти деньги, вместо того чтобы красть. (Дубов).

Что касается временной характеристики зависимого действия, то, так как оба действия находятся в отношениях взаимоисключаю-

щего выбора, то они не могут мыслиться иначе, чем одновременные: в то время, как происходит одно действие, не происходит другое.

К данным конструкциям близки построения с союзом "чем". В них также одно действие является предпочитаемым, необходимым, а другое — не желаемым, отвергаемым:

Чем глядеть, как он корчится, вы бы лучше приказали его добить. (Чехов).

4. Инфинитив может выступать в качестве вершины в разных семантических типах местоименно-соотносительных предложений с союзом "чтобы". Останавливаться на них подробно не будем, так как они имеют такое же модальное значение и те же временные отношений действий, что и все целевые конструкции.

5. Инфинитив может выступать сказуемым зависимой части условных конструкций. В условных конструкциях, как известно, в зависимой части говорится о прогнозируемой ситуации, которая является потенциальной или ирреальной, а в главной дается следствие, вытекающее из такого условия. В аспекте модальности условные конструкции с инфинитивом схожи с рассмотренными выше конструкциями — действие зависимой части является не реальным (потенциальным или ирреальным).

Основное отличие таких предложений от всех рассмотренных выше лежит в области грамматической категории времени и лица. Рассматривая целевые, временные и местоименно-соотносительные предложения, мы отмечали, что инфинитив в них обозначает действие, которое мыслится как следующее за действием главного. В потенциально или ирреально-условных конструкциях действие зависимой части, наоборот, предшествует действию главной:

Если студентов не поправлять, они бог знает до чего докатятся. (Грекова).

При таком соотношении действий момент времени зависимого не определяется относительно времени главного действия, т.е. время действия зависимой части является абсолютным. Как правило, это абсолютное будущее (пример выше), но может быть расширенное настоящее или прошедшее:

Если дать молоку некоторое время постоять, то жир всплывает, образуя сливки. (Косицкий).

Даже если идти неторопливо от Дома литераторов до Греческого, 15, можно было добраться в десять минут. (Каверин).

Условные инфинитивные конструкции резко отличаются от всех других и в аспекте субъектной отнесенности действия зависимой части. Чтобы показать эту их специфику, рассмотрим сначала отношения субъектов частей всех конструкций с инфинитивом. Как мы уже говорили, действие зависимой части в таких предложениях может относиться к субъекту главной или отличному от него, например:

Он приложил много усилий, чтобы оделать советскую литературу партийной. (Катаев).

- и:

Я бы все сделал, чтобы вам не страдать. (Окуджава).

Как показало исследование, число моносубъектных реализаций в выборке в целом резко преобладает над число разносубъектных. В среднем разносубъектные конструкции составляют 20 %. Но для разных типов конструкций их доля сильно колеблется. По доле разносубъектных реализаций исследуемые конструкции распадаются на 4 группы:

1. Конструкции I группы не обнаруживают разносубъектных реализаций. Это характерно для противительных-целевых (с союзом "лишь бы/только бы") и заместительно-сопоставительных (с союзами "вместо того чтобы" и "чем"). Причем, возникает вопрос - возможны ли такие фразы в принципе, не объясняется ли их отсутствие недостаточностью выборки? Чтобы ответить на этот вопрос, мы построили фразы по данному параметру, которые оказались грамматически правильными:

Я все готов сделать, лишь бы тебе не мучиться.

Брат заболел, и вместо того чтобы поехать в Москву ему, поехав я.

Чем тебе ехать, лучше поезду я.

Таким образом, принципиально такие конструкции возможны, - но они очень редки, не узусальны, нормативность их вызывает сомнение.

2. Во 2 группе число разносубъектных конструкций не велико и составляет от 3 до 6%. Так обстоит дело с условно-целевыми, временными и местно-соотносительными конструкциями с "то".

3. Гораздо больше доля разносубъектных реализаций у собственно-целевых, причинно-следственных, местоименно-соотносительных конструкций (с соотносительными словами "так", "такой", "столько" и др.). Она составляет 10-15% от общего числа фраз.

4. Сильно отличаются от всех рассмотренных выше конструкций в этом плане условные предложения. Число разносубъектных конструкций составляет 60% и только 40% реализаций приходится на долю моносубъектных (пример 2):

1. Заяц, если его бить, спички зажигать может. (Чехов).

2. Ну, если так рассуждать, так это черт знает до чего дойти можно. (Нагибин).

Проделанный анализ позволяет сделать вывод о том, что все рассматриваемые конструкции с инфинитивом (за исключением условных) представляют собой особый класс предложений, объединенных общими чертами в области основных категорий сложного предложения. В аспекте модальности их объединяет то, что зависимое действие представлено как нереальное (возможное или ирреальное). Во временном плане их специфика состоит в том, что момент действия зависимой части определяется относительно времени главной, т.е. является не абсолютным. Действие зависимой части мыслится как следующее за действием главной. Отношения одновременности были обнаружены только у заместительных предложений. В аспекте грамматического лица для всех рассматриваемых конструкций характерно преобладание моносубъектных реализаций над разносубъектными.

Условные предложения отличаются от всех других конструкций временным значением зависимой части и ее субъектной отнесенностью. Действие зависимой части является предшествующим по отношению к главной. В зависимой части может быть выражено абсолютное будущее, настоящее или прошедшее (последнее встречается редко).

В области категории лица специфика их состоит в том, что для условных конструкций более характерными являются разнотематные реализации, чем монотематные. Поэтому условные конструкции следует вынести из общего класса конструкций с инфинитивом в особый тип, который по основным признакам гораздо ближе к собственно сложным предложениям, чем все прочие типы рассматриваемых конструкций⁹.

⁹ Черемисина М. И. О сложных предложениях с безподлежащими придаточными. - В кн.: Синтаксис и интонация. Вып. 2, Уфа, 1973.

Содержание	стр.
1. Л.М. Горелова. Функции звенных причастий и их отношения к деепричастиям.....	3
2. Л.М. Бродская. Причастные и деепричастные конструкции в составе сложноподчиненного предложения.....	32
3. Е.К. Скрибник. Падежные аффиксы причастий как показатели связи в полипредикативном предложении (на материале современного бурятского языка).....	44
4. Н.Н. Ефремов. О парности монотематных и разнотематных якутских темпоральных полипредикативных конструкций.....	59
5. А.В. Есипова. Распространенное определение в шорском языке.....	75
6. Э.И. Белимов. Структура предикативной основы предложения при финитных и инфинитивных формах глагола-сказуемого в енисейских языках.....	95
7. Я.Г. Биренбаум. Свободное уточнение (Инфинитив, герундий, имя и придаточное предложение).....	105
8. И.А. Фролова. Оборот "дательный с инфинитивом" в составе древнеславянского предложения.....	118
9. И.В. Бондаренко. О типах полипредикативных конструкций с инфинитивом в функции предиката зависимой части.....	134